

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

КРАСНОДАР

литературный

Июнь 2022

**ПОЗДРАВЛЯЕМ КУБАНСКОГО ПОЭТА
НИКОЛАЯ ЗИНОВЬЕВА
С ПРИСУЖДЕНИЕМ ПАТРИАРШЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
СВЯТЫХ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ**

9 июня 2022 года в Зале церковных соборов кафедрального соборного храма Христа Спасителя в Москве состоялась торжественная церемония избрания и награждения лауреатов XI сезона Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви, секретарь Палаты попечителей премии митрополит Калужский и Боровский Климент огласил приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла организаторам и участникам торжественной церемонии.

В 2022 году рассмотрены 36 заявок на соискание премии из разных регионов России.

По результатам голосования лауреатами XI сезона Патриаршей литературной премии стали: архимандрит Дамаскин (Орловский), Николай Зиновьев (Краснодарский край) и Михаил Чванов (Уфа).

Лауреатам вручены наградные комплекты, состоящие из памятного наградного знака, хрустальной фигуры с изображением равноапостольных Кирилла и Мефодия, диплома и свидетельства о денежной части премии.

На эту престижную награду Николай Александрович Зиновьев был выдвинут по инициативе Краснодарской краевой писательской организации.

№ 2, ИЮНЬ 2022

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

350000, Краснодар, ул. Коммунаров, 58

Рукописи принимаются в электронном
виде (направлять на адрес:

snmakarova@mail.ru)

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Материалы публикуются в авторской
редакции.

За достоверность информации
ответственность несут авторы.

Их мнение может не совпадать
с точкой зрения редакции.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Николай Иванов (Москва)
Геннадий Иванов (Москва)
Сергей Шаргунов (Москва)
Василий Дворцов (Москва)
Юрий Азаров (Москва)
Александр Сегень (Москва)
Вадим Терехин (Калуга)
Елена Пиетиляйнен (Петрозаводск)
Владимир Гаврилович (Гомель)
Валентин Папко (Краснодар)
Людмила Бирюк (Краснодар)
Николай Ивеншев (Краснодар)
Любовь Мирошникова (Краснодар)
Татьяна Немчинова (Краснодар)
Владимир Нестеренко (Краснодар)
Нина Стрижова (Краснодар)
Наталья Широбокова (Краснодар)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

С.Н. Макарова-Гриценко

ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР

(компьютерная вёрстка):

В.В. Романов

ТЕХНИЧЕСКИЙ ДИРЕКТОР:

Н.Ф. Скударнов

© Краснодарское региональное отделение
Союза писателей России, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хроника</i>	3	<i>Лидия Вдовченко</i>	81
<i>Иван Бойко</i>	3	<i>Сергей Тимшин</i>	81
Притяжение к культуре		<i>Владимир Романов</i>	81
		<i>Зинаида Катуржевская</i>	81
СОБИНФО	4	<i>Юрий Васин</i>	83
Презентация в Пушкинской библиотеке		Размышления о Родине и Боге	
В профильном комитете ЗСК	5	Поэзия	90
Новые книги	7	<i>Сергей Павлов</i>	90
Людмила Бирюк "Поручик Державин"	7	И я в том строю... Стихи	
Вячеслав Сбитнев "Река боли"	7	<i>Ольга Худякова</i>	91
Татьяна Немчинова и Мира Гукасова "Основы казачьей культуры в парадигме народного искусства: медийный аспект"	7	Чтобы даль была светла Стихи	
Сергей Лёвин "Петькино кино"	7	Поэтическая аллея	94
"На берегу океана" Сборник для семейного чтения	8	<i>Нина Хруц</i>	94
"Родник и родниковцы" Сборник поэзии и прозы	8	<i>Виктор Деревянко</i>	94
Анастасия Фетисова "Плакун-трава"	8	<i>Николай Ситников</i>	94
	8	<i>Юрий Сердериди</i>	95
	8	<i>Виталий Серков</i>	95
	8	<i>Генрих Ужегов</i>	95
	9	<i>Ирина Верина-Михалкина</i>	95
Имена и даты	9	<i>Ольга Новожилова</i>	96
Я гордой эпохи вестник...	9	<i>Ольга Хомич-Журавлёва</i>	97
Виталий Бакалдин. К 95-летию со дня рождения	9	<i>Марина Щенятская</i>	97
	9	<i>Оксана Медведева</i>	98
	17	<i>Виктория Курбеко</i>	98
Проза	17	Литература и общество	99
<i>Василий Дворцов</i>	17	<i>Генрих Ужегов</i>	99
1943. Ковчег Повесть. Часть 1		Язык Пушкина и ЕГЭ	
<i>Валерий Румянцев</i>	57	<i>Светлана Макарова-Гриценко</i>	102
Дорога на фронт Рассказ		Про спортивные победы и не только	
<i>Виктор Решетнёв</i>	59	<i>Николай Ивеншев</i>	105
Рассказы		Византийский шиповник. Кривые углы	
<i>Любовь Ишунькина</i>	66	<i>Людмила Бирюк</i>	108
Точка отсчёта. Рассказ		Кино – это целый мир	
<i>Татьяна Дулепова</i>	69	<i>Сергей Бондарюк</i>	111
Рассказы		Несколько слов по поводу	
Русский мир	78	Семейное чтение	117
<i>Валерий Латынин</i>	78	<i>Любовь Деткова</i>	117
Меч Христов Цикл стихотворений		Рисует солнце сказку Стихи для детей	
О брате, о Донбассе	80	Вниманию – конкурс	120
<i>Игорь Лятин</i>	80	Фестиваль-конкурс "Кубань литературная"	120
<i>Ирина Ковалёва</i>	80	Семинар начинающих литераторов 2022	121
<i>Иван Белокрылов</i>	80		
<i>Владимир Архипов</i>	80		

ПРИТЯЖЕНИЕ К КУЛЬТУРЕ

Недавно смотрел телеинтервью нашего военного корреспондента с одним из командиров подразделений Донбасса. Проходило оно на фоне активного наступления на украинскую армию. Командир, отвечая на вопросы журналиста, всё время давал какие-то указания своим подчинённым. Неожиданно военкор спросил у него: чем он хотел бы заняться, когда окончится война. Тот чётко ответил: прочитать хорошую книгу. Его ответ меня удивил, но и обрадовал: если фронтовиков тянет к книгам, то интерес к хорошей литературе тем более начнёт пробуждаться и у мирного населения.

Этому способствует всё более активная пропаганда литературы Союзом писателей России по всей нашей великой стране. Поддерживает эта солидная организация тесные связи и с читателями Новопокровского района.

Уже много лет заместитель председателя СПР прозаик, поэт, публицист, драматург, художник и реставратор Василий Владимирович Дворцов, секретарь Союза писателей России и председатель

Союза писателей Кубани, член Высшего творческого совета Союза писателей России и Белоруссии Светлана Николаевна Макарова-Гриценко проводят в наших станицах и хуторах многочисленные целенаправленные встречи с молодёжью, работниками культуры, образования, промышленных и сельскохозяйственных предприятий.

Недавно они снова побывали у нас в гостях. Встретились со студентами Новопокровского многоотраслевого техникума (он находится в посёлке Кубанском), с работниками районной библиотеки, любителями русской прозы и поэзии станицы Новопокровской. Встречи эта проходили в рамках пропаганды лучших образцов современной литературы и представления широкому кругу читателей писателей и поэтов России. На этот раз С.Н. Макарова-Гриценко познакомила новопокровчан с талантливым поэтом, автором-исполнителем своих песен, Лауреатом Всероссийского фестиваля "Песни Боевого братства", республиканского фестиваля солдатской песни "Горячая точка", победителем Всероссийского конкурса поэтического мастерства, автором 350 песен Юрием Геннадьевичем Васиним.

О его творчестве мы знали по публикациям на сайтах интернета, по информационным сообщениям о его участии в многочисленных фестивалях. Участник боевых действий в Чечне, он с особой болью пишет и рассказывает о войне. Вот как, например, в таких строчках из стихотворения "Тишина":

А кругом разлилась тишина –
 Никогда я не слышал такой.
 Может, кончилась эта война,
 Быстротечный закончился бой?
 И не слышно охрипших команд,
 И разрывы совсем не слышны.
 Лишь лежит у дороги солдат,
 Обалдевший от той тишины...

Во время встреч он поразил всех присутствующих своим ярким даром исполнителя. Блестяще читал Юрий Геннадьевич свои стихи, проникновенно исполнял песни, вызывая восторг у зрителей.

Наша знаменитая землячка С.Н. Макарова-Гриценко, чьё стихотворение недавно вошло в известную антологию "Мировое Древо Поэзии", изданную в Объединённых Арабских Эмиратах, рассказала о своих новых переводах, о творческом содружестве с поэтами зарубежья, об участии в поэтическом движении "Мир без границ", о роли русской поэзии и искусства в пробуждении патриотических чувств, о литературных конкурсах, проводимых Союзом писателей России и Кубани, об издательской деятельности, о новых значимых произведениях своих коллег. Уже по сложившейся

традиции подарила новые книги районной библиотеке.

Как всегда, тепло встречали местные жители выступления Василия Владимировича Дворцова, рассказавшего о своей новой книге "1943. Ковчег", вызвавшей большой интерес у читателей Кубани и России. Он великолепно декламировал патриотические стихи, отрывки из поэмы "Правый мир".

Мои земляки, присутствовавшие на встречах с творческими людьми, от всей души благодарили их за постоянную возможность наслаждаться лучшими образцами отечественной литературы и искусства.

"После многочисленных просмотров тревожных телепередач о событиях на Украине, – сказала руководитель Новопокровского литературного объединения "Лири", Заслуженный учитель России Ольга Алексеевна Штратникова, – во время встречи с нашими творческими гостями я как бы погрузилась в прекрасный чувственный мир. Они пробудили у меня радость, желание заниматься ещё более активно пропагандой лучших произведений наших замечательных писателей и поэтов".

Иван Бойко, краевед

ПРЕЗЕНТАЦИЯ В ПУШКИНСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ

В Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина состоялась презентация новой книги "Основы казачьей культуры в парадигме народного искусства: медийный аспект".

Авторы монографии – писатель-публицист, литературовед, член Союза писателей России и Союза Международной федерации журналистов Татьяна Павловна Немчинова и кандидат филологических наук, член Союза журналистов России, ведущий специалист отдела маркетинга, информации и рекламы Государственного академического Кубанского казачьего хора Мира Михайловна Гукасова.

Открыла мероприятие руководитель пресс-службы Кубанского казачьего войска Елена Владимировна Ретинских. От имени атамана ККВ она тепло приветствовала всех собравшихся и выразила благодарность авторам за общественную просветительскую деятельность и создание книги, актуальность которой очевидна.

Монография посвящена исследованию взаимосвязи казачьей культуры с идейной и национальной основой народного искусства России. Краеведы и библиотекари, составившие аудиторию презентации, не понаслышке знают, что в последние годы в российском обществе наблюдается повышение интереса к казачеству и его самобытной культуре. Отдельный интерес представляет её отражение в медийном мейнстриме, основным ньюсмейкером которого, безусловно, является Кубанский казачий хор.

Поздравить авторов с выходом в свет монографии пришли кубанские писатели во главе с председателем Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, заслуженным деятелем искусств Краснодарского края С.Н. Макаровой-Гриценко, руководитель Краснодарского городского отделения общественной организации ветеранов "Боевое братство" Г.Н. Романов, председатель науч-

ного историко-краеведческого клуба "Краснодар: вчера, сегодня, завтра", профессор, заслуженный работник культуры Краснодарского края Н.А. Коновалова.

Участники встречи отметили, что достоинством книги является подкрепление теоретических рассуждений фактическими материалами. А также включение в круг внимания исследователей казачьей культуры личностей, занимающих особое место в ее возрождении и продвижении: В.Г. Захарченко, В.И. Лихоносова, С.А. Медведевой, Т.И. Курасовой, М.М. Шапиро. Авторы убедительно отразили "живые явления" материального и нематериального культурного наследия Краснодарского края с их художественными оттенками и современными нюансами.

Презентацию провели сотрудники отдела по связям с общественностью и массовой работы ККУНБ им. А.С. Пушкина.

СОБИНФО

В ПРОФИЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

В апреле 2022 года председатель комитета ЗСК по вопросам науки, образования, культуры и делам семьи Виктор Чернявский провёл встречу с председателем правления Краснодарского регионального отделения Союза писателей России Светланой Макаровой. Инициативу совершенствования формата взаимодействия с общественными организациями недавно на планёрном совещании озвучил руководитель кубанского парламента Юрий Бурлачко, который отметил важность новых подходов и использования имеющихся ресурсов в духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи.

В мероприятии также приняли участие депутаты ЗСК Юлия Алешкевич и Вячеслав Сбитнев, представители региональных министерств культуры и образования, департамента информационной политики края, директор краевой научной библиотеки им. А.С. Пушкина Виктория Гончарова, член правления Краснодарского регионального отделения "Союз писателей Кубани" Общероссийской общественной организации "Союз писателей России" Наталья Широбокова.

В ходе встречи участники поднимали темы значимости роли писателей в духовно-нравственном и патриотическом воспитании подрастающего поколения, необходимости активнее использовать потенциал творческой интеллигенции для формирования правильных идеологических установок, гражданской позиции и преподавания уроков краеведения в школах на основе книг местных писателей, пробуждения интереса к чтению качественной литературы.

О том, что такие задачи по силам представителям краевой писательской организации, рассказала Светлана Макарова. По её словам, в настоящее время в региональном отделении Союза писателей России состоят 56 поэтов, прозаиков, авторов книг и публикаций, отмеченных высокими наградами и званиями, литературными премиями и победами в конкурсах и фестивалях. В 2019 году региональная писательская организация была признана лучшей в России. А в 2020 году городу-курорту Анапа присвоено звание "Литературный город России". В этом же году на всероссийском конкурсе среди молодёжных литературных объединений победителем стало анапское молодёжное ЛиТО "Авангард", также среди лучших в стране назван краснодарский "Клуб молодых литераторов". Молодые авторы активно работают в формате Совета молодых литераторов Кубани при краевой писательской организации.

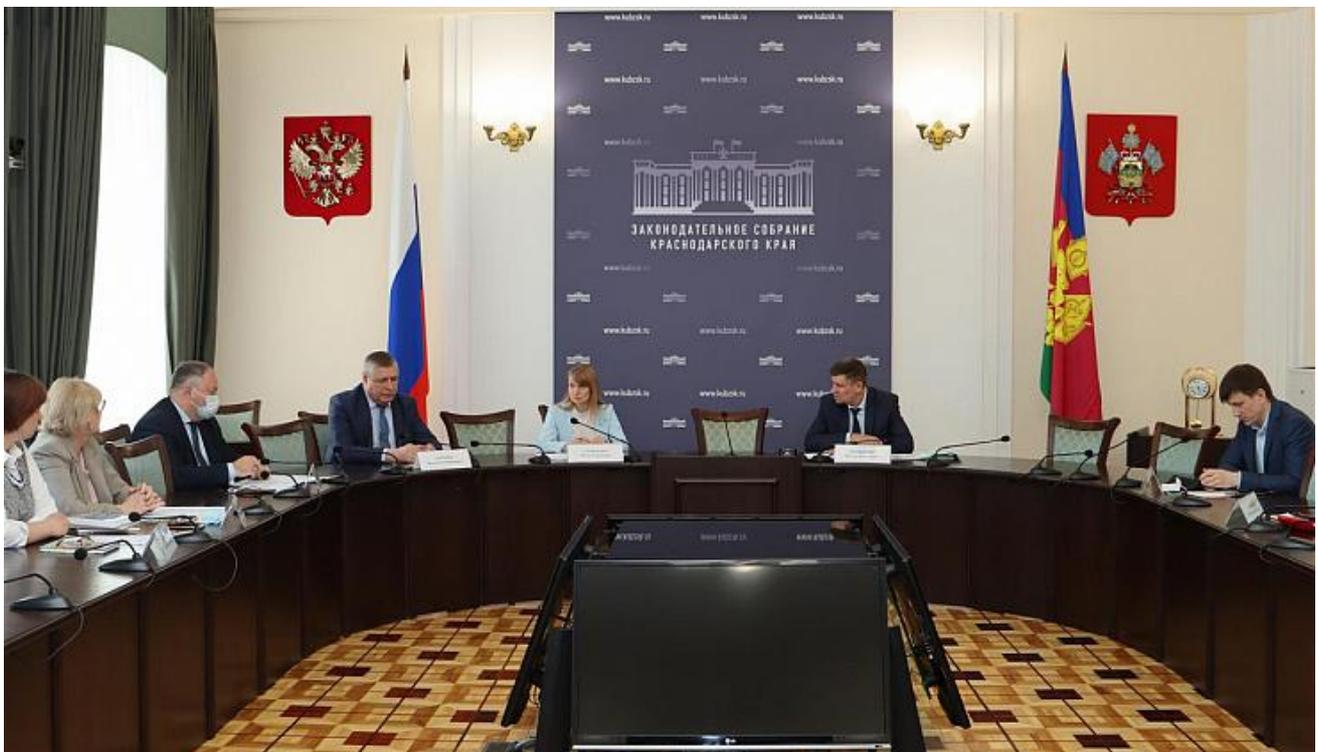
Кроме этого, для профессиональной подготовки творческой молодёжи ежегодно проводятся краевые семинары, на которых начинающие авторы работают над своими произведениями под руководством мастеров. Также ежегодно Союз писателей организует тематические литературные фестивали и конкурсы, в которых принимают участие авторы и литературные объединения всех районов Кубани.

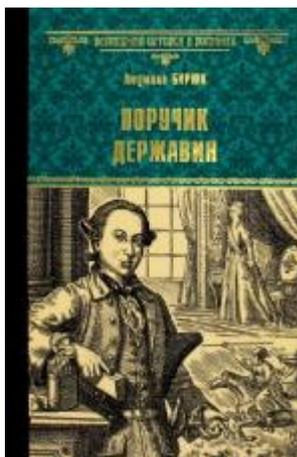
С 2020 года в электронной версии выходит краевой литературный журнал "Краснодар литературный". Только за последнее время силами литераторов подготовлены к печати и изданы коллективные сборники "Писатели Кубани-21 век", "Русское слово ПОБЕДА", сборник "Молодая проза Кубани", подготовлена к изданию книга для семейного чтения "На берегу океана".

При поддержке министерства культуры края осуществлён проект "Видеолитература", работает "Первый литературный канал Кубани" на цифровой платформе, в рамках этих проектов созданы более 50 видео-презентаций, которые используются на уроках краеведения.

Были на встрече названы и проблемные вопросы краевой писательской организации, обсуждены пути их решения. Заместитель министра культуры края Григорий Жуков заверил, что в мае будет разработана "дорожная карта" по реализации прозвучавших предложений. Среди них – проведение дней кубанской литературы, читательские конференции и встречи с литераторами в библиотеках, домах культуры и в клубах, издание книг и ряд других.

Подводя итог встречи, Виктор Чернявский подчеркнул, что профильный комитет кубанского парламента всегда готов поддерживать инициативы и общественные организации, деятельность которых направлена на созидание и воспитание достойных граждан своей страны.

В апреле нынешнего года в московском издательстве "Вече" вышла книга Людмилы Бирюк "Поручик Державин" (серия "Всемирная история в романах").

Роман о Гаврииле Романовиче Державине, патриархе русской литературы, благословившем на излёте своих дней юного Александра Пушкина, ранее печатался в журнале "Краснодар литературный" (№№ 2, 3, 4 2021 – № 1 2022) под названием "Река времён". По выражению писателя Николая Ивеншева, эта книга о "человеке мучающемся, сомневающемся и находящем всё же в своём сердце добро".

Теперь читатели нашей страны смогут познакомиться с удивительной жизнью великого поэта, полной приключений, творческих побед и горьких разочарований. Но какие бы испытания ни выпадали на его долю, он всегда оставался верным сыном своего Отечества, которому в одном из своих стихотворений придумал ласковое имя – "Родина".

"Река боли" – дебют прозаика Вячеслава Сбитнева – роман, который представляет собой яркое повествование о борьбе молодой женщины с коварной болезнью. Выбранная тема позволяет говорить о социальной ответственности начинающего прозаика, стремящегося достойно, образно и эмоционально развернуть для читателя картину каждодневного мужества и силы духа, картину борьбы за жизнь, борьбы со смертью даже не ради себя, а ради того, чтобы не стали сиротами сын и дочь. Нужно признать, что эта тема предполагает и мужество автора, описывающего события, а, значит, вместе с героиней произведения Екатериной погружённому в ту самую "реку боли", чтобы не просто рассказать, а предупредить, подготовить, если вдруг каким-то образом тема возникнет у читателей. И это очень важно, ведь литература – учебник жизни.

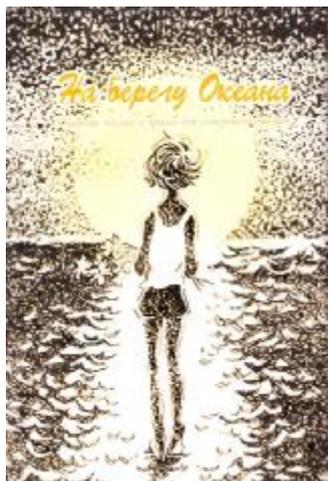

Представленные в книге статьи Т. Немчиновой и М. Гукасовой – это исследование и анализ взаимосвязи культуры казачьего края – Кубани как части народной культуры – с нематериальным культурным наследием народного искусства России. Авторы на примере духовных символов Кубани, творческой деятельности выдающихся личностей, музыкальных коллективов, выявляют особенности быта и традиций основы народной культуры – кубанского казачества, сохранившего свои уклады и преемственность. Книга, вышедшая в Год народного искусства, объявленного Президентом России В.В.Путиным в 2022, несомненно, не только привлечёт внимание читателей, но поможет осознать величие и значимость огромного культурного достояния, созданного нашими предками (Краснодар, издательство "Просвещение-Юг", 2022).

Вы знаете, как снимается кино? Как его показывают в кинотеатрах? Сколько людей работает над одним фильмом? Петька не знал. Но однажды пришёл с папой на киносеанс и открыл для себя целый мир: красочный, волшебный, полный невероятных приключений.

Вместе с маленьким героем повести читатели узнают, как работает кинопроектор, пройдут кастинг, побывают на самой настоящей съёмочной площадке и даже снимут короткометражку. А чтобы читать было ещё увлекательнее, в книге есть сюрприз. На её страницах есть кинохлопушки с QR-кодами. Если навести на них смартфон, можно узнать много интересного: когда в нашей стране открылся первый кинотеатр и кто такой тапёр, какие российские фильмы завоевали "Оскар" и что такое кульминационная сцена. Такая вот книга вышла у писателя из Анапы Сергея Лёвина с иллюстрациями Елены Кураш (издательство "Антология", Санкт-Петербург, 2022).

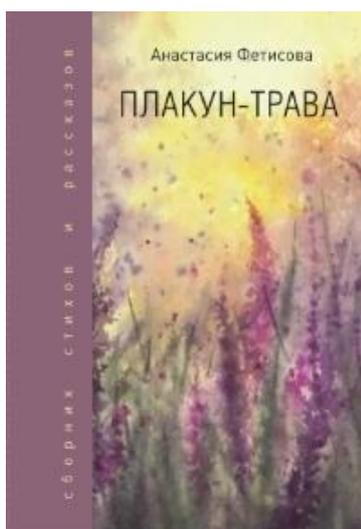
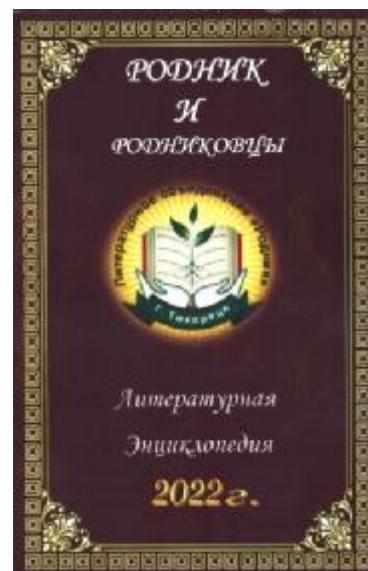

В сборник поэзии и прозы "На берегу океана" современных кубанских писателей вошли произведения, адресованные детям и юношеству. Основная часть стихов и рассказов написана во втором десятилетии XXI века, они публикуются впервые или малоизвестны читателям. Также представлены произведения, которые написаны и рассказывают о событиях прошлого века, когда авторы и сами были очень молоды. Сборник создан не только для семейного чтения, для развития, расширения кругозора детей и молодых людей, начиная от их самого раннего возраста, но и для укрепления семейных традиций, семейного круга.

Книга проиллюстрирована работами Людмилы Киселёвой, советской и российской художницы, писательницы, благотворителя, лауреата международной премии "Профессия – жизнь" (Краснодар, 2022).

Тихорецкое литературное объединение "Родник" появилось в 70-х годах прошлого века. За долгие годы своего существования выросло не одно поколение талантливых литераторов из Тихорецка и Тихорецкого района. С 2003 года, под руководством Генриха Николаевича Ужегова, ЛиТО стало зональным. Его ряды пополнились новыми именами авторов, которые сегодня являются активными участниками литературного процесса не только в районе, но и на Кубани. Членами Союза писателей России стали родниковцы Борис Стариков, Владимир Романов, Ольга Немыкина, Ольга Худякова. Заявили о себе поэты и прозаики Сергей Мельников, Александр Калинин, Эдуард Чернухин, Геннадий Леликов, Ольга Новожилова, Валентина Коновалова, Ирина Ситникова, Михаил Карасёв. Произведения этих авторов и многих других представлены в новом сборнике поэзии и прозы, изданном в Кропоткине в 2022 году.

Сборник поэзии и прозы краснодарского автора, члена литературного объединения "Верность" Анастасии Фетисовой "Плакун-трава" – её дебют в литературе. В книгу вошли стихи, рассказы, миниатюры, адресованные широкому кругу читателей. Несомненно, книга вызовет интерес яркостью художественных образов и светлой палитрой текста, порой возвращающей всех нас в детские годы. Впечатление дополняют замечательные иллюстрации – рисунки художницы Н.А. Циркуновой (Краснодар, издательство "Традиция", 2022).

ВИТАЛИЙ БАКАЛДИН (1927 – 2009)

К 95-летию со дня рождения

"Я ГОРДОЙ ЭПОХИ РОВЕСНИК..."

Поэтическое наследие Виталия Борисовича Бакалдина, особенно его позднее творчество, ещё не вполне изучено и не оценено по достоинству. Современные кубанские литературоведы и критики в своих трудах почему-то осторожно обходят творчество Бакалдина, не дают себе труда внимательно и непредвзято познакомиться с его произведениями и традиционно воспринимают его как поэта-ортодокса, который только и делал, что воспевал партию и советский строй. Но это не так... Он был убеждённым коммунистом, но не стал подпевалой партийных функционеров.

В стихах Бакалдина легко прочитывается его жизнь: краснодарское детство, суровые испытания войны, радость мирной жизни, трудовая Кубань, благородный и нелёгкий учительский труд, растущая молодость и любовь. Всё это запечатлено в его произведениях, среди которых особенно известны поэмы "Царевна-недотрога", "Город мой", "Стихи о хлебе", "Быстрина", "Расстояния", "Материнские сны", "Русский порт Новороссийск", "Самому первому", "Объяснение в любви"... Со сцены в исполнении профессионалов и самодеятельных чтецов звучали стихи "Полевая сумка", "Травы-муравы", "Сказка о пойманной птице", "О сердцах", "Новороссийский салют" и другие. Он был человеком энциклопедических знаний и художником высочайшей внутренней культуры. А чем выше культура и шире кругозор поэта, тем полней и правдивей изображаемый им мир. Добрые отзывы о Бакалдине оставили выдающиеся советские писатели и критики: Михаил Шолохов, Юлия Друнина, Сергей Михалков, Михаил Львов, Виктор Гончаров, Валентин Овечкин, Александр Макаров...

Что же случилось после пресловутой "перестройки"? Для новых литературных толкователей Бакалдин стал непонятен и даже в чем-то опасен. В 90-е годы, в то время, когда "раскрепощённые" поэты радостно танцевали на обломках СССР, Бакалдин открыто горевал о потере своей советской Родины. Не мог он смириться с тем, что так называемый "авангард рабочего класса" чуть ли не добровольно отдал страну на заклание новоиспечённой компрадорской буржуазии. Какую смелость надо было иметь, чтобы пойти против мнения большинства!

В тёмное смутное время Бакалдин не спрятался от читателей и не предал свои идеалы. Обычно чуткий и внимательный к людям, он становился твёрд и бескомпромиссен, когда дело касалось его убеждений. Не признавал он модного слова "толерантность"... Его эрудиция позволяла ему блестяще аргументировать свою точку зрения. Для многих он был, мягко говоря, неудобен. Смелостью суждений он нажил себе немало врагов, но относился к ним спокойно, не отвечая на их овечье бляение.

Неверно и то, что после развала СССР поэт-коммунист Бакалдин якобы ушёл в тень, сочинял мало и пребывал в безвестности. Напротив, как раз в это время им были созданы самые яркие и глубокие произведения: гражданские и патриотические стихи, а также трепетная любовная и мудрая философская лирика. Сотни стихов! Его произведения издавались в поэтических сборниках, печатались в краевых и центральных газетах, звучали со сцены краевой филармонии, в школах и библиотеках... Он был редактором газеты "Литературная Кубань", неизменным руководителем детских поэтических семинаров и конкурсов...

Темы стихов Бакалдина разнообразны и многолики, как сама жизнь. Он был не только выдающимся поэтом-публицистом, но и проникновенным лириком. Любовь и боль в его стихах всегда идут рядом... Обращаясь со словами благодарности к подругам своей "мимолетной юности земной", поэт просил у них прощения за то, что оставил их ради одной-единственной на свете. Той, к которой "ушел не на минуту, а до тех... до самых... до берёз...". Так и получилось. Жена Виталия Борисовича, талантливая учительница русского языка и литературы Евгения Владимировна, не смогла прожить без мужа и полугода. Теперь они навеки рядом, а берёзы шумят над ними...

* * *

Иду я по пустому стадиону.
Вокруг меня трибун бетонных тонны.
Лишь белый снег ложится на бетон.
Тосклив в своём безлюдье стадион.

Огромный, он огромней стал в тиши,
когда на белом поле ни души.
Не верится, что здесь взрывались страсти,
что воздух раскалён был и горяч,
и тысячам и счастье и несчастье
дарил, влетая в сетку, жаркий мяч.

И телевеликан, той страстью пьян,
азартно мяч в экран вгонял с высот!
Сейчас, из снега мглисто изваян,
отсюда в дом он страсти не внесёт.

Я, нагибаясь, снег беру в ладони,
футболу снег промокшею ногой,
один на всём пустынном стадионе
круг прохожу дорожкой беговой.

Как тягостны мои бывают дни,
когда я с ним, с таким вот, вдруг сродни.
Ему-то что! С весною он проснётся,
в лучах всепобеждающего солнца.

Трибуны ошалело закипят
в бурливой лаве с головы до пят,
в сплошном животрепещущем огне!
Ему-то что... А как придется мне?
(1984)

* * *

*Мы едем, едем, едем в далёкие края...
С.В. Михалков. "Весёлые путешественники".*

Вот и точка... Псу под хвост,
всё, чем жил и с чем я рос...
Пионерских песен поезд
покатился под откос...

От тоски последних стонов
не податься в никуда.
Из поверженных вагонов
смотрят мёртвые года.

Исковерканные строфы,
немота разбитых нот,
небывалой катастрофы
ночь мучительных длиннот.

Полыхает пламя пышно,
как в саму войну, точь-в-точь,
Да не видно и не слышно
тех, кто мог бы тут помочь.

Ни врачей и ни сапёров.
Кровь из ран ещё свежа.
Шарят лапы мародеров
в тёплых душах багажа.

Человечки тусклой масти
(благо спит для них закон)
что ни есть порвут на части,
как водилось испокон.

На печальные останки
ляжет снега седина.
А была на полустанке
стрелка переведена.
(1991)

Гордость

Забавен мне гонор арийский,
а вот ведь стою на своем,
что я никакой не российский,
а русский всегда и во всём.

Сиянием неба и солнца,
дыханием горькой земли
нам звание в жизни даётся,
чтоб с честью его мы несли.

Свой лик не теряй в этом мире
и с братом живи не вразброд,
а просто – как в общей квартире
жил мой многоликий народ.

Я гордой эпохи ровесник,
и выше мне звания нет,
чем русский учитель-словесник
и русский советский поэт.
(1994)

Может быть...

Волны бились о причал,
дождь кропил сквозь сито,
над горами гром ворчал
долго и сердито.

В бухте мгла... И в небе мгла...
И душа, им вторя,
ждать уже изнемогла
светлых дней у моря.

Но внезапно, сразу вдруг –
солнце в небе синем!
Может быть, и мы, мой друг,
мрак постылый скинем...
(28.08.2000)

* * *

*Нас было много на челне.
А.С. Пушкин*

От правды нечего таиться,
нас очень мало на челне...
И словно раненая птица
крылом бьёт парус по волне.

Без озаряющего слова,
без путеводных звёзд во мгле
и в тяжкий час без рулевого
мы всё же грезим о земле.

Кого ненастье вмиг сломало...
Кого подвигло на борьбу...
И речь о нас, которых мало,
ведётся мной не в похвальбу.

Ведь в гавань мы войдём не сами...
Другие в ярости ветров
И под другими парусами
достигнут наших берегов.
(18.10.2000)

* * *

Не лучше было б умереть
в неведение счастливым,
не ведая, что будет смерть
бродяжничать по нивам,
не слыша брошенных цехов
немую жизнь без смены,
не вынося на свет стихов
о низости измены...

Кому-то злая мысль моя
кощунственно греховна.
Да без своей Отчизны я
несчастлив, безусловно.
К тому же видишь всё ясней,
как это ни обидно,
что в некий час расстались с ней
мы благостно постыдно.
(06.11.2000)

* * *

Как фотографии тех лет,
так и стихи тех лет:
как будто это мой портрет,
а вроде бы и нет.

Года стремительно круты,
и с горной высоты
в своей строке свои черты
с трудом находишь ты.

В них юных зорь напев простой
с любовью и мечтой
и, как весенних трав настоек,
дыханье жизни той...

Одно словцо, одна деталь
вдруг растуманят даль –
и так пронзительна печаль,
и так чего-то жаль!
(14.11.2000)

* * *

Притихнувший предзимний Геленджик...
В пустых аллеях шорохи всё глуше...
Опали листья... Ресторанный шик
не лезет нагло ни в глаза, ни в уши...

Лишь море то же... Только холодной...
В мерцании бескрайне величавом
вне пёстрой суеты курортных дней
оно не служит солнечным забавам...

Оно – для мореходства и пальбы.
Оно – для дел опасных и мятежных.
А я с ним связан, баловень судьбы,
живой волной прикосновений нежных!
(12.11.2000)

* * *

Без листвы узор ветвей
резок в небе ясном.
В листопад судьбы своей
думаешь о разном.

Пусть она, какая есть,
на нещедрой ниве:
не в одном богатстве честь,
радость не в наживе.

С моря яростный закат
ослепляет горы...
И за то, что не богат,
мне смешны укоры.

В солнце жёлтые дубы,
солнце в тёмной хвое –
словно всей моей судьбы
золото живое...
(08.11.2000)

Наш день

12 февраля 1943 года – освобождение
Краснодара от фашистских захватчиков.

*Светлой памяти Жени Оленина,
одноклассника и друга.*

До рассвета мы вышли с тобой
встретить день после ночи слепой...
С мёртвой тяжестью низких дымов,
с чёрной гарью разбитых домов,
с жарким пламенем, с резкой пальбой
день февральский пришёл к нам с тобой...
И торжественней не было дня
столько лет для тебя и меня!

В час беды, бушевавшей кругом,
мы шагнули схватиться с врагом
и в пятнадцать отчаянных лет
вливать в следы миллионов свой след.
Светоносно они пролегли
из глубин разорённой земли
к рубежу, когда пламенный стяг
в громе битвы взошёл на Рейхстаг.

В праздник мая, товарищ и брат,
мы внесли свой мальчишеский вклад,
невеликий, невидный... И всё ж
он с другими, с великими схож.
И не надо взирать свысока,
как мы в поиске взяли "языка"
повязали двух вражьих солдат –
пусть ничтожный, а всё-таки вклад!

И под пулями в юном пылу,
и на вахте в голодном тылу
шли с отцами впритирку сыны
по тяжёлой дороге войны.
Снова – время жестоких потерь.
Нас немного осталось теперь.
И сегодня, любя и скорбя,
я встречаю Наш День без тебя...
(12.02.2001)

Бездарность

Бездарность и завистлива, и зла,
тем паче, коль чуточек невезуча.
Она тогда, куда бы ни вползла,
особенно едуча и кусуча.

Всяк от неё любых напастей жди:
и осенённый лаврами героя,
и вознесённый в мудрые вожди,
и чародей пошива и покроя,
и новичок, наладивший дела,
и ветеран, не сдавший убеждений...
Бездарность, как закусит удила,
так будет жечь, не зная снисхождений.

Одной кусучей особи следы
и то бывают тягостно едучи,
но как же тот натерпится беды,
когда кусучих налетают тучи!
(19.05 2001)

Святосла

"Он был чудесный человек...
он не имел врагов..." –
сужденье нравственных калек
и пошлых дураков.

Как он сумел, в конце концов,
живя в эпохе сей,
среди отпетых подлецов
иметь одних друзей?

В какой он кротости возрос
столь бесприсветно свят?
Ведь даже Иисус Христос
врагами был распят.
(19.05.2001)

Есть песни...

Есть песни борьбы
и есть песни нытья,
хмельной похвальбы
и стального литья...

Есть песни любви
и есть песни-молитвы
родные, свои,
для трудов и для битвы...

А тут, точно сажа,
угарные сплошь...
И песнями даже
их не назовёшь!

Чтоб в сердце юнца
умертвить всё живое,
ни нот, ни словца
у истошного воя...
(23.05.2001)

Поэзия

Нет, не барский "серебряный век"
мережковских, бальмонтов и прочих,
а стальной наш, беруший разбег
век воинственных чернорабочих,
век высокой и чистой любви,
век смертельной борьбы с уходящим,
в небе хмары раскинув свои,
озаряется словом разящим!
(06.07.2001)

* * *

Верьте, я собой не озабочен...
Это не бравада, видит Бог!
Мир вокруг так горестно непрочен,
что я в думах тяжких изнемог.

Пусть житейских нудных неполадок
я одолеваю маяту,
пусть мой хлеб, по возрасту, несладок,
но другим совсем неумоготу.

Мне до их стенований что за дело,
коль беда по их же воле злой,
но ведь зло не вкось меня задело,
а вонзилось в сердце мне иглой.

Осуждают самоистязанье,
коим я вконец себя извёл,
но глушить кричащее сознание –
это над собою производ.

Жгуче неотступно беспокойство
о большой, о нашенской судьбе,
так что на своё самоустройство
просто сил не вижу я в себе.
(29.06.2002)

* * *

Обязан я в судьбе своей
старанию ваятелей –
и переменчивых друзей,
и стойких неприятелей.

Где находить нам образцы –
в залётных мыслях, в яви ли?
По вкусу каждого резцы
отметин мне оставили.

Ударов колющих не счесть,
но терпит изваяние...
Не уронить бы только честь
да сохранить сознание.
(30. 06. 2002)

Слова и слова

Новоявленное слово "новорусский"
отдаёт борделем, банком и кутузкой,
пулей киллера, безграмотностью, взяткой,
сытой наглостью, рекламною прокладкой,
ложью в церкви и запятнанным мундиром,
повсеместно презираемыми миром.
(01.07. 2002)

* * *

Благодарю за добрые слова,
за искренние дружеские чувства.
От них всегда кружится голова
у грешного служителя искусства.

Хмельно и сладко снова слышать их
и узнавать, что нужен ты кому-то,
что мысль твоя, зароненная в стих,
пришлась другому в некую минуту.

И оттого сомнения опять,
и потому мучительно тревожно,
что нужно то насущное сказать,
о чём смолчать сегодня невозможно.
(01.07.2002)

* * *

Жизнь мы принимаем изначально
с молодостью вечной заодно.
Да потом, как это ни печально,
повторить былого не дано.
...Так же неоглядно сине море,
те же горы в зелени весны,
те же в приглушенном разговоре
наши две заветные сосны.

Словно бы божественная милость
мне явила таинства свои,
словно бы с небес ко мне спустилось
время осязания любви.

Миг один – и вновь любовь коснётся
с тихим ветром губ моих... Вот-вот...
Лишь скользнёт за мыс багрянец солнца...
Всё как было... Да вот я не тот.

Так уж повелось со дня творенья:
в мириадах мириадом лет
ничему нет в мире повторенья...
Тем волшебней молодости след.
(02. 07.2002)

Утром

Утром город на виду.
Я в редакцию иду.
Под высокой синевой
мир кудрявится листвою.
Взор открыла "Роспечатать".
Новый день пора начать...
Да, откуда ни возьмись,
тьма качнула света высь
и заставила меня,
осуждая и виня,
насчитать, хоть не хотел,
семь валяющихся тел!

Мне, признаюсь, лично
видеть их привычно
в позах самых разных,
безобразно грязных,
в одежонках рваных,
безнадёжно пьяных,
мёртвых ли, недужных –
всё одно ненужных...
Никому нет дела
До их душ и тела.
И куда ты ни взгляни,
не в диковинку они!

Робких нищих косяки
в русле тротуара.
Хищной стаей босяки
в омуте базара.

Что им лживые слова?
Что им вшивые права?
Что им в сутолоке дня
теле-радио-трепня?
И за сердце я берусь:
снова горьковская Русь...

На колу мочало –
начинай сначала!
(02.07.2002)

Творчество

Я вновь прервал своё молчанье
на свет явившейся строкой,
и ритма робкое звучанье
течёт чуть слышимой рекой.

Найдёт ли силы влиться в море,
сквозь дебри слов стремясь вперёд,
иль, обессилев, в тщетном споре,
иссохнет, стихнет и умрёт.
(03.07.2002)

* * *

Недругам на радость стала фактом
созиданья прерванная нить,
и ни покаяньем, ни инфарктом
нам своей вины не искупить.

Мы пребудем вечно виноваты
перед строгой мудростью земли,
что того, чем были мы богаты,
от самих себя не сберегли.
(09.10.2002)

* * *

Неловко быть в плену судьбы своей,
когда у друга в жизни всё неладно,
и кто-нибудь из якобы друзей
спешит ему сочувствовать злорадно.

Лишь у высокой дружбы есть права
на смелое вторжение в несчастье,
на светлые насущные слова
и просто на безмолвное участие.
(14.12.2002)

* * *

Не калечьте себя нелюбовью,
не обкрадывайте вы себя.
Чувство вечное вечною новью
окрыляет нас, в жизнь торопя.

И себя с полуслова свиданья
и к борьбе, и к разлуке готовь,
и к высокой мечте обладанья,
и к тоске, если это любовь.

Я упрямо пишу всё о том же,
слышу то же дыханье весны.
Даже самые падшие бóмжи
могут видеть небесные сны.

Ярославны, Изольды, Джульетты
звёздно светятся издалека.
Осенённые ими сюжеты
сберегают любовь на века.

И пуглива она, и отважна,
и греховно пьянее вина,
И во все времена не продажна!
А продажна... Так то не она.
(20.01.2003)

Старость

Как тут в отчаянье не впасть,
когда царит, ликуя всласть,
опустошительная власть
рекламного паяца!

Мальчишкой отвергавший страх,
бывавший на семи ветрах,
я при седых своих вихрах
вдруг жизни стал бояться.
(18.02.2003)

Потеря

Ни жизни, ни мысли, ни чувства,
а просто засилье кощунства,
а только бесчинство паскудства
в замену искусству теперь.

Выходит, что песенка спета,
и горькая истина эта,
как весть о погибели света,
страшнее всех прочих потерь.
(20.02.2003)

Любовь

Известно, сердцу не прикажешь.
Придёт любовь – и что тут скажешь,
бесовский узел не развяжешь,
волшебной стянутый рукой.

Тут никакого снисхожденья
не просит мудрость убежденья,
что нет прекрасней наважденья,
чем сердца жгучий непокой.
(14.03.2003)

* * *

Прежних нас сегодня единицы,
и безумных дней круговорот
в цепь одну зовёт соединиться
горстки из остатков наших рот.

Надо лет ушедших поколенью
до конца держаться, как в бою,
чтоб времён грядущих пополненью
передать позицию свою
(20.03.2003)

* * *

Я дружбою был не обижен
и не был любовью забыт,
и, пусть по-советски не пышен,
был светел и ясен мой быт.

Мы жили, надеясь беспечно
на вечность добра и любви,
и сами же бесчеловечно
убили надежды свои.
(21.03.2003)

* * *

Гаснет прошлое вдали.
Всё ушло, и все ушли.
Лишь душа моя опять
всё и всех приводит вспять,
собирая в тесный круг
всех друзей и всех подруг,
всё, чем жил я в жизни той,
и греховной, и святой.
(10.07.2004)

Старый Краснодар

Осенних улочек кварталы
с прозрачной солнечной резьбой,
как юных лет мемориалы,
увековечены судьбой.

Не мрамора седые плитки,
не бронзы гордое литье,
а ласково хранят калитки
былой поры житьё-бытьё.

То присмирев, то свирепея,
катило время дни свои.
Здесь, что ни шаг, всё эпопея
трагизма, славы и любви...
(08.10.2005)

* * *

Друзья собою заполняют
мои оставшиеся дни...
И одобряют... И пеняют...
И помогают мне они...

Не верю, что ушли когда-то
туда, откуда нет возврата,
когда опять они со мной
в моей обители земной.

Со мной – не вечною душою,
которой не было и нет,
а просто памятью большою
моих давно немалых лет.

За именем другое имя...
За речью речь... За взглядом – взгляд...
И я безмерно счастлив с ними,
как много лет тому назад.
(18.07.2006)

* * *

Вступая в год свой юбилейный,
смотря на прошлое в упор,
я продолжаю не келейный,
а принародный разговор.

Каков я есть, рассудит время
и по делам, и по стихам,
по совершаемым со всеми
и достижениям, и грехам.

Неотделимый от эпохи
и верный делу одному,
нас укоряющие вздохи
не принимал и не приму.

Не к небесам благословенным
я обращаю грешный взор,
а к пацанам обыкновенным,
в бессмертие вознёсшим двор,
к сердцам, истерзанным в ненастье,
к творцам, чей светел в мире след,
и к давшей мне любовь и счастье
царевне юношеских лет.

В моих виденьях лица, лица...
Как быстро время истекло!
И как успеть мне расплатиться
за всё дарёное тепло!

Не жду ни райского сиянья,
ни преисподнего огня.
Несу я слово покаянья
к стопам прощающих меня.
(13.01.2007)

Радость

Не в масть пронырливым и дошлым,
глумливо рвавшим партбилет,
уйдя в себя, живу я прошлым
на невесёлом склоне лет.

И пусть болезненна усталость,
пусть век торгашеский не мил,
но даже старость будет в радость,
коль вспомнить то, как счастлив был!
(01.05.2008)

Мема

"Тему вы мне укажите,
тем возвышающих нет", –
провозглашал небожитель,
в грёзах парящий поэт.

Устремлено стихоплётство
к высям вселенской любви.
А по России сиротство
носит обноски свои.

А по России обиды.
А по России беда.
Всеякие видывал виды.
А вот таких – никогда.

Тут уж система такая.
Каждый в ней сам по себе.
Каждый живёт, потаякая
личному в личной судьбе.

Вылепить нечто не просто
из хитромудрых затей.
И заедает короста
мир беспризорных детей.

В хитросплетеньях системы
можно свихнуться с ума.
Я не искал этой темы –
сходу возникла сама!
(19.05.2008)

Снимок

Ровно шестьдесят пять лет
всё в пути со мною
комсомольский мой билет,
выданный войною.

С ним в руках дивлюсь я вслух
и не без заминки:
"Кто там... тощ и лопух
на поблекшем снимке?
Как он хмур... И как он зол..."
В схватке повседневной
так смотрел мой комсомол
злой поры военной.
(24.05.2008)

Мечты

Мы любим, работаем, пьём и поём,
случается, плачем, как дети.
Живём и мечтаем о главном своём,
о самом желанном на свете.

Я страстно хочу на излёте судьбы,
чтоб юных растущие смены
сломали в кончину извечной борьбы
бесправия вечные стены.

Хочу, чтобы честь им была по плечу,
чтоб ложь была изгнана ими!
А что до меня... Я тщеславно хочу
оставить им доброе имя.
(26.07.2008)

Листопад

В тихом парке листопад.
Листья кружат плавно.
Тридцать лет тому назад
для меня недавно.

А давно... Так то уже
за полвека где-то...
Там... На дальнем рубеже
раннего рассвета.

С быстротечною рекой
сравнивают годы.
А, глядишь, несут покой
медленные воды.

Видно, участь такова
у подхода к устью.
...Тихой памяти листва
опадает с грустью.
(04.09.2008)

Мое время

В кровь обдирали мы
натруженное тело,
чтоб вырваться из тьмы,
в своё поверив дело.

И у границ враги,
и в глубине сознания,
и адовы круги,
и праздник созиданья.

Великих сил исток.
Великих тягот время.
Не Сталин был жесток.
Жестоко было время.
(20.12.2008)

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

Москва

Дворцов Василий Владимирович, прозаик, поэт, публицист. Заместитель председателя Правления, генеральный директор Союза писателей России. Действительный член Академии Российской словесности. Автор романов "Аз буки ведал...", "Каиново колено", "Терга Обдория", "Звезда Марии"; повестей "Ангел Ангелина", "Тогда, когда случится", "Кругом царила жизнь и радость"; поэм "Правый мир", "Ермак"; сборников драматургии, поэзии и публицистики. Лауреат международных литературных премий им. И.А. Гончарова, св. Кирилла Туровского, Н.В. Гоголя, В.И. Нарбута, всероссийских им. И.А. Бунина и Н.С. Гумилева, православной литературной премии св. Александра Невского и др.

1943. КОВЧЕГ

Повесть. Часть 1

17 апреля 1943 года. Суббота

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 17 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения вели активные боевые действия и на отдельных участках отбивали контратаки противника. За два дня боев на этом участке фронта уничтожено до 4.000 немецких солдат и офицеров, подбито и сожжено 17 танков, уничтожено 39 орудий, 31 миномет и более 100 пулеметов. Нашими бойцами захвачены трофеи, в числе которых 8 орудий. На другом участке противник предпринял несколько контратак. На наши позиции впереди двигались румыны, а за ними шли немецкие автоматчики. Попав под убийственный огонь советских подразделений, румыны повернули назад. Тогда немцы открыли стрельбу по своим "союзникам" румынам. Наши бойцы контрударом опрокинули противника и улучшили свои позиции. Только на этом участке противник оставил 3 подбитых танка и до 300 трупов своих солдат и офицеров.

* * *

– Дьяк, ну что, хавнём по-шустрому? Наперёд, на недельку?

Мелкий Живчик, для авторитетности никогда не расстававшийся с автоматом и пистолетом, подсел-плюхнулся вплотную, чуть толкнув под руку. Дьяк недовольно отодвинулся, но головы не поднял.

– Чего так?

– А пророчествую. Через день-другой дальняя дорога выпадает. – Живчик сдвинул пилотку на самый затылок, подвзбил жиденький сизый чубчик – гордость разведчиков:

– Командир из дивизионного штаба с особистом вернулся. Да не с каким-то фуфельником, а с капитаном госбезопасности. Щас тот в наших историях полный шмон проведёт, согласно инструкции поисповедует: а насколько сильно ты Советскую власть любишь? Какие грехи тебе в коммунистическое царство войти мешают? Да, в натуре, достоин ли ты, отсталый элемент, ваще за Родину героическую смерть от врага принять? Помытарит почище инквизитора.

Живчик таки достал, Дьяк отложил отвёртку, схлопнул цейсовскую лупу в бронзовый чехол. Повернулся, опять чуток отодвинувшись:

– Ты-то, мил человек, про инквизиторов что знаешь? По своей линии жизни ты только про народный да военно-полевой суды, ну, про трибунал что-то ведать можешь.

– У нас на почтовом ящике один профессор тянул, вечерами в бараке блатным книжки пересказывал. Про горбуна с колокольни и краснучку-цыганку я запомнил. Чувственная такая история. Ладно, не отвлекай: особист ноне копать глубоко станет. В один-один-тридцать-пятом полку шухер вышел, там какого-то валета раскололи, что батразведка сама завалила своего младшего литёху. Ну понтаря желторотого, что отряд на смерть погнал. Там сейчас всех в ломбард сдали, всем расход светит, невзирая на заслуги. Ну, и остальные разведки шмонают. Так что шухарись – как там древние греки базлали?

– Древние римляне. Предупреждённый вооружён.

– Вот-вот. Дёргай затвор и гребни к плите, засветим схроны с хавчиком, да гуднём перед сквознячком.

Дьяк проводил взглядом уходившего Живчика. Точнее – беззвучно растворяющегося меж растопыренных, жиденько забелевших лопающимися цветочными почками абрикосовых ветвей. Худенький, но широкоплечий недорослик с обязательным ППШ за плечом, во всегда чистом, шегольском камуфляже "лиственный лес – весна-осень" с отяжелёнными карманами. Бывшие блатные всегда излишне, даже для разведки, самоутверждались оружием после тюрем и лагерей с нагими шмонами и безответностью перед хамством вертухаев и брезжатых. Автомат, пара пистолетов, пяток гранат и обязательный символ воровской самости – видный нож. Уставной для разведчиков "норвежского типа" обязательно доводился до воровского шика полосато-наборной плексигласовой рукоятью. Ну, и какой же вор без утопленной за голенище заточки.

Однако же озадачил мазурик. Проходить даже простую очередную проверку особого отдела – головная боль вкупе с зубной. Заноза в том, что этих капитанов госбезопасности постоянно меняют. Два-три месяца – и новый. Понять-то идею такой ротации можно, да вот принять сложно. Каждый новоявленный предавался исполнению служебных обязанностей до фанатизма, добиваясь отличной отчётности с обязательным выявлением шпионов и склонных к дезертирству. И уже прошерстившие твою подноготную предшественники, не нашедшие ничего преступного или даже предосудительного в твоих поступках, для них ничего не значили.

Не привинчивая, просто вернул на место верхнюю панель немецкого передатчика, закрыв крышку, поставил алюминиевый ящик на два таких же – с приёмником и блоком питания. Отличный такой аппарат "SE 108/10", мощный, лёгкий, ест мало. Немцы многое продумали, даже маркировка на английском: если агента перехватят, ещё не доказано, чей он. Может, союзник. Спасибо пехоте за подарок, жаль, приёмник осколок насквозь продырявил, схема и две лампы закапутились.

Две кривые, из полубрёвен, мощные скамьи, на которых Дьяк расположил на изучение и разбор снятый с подорвавшегося на mine мотоцикла трофей, не сданный дружественной пехотой "куда следует", а выменянный разведчиками на пол ящика фашистской тушёнки и два блока сигарет, стояли в абрикосово-сливово-вишнёвом саду за заглублённой возрастом в землю крестьянской хатой, плотно забитой тыловой службой всякой всячиной, нужной и для ведения боевых действий, и для отдыха. Дьяк успел заглянуть одним глазком, когда получал батареи: чего там не слоилось в ящиках и коробках до потолка – от конской упряжи, мыла, хлора, канистр, фляг, скобяного и шанцевого инвентаря до энзэшной зимней амуниции. Даже блестяли трубами два старинных граммофона.

Кухня и блок питания располагались ниже метра в двухстах, над самым овражком под местными кривыми длинноигльчатými соснами. Когда-то это была хуторская лесопилка, от которой остались лишь саманные, как и у хаты, некогда белёные стены. Потолок они накрыли брезентом, замаскировали ветками, оконные проёмы затемнили. Полы земляные, но по-весеннему ещё без блох. Зато сохранилась настоящая варочная печь, теперь радостно окружённая баками, вёдрами, столами и лавками. Места оказалось достаточно даже для маленькой, но настоящей баньки. Ниже пищеблока, почти на самом дне заросшего орешником и акациями оврага, вольно разметались прикопанные палатки – каре из восьми четырёхместок для бойцов и по центру командирская. В которой ныне и будут в головах шарить.

В разведывательной роте триста тридцать девятой стрелковой дивизии их второй взвод числился штабным резервом, они, можно сказать, были элитой – за каждым такая боевая биография, что хоть ежедневно заметки в "Огонёк" и "Красную Звезду" посылай. С фотографиями. Потому располагались они под рукой командования, и обед им подвозили чуть ли не одновременно с комдивом полковником Кулаковым. Лучше квартировал и харчевался только полуэскадрон конной разведки, который вообще был личным эскортом комдива и начштаба.

Так что ротный повар лишь доваривал-дожаривал выданное сверх нормы зампотылом из общаковых трофейных припасов – на сегодня это были гороховые лепёшки с маргарином. Да поддержива-

лось постоянное кипение в баке – верная примета того, что ушедших на задание здесь дождутся. Всех дождутся.

За столом их отделения уже полный сбор. И за двумя другими тоже плотно – секретная весть о скором задании разлетелась мгновенно. Ели молча, черпали споро, старательно выцарапывая остатки ложками, коротко перебрасываясь редкими малозначными фразами. Даже обожавший всеобщее внимание Живчик только зыркал по сторонам из-под чуба, по-лагерному накрывая котелок всем телом.

– Всё, бойцы? На перекур? – Вытянувшийся старшина Воловик, в свои сорок два естественно воспринимаемый всеми отцом-верховодом, рывком затянул кожаный офицерский ремень, поправил кобуру и ножны. Тыльной стороной ладони привычно разогнал по верхней губе, всем на зависть, как у моржа вислые усы и с нескрываемой нежностью прогладил введённые два месяца назад погоны. – Айда-те наверх, за хату.

Дьяк, в три затяжных глотка опустошив кружку и поблагодарив дежурного, поспешил за своими. Хотя чего спешить-то? Без него всё решат, ему только кивнуть с умным видом. Обходя разорванный прямым бомбовым попаданием немецкий полугусеничный пушечный тягач "ганомат", задержал дыхание – трупы фрицев захоронили, но запах горевшего человеческого жира неистребим.

Апрель на Кубани ломал все его предыдущие представления о весне. Дома-то, в Томской области, сейчас только-только сугробы осели, вдоль дорог с насолненной северной обочины грязно вычернели ледяные соты-коросты. Да выросли полутораметровые сосульки – с крыши до земли. Ещё, поди, свиристели и снегири в тайгу не улетели. А здесь уже цветы распускаются. И это же, подумать только, на абрикосах! На абрикосах, Господи, помилуй. Молодая, явно озимая, какая-то вся кружевная травка плотно покрывала давно просохшую землю. Даже вспомнить страшно, какая в России в апреле гиблая распутица. Жуть. К тому же у Дьяка была особая причина не любить грязь: из-за проклятой жижи прошлым октябрём он поймал снайперскую пулю. Тянули связь, два-три шага, и сапоги от тебя отставали. Вот он и задержался на долю секунды, не спеша падать животом, грудью, влипая руками по локти в эту тестообразную ледяную глину. Долю секунды – и вот теперь чешется рубец вдоль левых рёбер.

Нежные веточки, увешанные расщелившимися почками, холодно-скользко гладили лоб и щёки, ноздри сладко щекотал дух сочащейся под солнечным давлением смолки, кружащий под ногами голодный, обиженно толкающий всё на своём пути шмель давил сочувствие. Выселок, в котором они расположились, укрывался от пылящего, гудящего и гремящего шляха двумя километрами всхолмленных зарослей орешника. И если бы не рваная, сбивающая ритм канонада, уже четверо суток не смолкающая вокруг невидимой за горой Абинской, да не пролетевшие с утра туда-сюда восемь раз советские штурмовики и немецкие бомбардировщики, то как бы сейчас получилось – хоть на несколько минуточек! – отжаться бездумному весеннему восторгу. Зацветающие абрикосы, толкающий шмель, молодая сильная травка...

Так как Кырдык и Пичуга были в нарядах, то курильщики разделились три на три: Старшой, Сёма и Ярёма против Копоти с Живчиком и примкнувшим к блатным Лютым.

Для тех, кто не знает списочного состава: Старшой – командир отделения, младший сержант Воловик Тарас Степанович тысяча девятьсот первого года рождения, успевший ещё на Гражданскую, а между войнами – бригадир столяров-краснодеревщиков в Нижнем-Горьком. Кырдык – Ильяс Азаткулов, местный пастух-ногаец, теперь минёр, кажется, двадцати пяти ещё нет, хотя кто точно определит возраст степняка? Сёма – их чудо-снайпер с Дальнего Востока, по документам Калужный Семён Семёнович, тысяча девятьсот восемнадцатого года рождения. Ярёма – богатырь, ялтинский портовый грузчик Ерёмин Мирон Никифорович, с двенадцатого. Пичуга – и правда, как малая птичка, худосочный московский студент-филолог Клим Пичугин, хорошо, если уже есть двадцать, но знание немецкого языка – и в разведку. Противную сторону представляли два вора – рецидивист-скокарь Копоть – Шигирёв Прохор Никитович, тысяча девятьсот девятого года рождения в лихославном городе Орле, беспризорник, за три ходки накопивший тридцать четыре года по статье сто шестьдесят второй, и Живчик – ярославский вор-сопчик Гаркуша Яков Иванович, семнадцатого года, почти отмотавший десятку, да получивший довесок за попытку побега. Почему к ворам присоединился грозно звучащий Лютый? Ну, на самом-то деле – Лютиков Антиох Аникиевич, пермяк, сын священника, с семьёй посланный на поселение в Казахстан и оказавшийся в армии после письма к товарищу Калинину с прошением разрешить ему с оружием в руках защищать родную Советскую власть. Но "Лютый" точнее прилегал к широкоschulому и широкобровому блондину гимнастического сложения, боксёру, борцу и мастеру метания ножей, лопатки и топора.

И тогда уж и о Дьяке! Шутки шутками, но, действительно, дьякон Русской Православной Церкви, рукоположенный архиепископом Варлаамом Ряшенцевым, отец Димитрий – Дмитрий Васильевич Благословский, тридцати лет, родом из Томска. Здесь, в разведке, радист, до того рядовой третьего взвода Пятьдесят шестого отдельного батальона связи Двадцать четвёртой стрелковой дивизии. В

армии с января сорок второго – тогда вышедшую из окружения, страшно поредевшую Четыреста двенадцатую срочно переформировывали в Двадцать четвёртую, и его, работавшего на вологодском оборонном заводе, зачислили в батальон связи, не глядя на бронь и сан. В марте дивизию перекинули под Тамбов в резерв Ставки, а четырнадцатого декабря выгрузили в Калаче и форсированным маршем вывели на реку Мышкову на позиции обороны Сталинграда. Так что первая "беседа" рядового-дьякона Благословского с особистом состоялась только в госпитале. Если бы поставленного на особый учёт тогда не забрал к себе в дивизионную разведроту лежавший рядом лейтенант Смирнов Александр Кузьмич, которому второй орден Красного знамени генерал Шумилов вручал прямо в палате, то кто знает, чем бы всё закончилось.

В разведке всегда все только добровольцы. Первые наборы были идейно-комсомольскими, но на второй год войны потери среди героически страстных, но недообученных, да и зачастую психически и физически непригодных, заставили командование внести коррективы. С января сорок второго в армию из лагерей стали набирать осужденных по уголовным статьям на срок не более двух лет, а потом пошли и все желающие, кроме политических. В пугающие уже своим только названием штрафбаты направляли не более десяти процентов из самых конченных головорезов, основная же масса "прощённых Родиной" комплектовала пехоту. На желание перевестись в разведку писали рапорты оттуда и оттуда, ведь если жизнь и смерть пехотинца были в замыслах командования, то у разведчика они более зависели от собственного ума. Так что встречались бойцы с опытом от самого июня сорок первого.

В их роте, кроме самого старшего лейтенанта Смирнова, из таких первых комсомольцев на весну сорок третьего служило трое, и авторитет перевозванных был беспрекословен. Даже для воров.

Понятно, "на перекур" сказано фигурально, курящие в лесу некурящими отслеживаются метров за пятьдесят-семьдесят. Просто здесь, за хатой, можно было перетереть без лишних глаз и ушей. Спор повёлся тактико-стратегический, по принципам проследования прохождения "бесед". Старшой предлагал ничего не менять и являться чётко по приказанию, то есть, в азбучном порядке от "а" до "я". Копоть же хотел немного помутить – мол, кто-то в наряде, кто-то у врача и прочее, прочее, чтобы ему с его "ш" оказаться посреди "а" и "б". По логике Копоти, капитан на первых порах особо рыть не станет, надеясь всё равно до конца дня кого-то в виноватые назначить. Поэтому пусть первыми чистилище пройдут рябые. А в конце предъявить ему самых бело-невинных, типа Пичуги и Кырдыка. Логика убедительная, однако, если капитан подвох учует, а он, по породе своей борзой, обязательно учует, то тогда горюшко на всех ляжет.

Копоть чуть кашлянул, и Живчик махом поднял на колени тяжко звякнувший вещмешок. И это было ошибкой. Принципиальной. О том, как неделю назад, когда рота только располагалась в пункте дислокации, обживалась, копала дозорные и огневые точки, минировалась, а блатные куда-то по ночам отлучались, знали все. Что-то из раздобытого в блиндажах и схронах выбитых фашистов вору внесли в общий котёл, но, понятно, что-то и замагатили. Ну, это их натура, а, с другой-то стороны, деловые всерьёз рисковали подорваться или попасться патрулю, так что осуждать было сложно.

Только вот сейчас мазурики лопухнулись. Грубовато вышло. Так с товарищами по оружию поступать бы не стоило. От "фронтной" коричневого французского коньяка с розовой консервированной колбасой и хрупкими галетами никто не отказался, но переходить на сторону мутильщиков теперь даже и не думали. Вроде как купленные получают. Не задорого. Так что и поддакивающий до того Копоти Лютый смялся.

- А ты, Дьяк, как мыслишь? – Копоть щедро плеснул в кружку коньяк, а Живчик выложил на левую ладонь толстый кружок колбасы на галете. – Тебя, понятно, на "б" из первых позовут, но дело не в личном фарте, а в понятиях для братвы. Если мы с Живчиком на войне по правилам, то ты да Лютый вообще висельники политические. Вам контрреволюцию за папу-маму враз навесят. И кто тогда за вас встрянет, если не мы? Не все мы?

Копоть почти улыбался криво подрагивающим ртом, только ледяной чёрный взгляд поллагерному никогда не опускаемых глаз выдавал всё его быкование. Как же он сейчас проклинал себя за то, что затеял публичное бодание со Старшим, вполне ведь понимая, что, скорее всего, проиграет, и теперь всё его блатное самолюбование пылало от унижения.

- Да, Дьяк, что ты думаешь?

Ярёма осторожно, с оглядкой, как это делают сильные люди, привстал со скамьи, пересел на край, освобождая место подошедшему. Радист и повар – кадры особо оберегаемые, но Дьяк умел уже различать отношение к себе как личности и как к носителю сундучка с зайцем-уткой-яйцом-иглой товарищеских жизней, ранений, смертей, засад, а, главное, смыслов общей разведывательной работы.

- Думаю, что не стоит всем суетиться. Пусть у всех идёт, как прописано. А вот мы с тобой давай-ка лично нарядами подменимся. Попросим старшину, пусть в графике дежурств нас перемежит, и я, –

Дьяк сдвинул манжет гимнастёрки, всмотрелся в мутно-затёртое стёклышко "первого-часового", – через тридцать семь минут заступлю на пост. Ты где должен быть? На шестом? А через четыре часа ты меня сменишь, и всё будет шито-крыто. Никто не подкопается.

– Ты сам сказал! – Копчёный выдержал красивую паузу, как бы и не сразу соглашаясь. – Замётано.

– Замётано! – Сбоку под руку подскользнул Живчик, поднимая на ладони следующую галету с колбасным кружком. – Уважуха! Быть тебе, Дьяк, козырным фраером.

Старшой и Ярёма переглянулись и разом поднялись.

– Ну ладно, – распрямившийся Старшой опять поправил ремень, кобуру, разгладил погоны. – Копоть, ты уж сам договорись о подмене. Придумай что там, типа живот крутит. Но это будут ваши дела, а мы ничего не знаем.

Все недружно заподнимались и разряженной цепочкой неспешно потопали вниз, в расположение роты.

Тормознувший у входа в палатку Лютый заглянул под полог и, убедившись, что внутри никого нет, с разворота толкнул нагнавшего его Дьяка в грудь пальцем. Потом ещё и ещё:

– Ты чего, отче?! – почти неслышно шипел он. – Ты чего? Зачем с блатарями в поддавки играешь? Думаешь, оценят? Это Копоть-то оценит? Ну, объясни, объясни: какого горбатого ты за воров встреваешь? Что за высший смысл подставляться?

Вот зачем Дьяк так снисходительно скалился? Лютый в ответ выдержал бы что угодно, хоть зуботычину, но только не эту самодовольную дьяковскую улыбочку. Лютый уже не знал, куда ещё закосить глазами, и сжимался, сутулился, срываясь с шипа на сип:

– Да! Согласен. Согласен: виноват. Ну? Да. Виноват я! Был такой момент, заёрзал, заюлозил. Ну? Прости.

– Бог простит. И понятно, никто блатным не верит. Что они оценят? Просто увидел его страх, ну и среагировал. Можно сказать – срефлексировал, не успев подумать. Такой головорез, и струхнул. Так что, это ты меня прости. Согласен, зря на риск иду.

* * *

– Фамилия?

– Благословский.

– Имя и отчество?

– Дмитрий Васильевич.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот тринадцатый.

– Место рождения?

– Томск.

– Место проживания на момент демобилизации?

– Вологда.

– Национальность и гражданство?

– Русский, гражданин СССР.

Капитан – молодой, но уже полнеющий и лысеющий, устало задавал протокольные вопросы, не поднимая головы от бумаг. И, правда, сколько же раз он сегодня проговаривал и выслушивал то, что можно было просто прочитать. С обеда начал, так что уже человек тридцать точно прошерстил.

– Когда и каким военкоматом вы были мобилизованы в Красную армию?

– В Красную армию мобилизован двадцать пятого января тысяча девятьсот сорок второго года Ленинским райвоенкоматом города Вологды.

– В какую часть вы были зачислены и в качестве кого служили?

– Зачислен рядовым красноармейцем в третий взвод Пятьдесят шестого отдельного батальона связи Двадцать четвёртой стрелковой дивизии. Позже, когда дивизию перевели под Тамбов, был отправлен на курсы связистов.

– А как это получилось? – Капитан чуть-чуть приподнял лицо, напускно нехотя разглядывая стоящего навтыжку рядового. – Как вообще вы оказались мобилизованы? Вы же были под броню. В анкете сказано: "происхождение: из служащих, лишён прав не был", но тут же далее: "возведён в сан диакона Русской Православной Церкви". Вам же не в Рабоче-крестьянской красной армии, вам, в лучшем случае, в народном хозяйстве, да и то под надзором.

– Я очень хотел. Родину защищать.

– И что? Пошли на подлог? – Капитан опять уткнулся в личное дело. В свете керосинки блестел золотистый, в синей окантовке с белыми звёздочками, погон и круглая лысинка на темени. – В раз-

ведку зачем напросились? Захотели сменить место службы в надежде утери личного дела при переводе в нашу триста тридцать девятую дивизию?

– Я, правда, очень хотел Родину защищать.

– "Правда"? А что есть "правда"? Для вас? – Ну вот, начинается. Капитан откинулся на табурете до предела возможности, скрестил руки на груди, перекрыв яркий, новенький орден Отечественной войны второй степени. Наверное, за Грозный или Гудермес, там в январе-феврале энквэдэшники с эдельвейсовцами, а ещё пуше с местными предателями крепко бились. Пухлое, мучнисто-белое лицо в каре начёсанной поперёк лба прядки и низких висков, продолжало выражать усталое равнодушие, но в глубине синих, как у младенца, глаз чуть-чуть обозначились точки кошачьего охотничьего интереса.

Вкопанная под крышу палатка, в которой располагались образцово застеленные, прикрывающие одеяльными навесами вещмешки и чемоданы, командирская и замполитская раскладушки, большой стол-козлы, зелёный сейф и фанерный ободранный шкаф с посудой и пайковыми запасами, в свете керосиновой, с чистым новым стеклом лампы казалась так расслабляюще уютной, мирно обжитой, что Дьяк едва сгонял, сбивал в кучу разбегающиеся мысли.

Не дождавшись ответа на непротокольный вопрос, капитан вернулся в прежнее, надбумажное положение:

– Какие у вас взаимоотношения с Шигирёвым Прохором Никитовичем?

– Взаимоотношения у нас с рядовым Шигирёвым нормальные. Личных, если вас это интересует, нет. Только служебные.

– Это вы что, так шутите? В одном отделении с вором-рецидивистом – и "только служебные"? Интересно. Поделитесь опытом, как вам, служба с матёрым уголовником, удаётся не видеть фактов мародёрства?

– Так ведь с него должны судимость снять: рядовой Шигирёв очень смелый разведчик, в группе захвата добыл одиннадцать языков. И лично уничтожил порядка двадцати фашистов. Я с ним около тридцати раз ходил в тыл врага. В поиске он образцово дисциплинирован и находчив.

– Прямо наградной рапорт. А вас не настораживает, что социально опасный элемент вдруг напросился на фронт, да на самый риск?

– Позвольте повторить: мы только товарищи по службе, не друзья.

Капитан неспешно просмотрел несколько разнородно испечатанных листов.

– Про Пичугина Клима Серапионовича даже спрашивать не стану. Но вот с рядовым Лютиковым Антиохом Аникиевичем вы уж точно дружите. Вам же по происхождению положено – оба из священнослужителей.

– С рядовым Лютиковым мы, правда, состоим в достаточно доверительных отношениях. Но, опять же, не из-за происхождения, а более потому, что так же многократно бывали с ним в поиске за линией фронта.

– И он тоже герой.

– Так точно: рядовой Лютиков смелый, находчивый и дисциплинированный разведчик. Спортсмен, помогает новичкам в освоении приёмов борьбы.

– Конечно, конечно. И потому в период меж заданиями вы с Лютиковым ни о религии, ни об отношении советской власти к религии не говорите?

Всё то же выражение утомлённого равнодушия, только глубинные точки охотничьего интереса расширились вместе со зрачками. Дьяк ответно чуть-чуть притоптался.

– Мы с Лютиковым, если не в наряде или на задании, обязательно присутствуем на политзанятиях, спросите товарища политрука. Более того, мы испытываем искреннюю благодарность к советской власти, которая доверила нам оружие и позволила реализовать желание биться с фашистскими оккупантами. Конечно, беседы наши иногда касались личной веры, но только личной, без обобщений. И никого в них мы никогда не вовлекали. Кроме того, Лютиков много времени уделяет боевой и физической профессиональной подготовке разведчика, так как в поиске он обычно идёт в группе прикрытия, что предполагает прямые и активные боестолкновения с преследующим противником и диверсионные акты.

– Не надо меня просвещать. Я знаю специализации в разведгруппе.

– Прошу прощения, виноват. Простите.

– Ну, насчёт прощения ещё успеется. А сейчас отвечайте: вы категорически утверждаете, что никакой критики советской власти за её принципиально твёрдую материалистическую политику в отношении церкви, а также распространения иных антисоветских, в том числе монархических, взглядов среди кого-либо из красноармейцев своего подразделения ни вы, ни рядовой Лютиков не вели?

– Так точно. Утверждаю. Мы, как вменяемые русские люди, не можем не испытывать самые добрые чувства к рабоче-крестьянской власти, особенно после того, как прочитали в газете "Известия"

то, что правительство, возглавляемое товарищем Сталиным, решило принять материальную помощь от верующих на производство боевой техники. А какую радость мы пережили прошлой весной, когда в Москве было разрешено пасхальное богослужение!

– Ну, это временно. Рано вы обрадовались. И чему, собственно? Ведь если подумать, то получается: обрадовались нападению врага на нашу советскую Родину. Мол, теперь Родине не до вас, не до уголовников, кулаков и церковников. Рано. Как бы вам ещё не наплакаться.

Дьяк вытянулся в "смирно". Капитан тоже развернул грудь, на двадцать-тридцать секунд задержал дыхание. Уже не только глаза, само округлое лицо обрело что-то кошачье. Но выдохнул, закрыл тоненькую папку, нацарапал запавшую внутрь вязочку, завязал бантиком.

– Рядовой, свободны. Временно.

– Разрешите идти?

– Идите. ... Отставить.

Что ещё?! Дьяк, мотнувшись, сделал разворот на месте.

– Как мне объясняли: Успенский, Троицкий, Преображенский – праздничные фамилии давались выпускникам духовных заведений за отличную учёбу и примерное поведение. Боголюбов, Добронравов, Благословский – это фамилии для безупречных в поведении, но слабо успевающих. А Цветковыми, Розановыми, Лютиковыми нарекали и откровенно учившихся, и недостойно ведущих себя.

Дьяк держал спину.

– Сегодня Лазарева суббота. Завтра Вербное. "Осанна в вышних". А вы знаете, что на блатном жаргоне "карусель" означает и церковь, и групповые развратные действия, как бы оно равнозначно? А божница на фене – унитаза?

– Так точно. Ещё для них церковь – "клюква", отсюда "клюкнуть" – повести на развод, на обман.

– И что? Благословский? Что, трижды осужденный вор Шигирёв – при этом всё же смелый, находчивый и дисциплинированный?

– Рядовой триста тридцать девятой разведроты Шигирёв привёл из расположения врага одиннадцать языков. И лично уничтожил более двадцати фашистов.

Уже несколько минут нарастающий гул подлетающих из-за горы самолётов как-то разом развернулся в прерывисто вибрирующий рёв нависших над самой землёй десятков двигателей. Даже пламя в керосинке задрожало, закачав стены палатки.

– Ну, вы постройте из себя идиота. Пофиглярствуйте до поры. – Капитан захлопнул сейф, вдавил ключ вглубь кармана тёмно-синего галифе. – Рядовой, на выход!

– Товарищ капитан, у нас укрытие оборудовано, из ледника. С каменным перекрытием. Пойдёмте!

– Благословский, бегом в укрытие!

Капитан вновь сел за стол и совершенно по-кошачьи фыркнул:

– Оборзел от вежливости, идиот.

Восемьдесят восьмые "юнкеры", на низкой высоте перевалив западное начало Большого хребта, обошли нашипованную зенитками Абинскую и начали набирать высоту, отходя в сторону Ильской – Краснодара. Не менее полусотни бомбардировщиков, форсируя подвывающие двигатели, угасающими чёрными чёрточками поднимались в синее весеннее небо. Их прикрывали две тройки едва различимых в вышине "мессеров". В убежище – рукотворную пещеру под толстенной насыпью валунов – спустилось не более десяти человек, остальные, собравшись, но не кучкуясь, громкими матами комментировали пролёт фашистов.

Дьяк затылком чувствовал взгляд Копоти, но упорно стоял у самого спуска в убежище, готовый унырнуть от пустого разговора. Нет, товарищ майор, никого тут не настораживало, что вор в законе напросился на войну. Все знали, что Копоть на зоне отморозил, с психу поднял на "перо" другого вора и по разборкам мог быть блатными казнён. Должен был быть казнён.

– Эх, на горке бы пару взводов с противотанковыми рассредоточить, – аж с подсвистом тенорил Живчик, – они бы фрицев славно пощёлкали. Как семечки.

– Ты сходи сначала эту горку от эсэсовцев зачисти, стратег хренов. – Старшой стоял так, чтобы держать в виду и Дьяка, и Копотя: если блатной вначале что просит, до заискивания вертится, но потом, получив желаемое, не удержится, непременно хаманёт, восстанавливая своё самомнение.

На вечернем построении ротный, приняв доклад о наличии свободных от дежурств, сразу взял быка за рога:

– Товарищи командиры и красноармейцы, завтра у нас полдня на подготовку, а после обеда по группам выступаем на указанные участки передовой. Там к нам подключатся батальонные. Вечер наблюдаем. Ночью переходим линию фронта. Батальонные шумят и тут же возвращаются, имитируя неудачу. Мы углубляемся и расходимся на задания согласно конкретным приказам. У каждой группы

свое задание, и задание чрезвычайно ответственное. Поэтому я лично пойду с вами. Товарищ младший лейтенант остаётся за меня. Если есть больные или ещё что мешает идти, доложить немедленно. Есть? Нет. Спасибо, товарищи, в этот раз востребован весь состав. Итак, вечер, ночь и завтрашние полдня – на подготовку к длительному рейду. Учить никого не буду: боеприпасы, боеприпасы и боеприпасы. Хотя фронт держат румыны, в тылу полно эсэсовцев. Так что с танкистами время не теряйте, они не сдадутся. Нужно постараться найти вермахт, ту же девятую зенитную дивизию – связистов, зенитчиков, идеально взять снабженцев. И ещё внимание: на перевалах опорные точки горных стрелков из недобитого сорок девятого корпуса, с теми контактов избегайте вообще. Лишние потери, они всегда лишние. Итак, товарищи, если есть личные вопросы или личные просьбы, подходите ко мне или замполиту через час.

По кивку ротного командовавший построением младший лейтенант Морозов рыкнул:

– Взвод, разойтись! Командиры отделений, к командиру роты!

И тихо, но дальноточно добавил:

– Письма утром сдавать мне.

Письма перед рейдом в тыл писали всегда. Ну, кому было к кому.

Старшой раздавал двухсантиметровые химические обрезки-карандаши, которыми его по ветеранской дружбе беспрекословно снабжал замполит. Как и тетрадными листками. Не подходили за письменным набором только Ярёма, у которого все родные и близкие находились в оккупации, Кырдык – по причине неграмотности жены, и Копоть – круглый сирота, по воровским понятиям не заводивший "постоянную" маруху, дабы не прослыть среди юрок семейным. А вот Живчик настрачивал даже три-четыре треугольника: матушке и кралям. Так же дополнительную бумагу просил Пичуга, у которого никогда не получалось уложиться в полторы странички треугольника. Таёжный бродяга Сёма, как бы разорвавший всякие связи с ушедшими с атаманом Семёновым в Монголию "семейскими" казаками-родственниками, писал своей школьной учительнице. Лютый разом отчитывался деду, отцу, матери, семерым братьям и трём сёстрам. Дьяк – жене и дочери.

В эти минуты мучительно-сладкого литературного творчества все, по возможности, разбредались, рассеивались по восточному склону оврага, пользуясь последними минутами по южному быстро жухнувшего предзакатного света.

"Здравствуйте, мои родненькие сынки Илюшенька и Петрик, доча Анюся и жена Мусинька! Анюся, поздравляю тебя с днём рождения, который будет 29 мая, наша военная почта идёт медленно, сегодня уже 17 апреля, но я надеюсь, что к твоему дню письмо успеет. Может и раньше. Анюся, желаю тебе быть здоровой, расти, слушать мамку с Илюшей и дружить с братиком Петей. И дожидаться своего папки. Он вернётся обязательно к вам, мои дорогие. Не думайте о плохом, уж как оно выйдет. Война – горе безмерное. Илюша, ты, как старший, помогай маме и сестрёнке, пока война в доме, ты мужик за меня. Петрик, учись старательно. Я пока чувствую себя хорошо, но как вы – я давно не знаю, так уж от вас письма давно получал. Прошу вас не обижаться на меня за мои нечастые весточки. Я вам стал реже писать, ввиду того, что мы уже третий месяц наступаем, почта отстаёт. Гоним фрица с нашей земли взашей. Муся, ты получила деньги за орден и подбитый танк, которые я тебе высылал в январе? Если не получила – напиши. Я доложу замполиту батальона. Вот, пока всё. Привет всем нашим – родне, соседям. Я всех прошу, чтобы не обижались на меня ни за что прошедшее. Крепко, несчётно вас целую, сынов моих и дочку с мамочкой. До свидания. Ваш папа и муж Тарас.

С красноармейским приветом старшина Воловик Тарас Степанович".

"Дорогая моя учительница Нина Сергеевна! Разрешите мне вам передать свой пламенный, фронтовой и незабываемый привет и массу наилучших пожеланий в вашей одной жизни. Дорогая Нина Сергеевна, когда я получил ваше письмо, оно сильно на меня подействовало. Я сочувствую всем вашим трудностям, вашему горю, и мне тоже тяжело. Ведь я тоже на фронте, где жизнь считается по секундам. Я так же сильно переживаю о смерти вашего сына, моего друга Вити. Я тоже не сплю ночами, ибо нельзя, это война и прочее. Клянусь вам отомстить за Витю и застрелить 10 фашистов на его счёт. Нина Сергеевна, нас постигло общее горе, оно не только у вас, ведь и весь наш советский народ терпит. Но мы не должны ныть, а наоборот, переносить все эти трудности, стиснув зубы. Уже недолго, и покончим с гитлеровскими бандитами, разобьём и сметём с лица земли всю фашистскую нечисть. Не печальтесь, не падайте сильно духом. На этом разрешите письмо кончить. Пишите мне письма. Ваш преданный ученик и навсегда друг Вити Семён Калужный".

"Здравствуйте, дедушка Андрей, батюшка с матушкой, братишки Ваня, Лёня, Лёва, Кирия, Гриня, Рома, Федюша и сестрёнки Таисия с Шурочкой и Липочкой. Шлю вам боевой привет и желаю всего самого благого. Батюшка, верь: здесь на фронте я только твёрже становлюсь в вере в светлую и обя-

зательную победу правды. Матушка, прошу не волноваться: Бог только знает, как дальше будет, но посудите – в боях участвую с самого начала своего воинского служения и за год даже легко не ранен. Это ведь никакая не случайность, это ваша родительская любовь. К тому же после Сталинграда враг слаб в коленях стал. И каждый день мы продвигаемся всё вперёд и вперёд на запад, скоро будет конец зверю. Хотя, когда он на нас пёр, то почти не встречал укреплений, а теперь, когда мы идём на него – всё стальное и бетонное на 25 км вглубь, и всё равно он трусливо бежит, хоть и огрызается. Скучаю по всем вам, родные, напишите, какие у вас цены на всё, а особенно на хлеб. Ваня, Лёня и Таисия работают, хватает ли их зарплат? Вот выгоним врага, тогда доучатся, а пока пусть.

Ваш сын, внук и брат Антиох. Он же рядовой Лютиков".

"Здравствуй, милые Катюша и Уленька!

Катюша, получил от тебя сразу два письма – как наступление, так почта чумает. Ты посылала эти письма в разные дни, а я их получил вместе. Эх, почта, но зато я вдвойне счастлив. Читаю и перечитываю, и за каждой строчкой слышу твой голос, вижу шевеление твоих губ... Катюша, как же мне хотелось тебя сейчас, вас увидеть, ты не можешь себе представить! Прижать к себе тебя и доченьку. Ткнуться носом в ваши макушки. Подумать только – четыре годика! Совсем большая, наша красавица. Но ничего не поделаешь. Я знаю, что ты обо мне думаешь, я постоянно знаю, и от этого на душе легко, не страшно, хотя бои плотные, злые. Ладно, когда победим, к моему приезду приготовь как можно больше писчей бумаги. Мне это будет нужно. Сейчас о своей жизни писать много не приходится, а потом нужно будет обязательно всё-всё рассказать. О жертвах и подвигах. О друзьях-товарищах, об увиденном и перетроганном великом зле, горе, и всё равно непобедимости добра. Ещё недельку, и будет нам Праздник. Ты сама это знаешь. Только, матушка Катюша, ты ведь у меня послушная и, по смиренности, исполнительная? Да? Ты ведь тоже Благословская? Тогда мужней волей повелеваю: не затрудняй себя на огороде, как можно больше старайся отдыхать. Поцелуй за меня маму. У неё всё по-прежнему?

Крепко и нежно обнимаю вас, мои самые дорогие на этом свете, и целую, целую. Ваш отец Дмитрий".

"Родные мои мама, папа, уважаемые тётя Люся, Борис Самуилович, Мила Борисовна, Елена Игоревна и Николай Иванович!

Простите, что я вам так давно не отвечал. Хотя ваши письма все получал, за которые большое спасибо. Но мы уже второй месяц в наступлении, меняем дислокацию так, что и по двое суток на одном месте до вот этого нынешнего дня не задерживались. А уж я, тем более, постоянно задействован командованием. Много требуется переводить. Потому, когда выпадают минутки – сплю. Просто по-детски глубоко и сладко сплю. Привык к разрывам и выстрелам, не реагирую, так, наверное, моряк привыкает к плеску волн под бортом и качке. Интересно, смогу ли потом отвыкнуть? Война в принципе очень шумная, и возникающая тишина даже тревожит. Угрожает неестественностью.

А ещё я очень хорошо сошёлся с товарищами из нашего подразделения. Настоящие верные друзья, хотя многие гораздо старше меня. Но никто возрастом и званиями не задаётся. Как много я вам расскажу о них при встрече. Впрочем, я уже писал об этом и, кажется, неоднократно. Простите, и это никак не значит, что я забываю о вас и забываю о нашем доме, о нашей дружной коммунальной квартире. Нет, помню всегда, всех, всё, просто эта домашняя память никак не связывается с тем, чем мы повседневно живём на фронте. Она как бы отдельно, в отдельном уголке сердца, и достаётся оттуда, когда приходят ваши письма.

И потому их, ваших писем, мои родные, всегда было, есть и будет очень мало. Как сладко читать их в редкие свободные минутки, смаковать каждое ваше послание, ведь они такие нежные. Именно нежные – вот очень точное слово, точное и всё объясняющее! Нежность совершенно неуместна в виду жестокости военных действий.

После такого нежного вашего письма становишься как-то злей, в ещё большем желании сделать для нашей Родины всё, даже до смерти. Спасибо, милые, за такие поднимающие дух письма. Они одновременно укрепляют боевой дух и, в то же время, не позволяют огрубеть. Я очень даже не знаю, как передать мою радость, что хотя через письма, но вы вместе со мной.

Елена Игоревна и Николай Иванович, как правильно, что вы со всеми нашими солдатскими и командирскими отцами, матерями, сёстрами, братьями, всеми родными и близкими по всей стране, по всем городам и республикам – воюете вместе с нами, там, в тылу, куёте грядущую победу – это ещё один из трёх залогов нашей. Желаю самого хорошего в вашей научной работе. Единый советский народ – как единый организм, могучий, смелый, свободный, ведомый волей великой коммунистической партии!

Папа, всё же как-то я обижен сыновней судьбою – за полгода пребывания на фронте я получил от Вас только одно личное письмо. Практически всегда пишет мама, даже Николай Иванович напи-

сал два. Почему? Я ведь тоже страдаю. Когда я вспоминаю сестру, слёзы невольно заполняют глаза. Разве я виноват, что подговорил её учиться в Ленинграде? Если бы из всей нашей родни в Ленинграде кто-либо остался жив, тогда (зачёркнуто). Папа, ведь я тоже любил её больше всего на свете, гордился её талантом и хотел ей счастья. Хотел, чтобы она развивала свои уникальные способности не в МГХИ, а в Академии художеств. Как я хочу встретиться, взглянуть Вам прямо в глаза, взять за руки. Дорогой мой папа, прошу, умоляю писать мне, писать обо всём.

Письма из дома я ношу на груди, у самого сердца, как символ моей любви к Родине, к нашему русскому народу и Вам, мой милый папа. Конечно, жаль умереть в девятнадцать лет, но, в то же время, даже хочется умереть, если точно знаешь, что твоя смерть приблизит час победы. Я солдат, я не случайная и несчастная жертва, а волевой, добровольный участник войны. И я верю: вы, мои родные, будете жить замечательно, будете о нас петь замечательные песни и будете жить с гордо поднятой головой. И вы будете рассказывать новым поколениям, что ваш родной сын, ваш брат, дядя, друг, погиб честно в борьбе за родину, за её освобождение.

Простите ещё раз пафосность. Как Ваши бытовые дела? Как, мамочка, твоё здоровье? Пишите больше и чаще.

Любящий вас всех Клим.

Полевая почта всё та же 5*****1".

"Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Поля. Во первых строках сего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Поля, как вы живёте – хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, не зря меня друзья зовут Живчик, я фартовый и приду домой. Пока жив, и не могу гадать, но буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение гадов фашистов-немцев. Дорогая Поля, за подвиги меня скоро обязательно представят к ордену, и вы даже будете гордиться мною перед подругами. Шлю вам свой героический пламенный фронтовой привет.

Писал ваш сердечный друг Яков Гаркуша".

"Наше вам почтение, драгоценная моему солдатскому сердцу Рая. Во первых строках сего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. И того же вам желаю, дорогая. Снаряды рвутся над головой, пули тоже свистят около ушей. Бесценная Рая, как вы живёте – хорошо или плохо? Я живу хорошо. Не расстраивайтесь обо мне, не плачьте понапрасну, я фартовый, не зря меня друзья зовут Живчик, я буду бороться с врагом до последней капли крови. Мы, бойцы рабоче-крестьянской армии, будем защищать свою родную родину и будем в ней счастливо жить. Мы все силы бросим на уничтожение фашистов и немцев. Дорогая Рая, за подвиги меня скоро представят к ордену. Шлю вам свой героический фронтовой привет.

Писал ваш сердечный друг Яков Гаркуша".

– Товарищ старший лейтенант, письма с бойцов собрал, двадцать два, отправляю в штаб "вэшникам" на политконтроль. Семеро не стали писать. А твоё будет, Александр Кузьмич? – младший лейтенант Морозов, обиженный отказом на двухсуточные просьбы тоже пойти на это задание, смотрел Смирнову не в глаза, а на два ордена Красного Знамени, две "Красной Звезды" и две медали "За отвагу". Штабной разведрезерв всем наличным составом по мелочам за фронт не засылают, и, конечно, если всё сойдётся, то будет у Кузьмича ещё одна награда. У самого-то Морозова пока только одна "Красная Звезда", а представление на медаль куда-то запропало. Хотя уже три месяца, как комбат в дивизию направлял. "За боевые заслуги". Надо будет по случаю с ним поговорить, пусть тряхнёт там писарьков. А ещё в прошлом году новые ордена учреждены, специально для офицеров. "Александра Невского" очень красивый.

Смирнов, так же полуотвернувшись в сторону обострившейся с рассветом канонады под Крымом, расстегнул планшетку, нашарил и протянул твёрдый офицерский конверт.

"Соня!

Страна и партия призвали меня к выполнению священного долга – защиты Отечества. Мне была оказана великая честь – встать в ряды РККА в порядке первой партийной мобилизации, я встретил врага обученным командиром. Сейчас опять плотные бои, востребованы мои теоретические знания, подтверждённые уже немалым фронтовым опытом. По мере сил и возможностей постараюсь оправдать высокое доверие партии. Завтра уходим на ответственное задание. Если вернусь, объяснимся подробно. А пока знай: ты себя не вини, со мной, действительно, трудно. Если уж встретила другого и полюбила, главное, если ты счастлива, я всё переживу.

А вдруг что-то пойдёт не так, моя к тебе последняя просьба: воспитывай сына Вилену коммунистом. Военный комиссариат обеспечит тебе необходимую помощь. В случае необходимости обращайся лично к т.т. Орешенкову, Стреянову, Тучиеву.

Будь счастлива. Целуй нашего Вилену. И, в любом случае, сохрани для него эту мою последнюю фотографию.

Смирнов Александр Кузьмич".

18 апреля 1943 года. Воскресение

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 18 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани наши части отбивали контратаки пехоты и танков противника. На одном участке бойцы Н-ского соединения несколько дней назад заняли высоту, имеющую важное значение. Сегодня немцы семь раз переходили в атаки, пытались вновь овладеть этой высотой. Все атаки гитлеровцев отбиты. Только в течение дня противник потерял на этом участке убитыми до 1.400 солдат и офицеров. Ожесточённые бои развернулись и на другом участке фронта, где немцы бросили в атаки более двух полков пехоты. Действия пехотных частей противник поддерживал крупными силами авиации. Наши части, обороняющие эти позиции, отбили атаки противника и нанесли ему тяжёлые потери. По неполным данным, сбито 25 и подбито 8 немецких самолетов.

* * *

Три группы – три полных отделения плюс старший офицер, разделились за километр до передовой. Никаких прощаний, перекинулись-перезыркнулись и тремя струйками втекли в молодую зелень сумаха, карагача, бузины и орешника. Каждую группу уводили местные батальонные разведчики.

Лёгкий подъём с каждым шагом становился всё более нелёгким. Коренастый, конопатый, со смешно растопыренными реденькими рыжими усиками – не то что у прибывшего старшины, у которого они моржились, как у писателя Горького, – местный старшина, шедший на шаг перед Командиром, негромко, но слышимо для всех вводил в курс:

– Туманы под утро сползают. Хорошо, иначе у нас линию никак не перейти: мы на северном склоне, румыны на южном. За две недели друг друга уже в лицо узнаём. Вот хоть зелёнка в лист пошла, от снайперов немного прикрыла. А то днём шевельнуться не давали. Речушка отгуляла после дождей, но долина широкая, открытые метров сто пятьдесят-двести, из укрытий – камни разные, есть валуны, немного ив. Минные заграждения выше, на подъёме. А ещё выше, почти у гребня, доты. Эсэсовцы, собачьи блохи, дорогу контролируют. Там у них и пушки забетонированы, даже стопятимиллиметровые есть и крупнокалиберные пулемёты. И танковые гнёзда умно оборудованы, никакими штурмовиками не выковырять. "Илы" пытались по нашей наводке сработать, попали под зенитки. Две машины здесь упали, взорвались с лётчиками – мы потом ночью подходили: нет, никто не сдася. Экипажи сгорели в кабинах. Ещё два самолёта ушли с дымами. Короче, перед нами новый Очков. И Измаил одновременно.

– Ты лучше скажи, за их гребнем кто? Искали там?

– Нет. До эсэсовцев поднимались, срисовали доты, другие укрепления. Выше – нет. И так-то с потерями. – Усатенький тормознул, оглянулся, вскинув ладонь. – Внимание! За перевалом мы в зоне видимости противника.

Два бойца, тоже в маскировочных комбинезонах, принимали гостей у начала окопа. Разлапистые, парноперистые листья-ветви сумаха уже плотно прикрывали неглубокий, трудно выбитый в каменисто-глиняных осыпях ровчик, зигзагами уводивший к укреплениям верхней второй линии. Чтобы не выдать появление группы, разбились по двое, по трое, с пятиминутными разрывами. Дьяк с радиостанцией и Пичуга с аккумуляторной батареей подались предпоследними. Замыкали Сёма со своей неразлучной "токаревкой-сороковкой" и подгруженный аптечками и подарочным куревом Лютый.

За табак местные поделились и кашей, и спальными местами. Наблюдали сменами по трое, свободные пытались хоть чуток придремать перед ночным выходом. Но получалось сложно, просто вылёживались, отложив оружие, подсумки, расстегнув брючные ремни.

На противоположном, менее крутом, но восходящем метров на триста выше, вражеском склоне нетрудно прочитывались протяжные окопы первой и второй оборонных линий с пулемётными выносами. Оттуда, сверху, просмотр был много удобней, но зато наша северная сторона была куда как лесистей.

– Ка-ак Крымск во-озьмут, то-о нам тут сра-азу штурмо-овать. В при-инципе, из-за горки га-аубицами мо-ожно накрыть по-о огневым то-очкам. – Командир роты, занимавшей участок, на кото-ром ночью предстояло переходить линию фронта, сильно растягивал гласные. Видимо, после конту-зии. Молодой, а виски седые. – Но-о, всё равно, на-арода ма-ало. Румын шу-уганём, а немцы та-ам, на-аверху, упрутся. Авиа-ацию бы. Да зе-енитки – звери.

– Там, выше второй линии обороны, в зелёнке довольно накатанная дорога. Она как бы только до Армянской, но далее от станицы есть тропы через хребет на Новороссийск. – Рыжеусый старшина осторожно подвинул под локоть смотрящего в бинокль Смирнова. – Левее. Ориентир – три сосны, от них прямо вверх ДОТ.

– Мо-оя разве-едка добира-алась до него. Эсэс.

– Хотели мы языка взять. Не дался, артерию себе вскрыл. Слушай, у нас пяток румынских кепок есть. Возьмёте? Очень смешные, так что фрицы не сразу распознают.

Наблюдательный пункт, накрытый плотными зарослями кислянки, был на четверых тесноват, но, правда, грунт ещё тот: ночами, когда рота окапывалась, лопаты не только клацали, но ещё и искрили о камни.

– Та-ак по нам и стре-еляли – на-а звук и на-а искры.

– Итак, показывай маршрут. – Смирнов отжал командира роты, и они с рыжеусым в два бинокля привалились к брустверу. Старшой приспособился над плечом Командира.

– Здесь мы сползаем к речке. Десять минут. Туман накроет, никакими ракетами не просветят. Видишь? Там меж ив – проволоки с боталами. Вон там. И там. Мы их камнями обходим. Выше вдоль леса плотно заминировано. Сделаем сразу два коридора. Один вперёд, другой назад. Туда – слева от кипариса. Это ещё полчаса. Ну, сорок минут. Далее, вы прямо-прямо вверх – минут двадцать, если бегом. Вам – меж тем и тем сосновыми пятнами. Часовых мы, если всё спокойно, там не замечали. Есть правее, у блиндажей. А слева постовой метрах в сорока. И чуть за выгибом траншеи. Так что участок бесконтрольный.

– Как мы в тумане, не собьёмся?

– Туман по реке, понизу, у вас только ночь. Звёздная. Как вы за верхние окопы выйдете, мы с нижних берём языка. Или не берём? По-любому, пытаемся, и отходим с громким боем. Шумим, гре-мим по второму проходу.

– Миномё-ётчики сразу на-акроют обе ли-инии. Отвлекут. – Комроты попытался втиснуться меж разведки. – И пе-ервый про-оход в минном поле то-оже отрабо-отают. Про вас ни-икто не у-узнает.

– Спасибо, товарищи, спасибо. Воловик, при сменах наблюдателей доведи до каждого маршрут с ориентирами.

– Так точно, товарищ старший лейтенант. – Старшой для чужих чуть ли не под козырёк взял. И уже когда они растянутым гуськом, пригнувшись, выбирались кривым окопом с "энпэ", пробурчал в спину Командира:

– Всё сделаю, всё, как положено. А вы, Александр Кузьмич, пока тоже чуток подремите. Когда в другой-то раз придётся?

Туман всё более густеющими волнами стекал по руслу, подпитываясь сползающей с холмов низовой надтравной дымкой. Журчание накрытой воды становилось громче, громче воспевали своих возлюбленных лягушки. Какая же бурная и буйная на югах весна. Несколько летучих мышей немymi зигзагами чертились на фоне бледно-розовой ущербно-низкой луны и крупно засеявших зенит цвет-ных звёздных горошин. Разведчики ждали.

Дежурно то с русской, то с немецкой стороны взлетала осветительная ракета, пронзительно вы-беляя затуманенное каменистое урочище и залесенные склоны. Дежурно то с нашей, то с противной стороны коротко отстукивал пулемёт, очередь гаснущим эхом переталкивалась от склона к склону. Разведчики ждали.

Сырая пронзительная прохлада забиралась за воротник, в рукава, набухла каплями на бровях и кончиках носов. Разведчики ждали.

Командир и Усатый, слившись в один контур, сдвинули часы с фосфорными цифрами и стрел-ками. Три ноль-ноль – развод и смена караулов. Пора!

Сапёры, за ними батальонные, крайними – дивизионные. Ползком в туман, там уже на карачках, на коленях по скользким влажным камням, в обжигающе ледяную воду. Лягушки предательски за-молчали. Их заминку восполнили двое батальонных с подхвачившим страстное утробное воканье Живчиком. Вышло так убедительно, что сами зелёные возмутились прибытием новых конкурентов и вновь заорали, раздувая горловые мешки.

Голова в ноги, голова в ноги – змейкой оползли проволочные растяжки с гремучими консервно-баночными сторожками и взведёнными натяжными противопехотными минами. По сапёрным маяч-кам вошли в зелёнку.

Туман выпустил в спящий кустарник бесшумные неясные тени.

Двое батальонных ножами сняли часового. Заняли позиции по траншее справа и слева. Всё тихо. Остальные трое батальонных снырнули за бруствер, выгорбились, сцепились мостком, чтобы по их плечам перебежали дивизионные.

Три сорок одна.

Переступать с перекатом стопы, чтобы ничто вдруг чего не хрустнуло, сколько ни тренируйся, быстро не получится. Шажок за шажком. Вторая линия на указанном участке действительно была пуста. Сползший в траншею богатырь Ярёма привычно ссутулился, терпя, пока остальные перепрыгивали по нему за заднюю стенку. Первый, второй, третий, ... восьмой, девятый. Все? Все. Трудно распрямившись, поднял руки. Копоть и Живчик, натужась, выдернули.

Всё тихо. Четыре ноль-семь.

Вперёд! Вперёд! Вперёд. То есть, в гору, в гору!

Они успели подняться метров на двести, когда внизу загрохотало и засияло. Длинные очереди громогласных ППШ и гранатные взрывы пробудили обе стороны фронта – словно по команде десятки ракет свистящими огненными точками взвились в небо, вспыхнули, хлопнули, раскрыв парашюты на безжалостные десять-двенадцать секунд и, судорожно догорая, попадали в туман, прошиваемый косо ricoшетающими от камней малиновыми и жёлтыми пулёмётными трассерами. На румынских пулёмётчиков полетели русские мины, русским миномётчикам ответили горные орудия немцев...

Вперёд! Вперёд.

Через минут десять всё, опять же, почти разом стихло. Последним отстучал пулёмёт Дегтярёва – ага, значит, наши вышли, фашисты уже выслали поисковые группы и по своим вблизи нейтральной полосы не стреляли.

Вперёд, вперёд, вперёд... Зигзагами от дерева к кусту, от куста к валуну. Вскочил, пробежал десять-пятнадцать шагов, припал к "естественному укрытию". Огляделся, вскочил, пробежал... От валуна к кусту, от куста к дереву. Впереди Кырдык и Лютый. Замыкающие Копоть и Живчик.

Подъём с каждым шагом заметно набирал крутизну. Плотной подогнанной к спине сумка с рацией начала как-то сползать с левого плеча, но остановиться, поправить ремень – без надежд. В куст рядом с Дьяком на колени упал, часто, как собака, дышащий Пичуга. Согнувшись – лбом в землю – подкинул-подтянул аккумуляторы. Но ничего, терпит парнишка. Радист и переводчик, перегруженные самым ценным – радиостанцией РБ-М с двумя аккумуляторами, компенсированы облегчённым боезапасом: их ПэПэШа не с барабанными магазинами, а с лёгкими секторными "рожками". И "карманных" патронов по двести штук.

А так-то разведчик, уходя в тыл врага, брал с собой порядка семнадцати килограмм патронов "семь-шестьдесят два" – под обязательные пистолет-пулёмёт Шпагина и самозарядный пистолет Токарева: пять снаряжённых дисков по семьдесят одному – при умелой прокрутке дисковой пружины – семьдесят три патрона, и столько же в пачках по карманам. Добавить вес самого оружия – три с половиной ПэПэШа и увесистый ТэТэ, пять-семь гранат, вот ещё десяток кило. Бинобль, кинжал, аптечка – так что никаких продуктов, только фляга воды.

Почти тридцать килограмм продуманно подогнанного, нигде не брякающего, не царапающегося и не цепляющегося боеобеспечения – подъём с каждым шагом заметно набирал крутизну. Но – вперёд, вперёд! Вперёд...

Луна осела за грядой, и звёзды окончательно заполнили разряженную черноту налёгшего на взмокшие росой кроны карагача и лещины космоса. Земля ответно пружинила, остро пронзая пустоту шпилями пирамидальных тополей. Где-то близко уже должна проходить дорога. А над ней слева – эсэсовский дот.

Обнажённая глина длинными светло-серыми стяжками прошла обжимающую дорогу тёмную вязь акации и крушины. По отмашке Командира разведчики развернулись цепью метрах в двадцати от кювета, залегли. Пять-пятьдесят две.

– Ярёма и Копоть – на фланги, потом замыкаете. Кырдык и Живчик – на ту сторону. Осмотритесь. Если чисто, мы – за вами.

Шесть-десять. Звёзды тускнели с каждой минутой. Светает здесь так же стремительно, как и темнеет. Шесть-четыренадцать. Наконец-то! Живчик на секунду вынырнул из куста, призывно помахал и вновь пропал.

Старшой, Лютый, Сёма. За ними сразу Командир, Дьяк и Пичуга. Чуть позже фланговые – Копоть и Кырдык.

Едва углубились на двадцать-тридцать метров, как Кырдык дважды тихо крикнул: по только что пересечённой разведчиками дороге спешным маршем шагал патруль. Приближаясь из-за дальнего поворота, громко, не в ногу, топотали четверо румын. Два почти мальчика и два почти деда, умученные длинными немецкими "манлихерами" – винтовками чуть ли не с первой мировой, и тяжеленны-

ми ранцами. Взгляды под себя, ладони глубоко под лямками. Пояса перекошены штык-ножами и подсумками. Полная безалаберность, как будто в глубоком тылу на отдыхе.

Дьяк буквально ощутил, как слева напрягся, залучился злой энергией Живчик – такой лёгкий трофей! Наверняка в заспинниках у них и хавчик, и экспроприированные у местных шмотки. Только что где-то намародёрствовали и прут домой. Отсылать родне в Констанцу или Яссы.

Но... Лес разорвался в отдельные гряды, и на всё ширящихся полянах низенькое солнышко искристо розовило влажное разнотравье. Сбиваемая роса чётко обозначала след. Ещё и певчие птицы предательски смолкали, едва группа входила под ивовые или ясеновые завесы. Выбрали хоть и одинокую на лёгком всхолмье, но достаточно плотную группу разлапистых каштанов в подпорье колючих кустов шиповника и дерезы. Залегли. Командир, Дьяк и Пичуга с рацией по центру, остальные – широким кругом по границе рощицы. Наблюдать и дремать по очереди – через одного!

Пичуга, едва скинул мешок и вытянулся, мгновенно отключился. Дьяк покосился на Командира, но тот нарочито отвернулся. А потом и вовсе ушёл к Старшому.

– Общее воскресение прежде Твоя страсти уверяя, – тихо-тихо запел за спиной ниоткуда появившийся Лютый, – из мертвых воздвигл еси Лазаря Христе Боже. Тем же и мы яко отроцы победы знаменья носящее...

– Тебе победителю смерти вопием: осанна в вышних, благословен Грядый во имя Господне! – так же шёпотом подхватил Дьяк.

– Осанна в вышних, отец диакон! – Лютый в рейдах всегда демонстративно открыто крестился.

– Да, с Вербным тебя, брат Антиох.

Улыбающийся Лютый уселся рядом, плечо в плечо. На всякий случай пооглядывался и – мол, попала грязь, переломил автомат, изъял затвор, просмотрел, протёр боёк чёрной тряпочкой.

– А я помню: к бате протоиерей ещё царский приезжал. Мощный такой старик. Весь круглый, тяжёлый, точно дубовая бочка. Бывало, разгладит усы, да как дунет через белую бородищу: "Сам, Владыко! и нас, по подражанию о нем ... в предпразднственный сей день ваия ... и ветви древес в руках носящих ... соблюди! и якоже онии народи! и дети! осанна Тебе приносящих, сохрани-и-и!".

– Тише ты!

– Гм, в образ вошёл. – Лютый подсоединил магазин, передёрнул затвор. Проверил предохранитель. – Командир возвращается. А меня нет. Как не было.

И, опять шёпотом, удаляющееся:

– Благословен Грядый ... во имя Господне...

Забавный человек Антиох Лютиков, какой-то сложнейший замес чистоты с до, порой, наивности с лукавой прагматикой. Обаятелен, артистичен: постоянно в контексте – с одними такой, с другими совершенно противоположный. А ещё от времени суток и от погоды может легко меняться. Белобрысый, круглолицый – кажется, с пермяцкой кровинкой. До всего интерес. И руки всё время в деле – что-то вертит, крутит, что-то совершенствует – спуск пистолета, баланс ножа, брючные карманы. Уже двадцать шесть, а не женат. До войны всё метался, искал себя. Верит глубоко, искренне, службу знает – с пяти лет в алтаре прислуживал. Но об отцовской стезе даже слышать не хотел. Вот и проискался.

Дьяк оглянулся – никого, скинул сапоги, накрыл голенища развёрнутыми портянками. Вот он, дух русского воинства. Даже ветер возмущённо закачал верхними ветвями, осуждающе зашуршал листвой.

Пичуга, вроде бы даже не дышал, как вдруг из-под надвинутой поперёк лба до носа пилотки:

– Неужели вы в это верите?! Вы же взрослые люди.

– Во что "в это"?

– Ну, в Бога этого. Двадцатый век на середине. Предельно глупо.

– Ты прав, да, когда встречаются верующий и неверующий, один из них обязательный дурак.

– В смысле: для вас я дурак?

– Всё взаимно. Ну, ты правильно меня понял.

– Да это... – Пичуга уже сидел, – это, правда, глупо! Вы же радист, человек технически образованный. И что – чудеса? Какие чудеса? Какие? Где?

Дьяк осторожно откинулся на спину, заложил ладони под затылок:

– Клим, ты проснулся? Тогда я подремлю. Прости, чем обидел. Не хотел. Не...

И Дьяк мгновенно поплыл в синее-синее сияние, плещущее сквозь чуть-чуть шевелимую ветерком сочную молодую листву сплётшихся каштановых ветвей. Весеннее, до густоты насыщенное восходящей росной испариной небо нежно поднимало его, принимало, вбирало, покачивая под начало какой-то знакомой, когда-то очень знакомой, но теперь никак не вспоминаемой мелодии. Та-тата... та... тата-та... Та-тата?..

– Пора, собираемся. – Командир легко толкнул в плечо, и Дьяк, открыв газа, увидел стоящих вокруг разведчиков. Все, закинув головы, смотрели на дёргано гудящую "раму" сто восемьдесят девятого "фокке-вульфа".

– Так точно. Есть. – Утрясаясь-притираясь спиной, выпрямился под рацией. Выровнял автомат, поправил ремень. Всё.

– Роса высохла, трава молодая, гибкая. Не наследим. Нам до вечера мимо Армянской надо выйти как можно ближе к хребту. Но по пути ищем. Ищем зенитные батареи. Горные батареи. И танковые схроны. Пойдём по-над дорогой, будем проверять все южные примыкающие. Любых контактов избегаем, только наблюдаем и срисовываем.

Кырдык и Старшой в передовом дозоре на пределе видимости. Живчик, Лютый, Сёма, Командир, Дьяк и Пичуга – основная группа. Ярёма и Копоть – дозор тыловой.

Первый же сворот с основной дороги вывел на прикрытый румынским жандармским блоком склад горячего.

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. 32 вкопанные цистерны примерно по 8 кубических метров. 2 бронетранспортёра, 1 мотоцикл. По периметру 4 ДОТа, полномерные траншеи, колючая проволока, 3 вышки с пулёмётными гнёздами. Охрана – до 30 румынских жандармов и порядка 10 немецких нижних чинов".

Второй сворот выходил в широко открытое поле. Старшой, Лютый, Сёма и Копоть, надев румынские пилотки, прошли по дороге с километр, далее ползком приблизились к зенитной батарее.

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. 4 капонира с 37-мм зенитными орудиями. В 200 метрах на юг в лесочке 4 замаскированных колёсно-гусеничных тягача, 1 фургон "опель" с радиостанцией, 2 мотоцикла, 9 прикопанных палаток, навес пищеблока. От 30 до 50 военнослужащих. По нашивкам – 275-й артиллерийский дивизион. Блок-пост – 4 румынских жандарма и немец унтер-офицер. 1 станковый пулёмёт. 1 мотоцикл".

Немцы вели себя аккуратно, за пределы постов никто не выходил – значит, минные поля. И жандармы при них не расслаблялись.

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует поворот дороги. Определить количество гарнизона не удалось".

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. Долговременных укреплений для 7 танков 2 Тигр" и 4 лёгких "Т-3" 5 полка дивизии СС "Викинг". В 100 метрах на юго-запад 20 жилых палаток и 5 технических. 4 грузовика, 2 автоцистерны, 1 автофургон с радиостанцией, 1 грузовик со спаренными зенитными пулёмётами, легковой "опель-капитан". 6 мотоциклов. Гарнизон более 100 нижних чинов и 20 офицеров. 2 ДОТа. По периметру полноразмерная траншея с 2 блиндажами и 6 пулёмётными точками. Минирование".

"Викинг"-то здесь откуда? Отстали после ремонта?

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует развилку дороги к хутору N. Хутор занят румынами, порядка роты. 2 грузовика с тентами. 10 подвод. Сплошных окопов нет. По периметру 4 ДЗОТа".

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Определить количество гарнизона не удалось. Контролирует развилку дороги к хутору N. Хутор сожжён, охраняется отделением жандармов".

"Координаты: высота 4492***, широта 3798***. ДОТ с коммуникациями. Контролирует поворот дороги. Определить количество гарнизона не удалось".

За день над разведчиками на малой высоте пролетело шесть групп – от сорока до шестидесяти "юнкеров" под прикрытием одной-двух эскадрилий истребителей "FW-190". Встречно с Краснодаром в сторону Новороссийска и Туапсе пролетели три группы четвёртых "илов" и вторых "пешек", машин по двадцать-тридцать, пасомых пятком "МИГ-3". Наши летели высоко, но всё равно, где-то с вершин хребта их пытались достать немецкие зенитки.

А вот по дороге движение было скудным: от Армянской в сторону Шептальской пропылила одна колонна из семи крытых брезентом грузовиков в сопровождении броневика и двух мотоциклов с пулёмётами, прогремели два одиноких броневика, протрусили рысцой четверо кавалеристов. Встречно отчаянно продымил открытый бортовой "опель" с десятком румын в кузове и прополз обоз из двадцати пустых конных повозок с одним-двумя местными полицаями в каждой.

Правда, трижды пришлось залегать, чтобы не засветиться кавалерийским разъездам. Один раз прямо в открытом поле. Разъезд мелкой рысью протрусил метрах в тридцати от уткнувшихся в землю носами, не успевших даже скинуть предательски торчащие из молодой травы вещмешки, разведчиков. Да ещё и лошади учуяли, начали похрапывать, перетаптываться, подёргивая ушами. Всадники смолкли, заоглядывались, вскинув автоматы. Две-три секунды решали всё. Но тут прямо из-под ко-

ней из куста дерезы шумно взлетели два здоровенных петуха-фазана. Немного отлетев, тяжело плюхнулись и побежали, блестя золотыми шеями.

– Ич! Ич! Хад! Хад! – Наперегонки рванули в погоню кавалеристы. Серые воротники с чёрными петлицами – эсэсовцы. Что ли тот самый батальон "Горец"? Грузины или шапсуги? Или чечены? Кто бы понимал. Даже Кырдык только плечами пожимал: "Эч – наше тюркское, хад – не помню. Не ингуши. Не балкарцы. Не карачаи. Не знаю".

Внизу, на гравийных осыпях под, казалось бы, такой сонной трассой то и дело скелетились десятки и десятки сброшенных с проезжей части остовов сгоревших советских и немецких грузовиков. Возле мостика мелкой, почти ручья, но скорой речушки жалко чернели собранные особой группой восемь искалеченных лёгких Т-26 и Т-60. И уже на подходе к станции приятно лежал на боку обезбашенный "Тигр".

Станица широко разметалась по низинке, полукружьем стекающей к невидимо петлявшей в камышах речушкой Псыж. Лёгкие холмы, окружавшие долину, у горизонта резко вздувались серьёзными горами. В больших пустых огородах и зацветающих вишнями садах – мелкие мазанки под тростниковыми крышами на окраинах, чуть меньше огороды, но крупнее мазанки под черепицей в центре. Два каменных, серо-штукатуренных двухэтажных административных здания. Длинная деревянная школа сильно обгорела.

Быстро вечерело. За час наблюдений – никаких признаков жизни. Просто никаких. Ни собаки, ни курицы. Ни человека. Только воробьи и дальние стрижи над камышами.

– Командир, мы с Живчиком в центр сходим? Пошарим? – Копоть заранее выложил "карманный" боезапас Ерёме, оставив только заряженные магазины. – Пока не стемнело.

– Давайте. – Не спорить же Смирнову с добровольцами. – Только на час. До администрации и назад. Без контактов, даже с гражданскими.

– Так точно, начальник.

– Мы будем возле вон того домика, на холме, в орешнике.

– Замётано, Командир!

Копоть и Живчик перебежками помелькали вдоль заборов и растворились в проулке.

Обходящая станицу глиняная колеистая дорожка кривила по-над оврагом. Из каждой недосохшей лужицы на его дне неслись страстные лягушачьи воканья. Казалось, это главная примета южной весны. Группа перемещалась, всё так же осторожнича – крайняя односторонняя улица напрягала всё больше: ну ни малейших признаков жизни. В огородах грязная весенняя пустота. Через приоткрытые двери в холодных хатах – опрокинутые столы, табуреты, растерзанные постели. По земляным полам битая посуда, россыпи муки, кукурузы. Какое-то тряпье. И даже самодельные куклы. Дьяк, после первых трёх мёртвых хат, безоговорочно оставался на внешнем дозоре. Пять, шесть, девять, двенадцать – по земляным полам тряпье, битая посуда, россыпи, опрокинутая мебель.

Внизу, на конце проезжей части улицы, возле прощально вздёрнутого журавля-колодца дурно воняла свалка из десятка вздутых уже трупов собак. Неохотно-тяжело взлетели несколько грачей и ворон.

– У-у, у-у! Это чето?! – На перекладине растворённых ворот висел со свёрнутой головой, наверное, столетний дед.

– Шакалы! У, куйка шакалы! – Чтобы Кырдык записывал? Командир едва успел перехватить его за вещмешок:

– Не тронь. Наверняка заминирован.

– Пусти, Командир, тамши. Мой отец такой. Борода мой ата такая.

Крайняя хата стояла на выносе. На приличном выносе. Строился хозяин однако с характером: всхолмье, с которого станица открывалась как на ладони, венчала высокая пятиоконная хата с большим сараем во дворе, крытым загоном-коровником, свиной стайкой, курятником и летней кухней, окружённая ухоженным садом с готовящимися зацвести айвой, яблонями, грушами, абрикосами, сливой и черешней. За плетёной оградой – высаженные грецкий орех, белые акации, чета высоченных пирамидальных тополей над колодцем-журавлём.

Кырдык толкнул дверь стволом автомата и отскочил. Выждав, Лютый из-под Сёминой винтовки вприсед заглянул внутрь. Впрыгнул, за ним Старшой и Кырдык. Внутри всё те же следы дикого разгрома – всё опрокинуто, разбросано. Даже из печи вырвана дверца. На стене меж окон трижды простреленная фотография уже прошлого века: казаки-молодожёны: он в форме при погонах младшего урядника, она в расшитой бисером рубахе с круглым присборенным воротником. Одна пуля попала ей в лицо.

Не было никого ни в сарае, ни в коровнике.

– Товарищ командир! Александр Кузьмич. – У Лютого глаза горели удивлением, даже с какой-то нервной смешинкой. – В свинарнике бабка. Лежит.

– Какая бабка?

– Обыкновенная. Ну, только очень древняя.

– В смысле – живая?

– Да. Живая. Лежит и смотрит.

– Куда смотрит?.. – За Командиром и Лютым в крохотный свинарник попытались втиснуться Дьяк, Пичуга и даже Ярёма.

Слева от входа, на кисло-вонючем, занавоженном полу под обгрызенной стеной валялась пара поддонов, покрытых протёртой засаленной кошмой. На этих поддонах уже не лежала, а сидела иссохшая до черноты, большеносая, морщинистая старуха. В белёной льняной сорочке.

– Здравствуйте, мамаша. Мы свои, советские. Русские.

Старуха, сощурившись, несколько секунд вглядывалась в Командира.

– Мы русские. Вот, вернулись. Гоним немцев. Почему в станице никого нет?

Потеряв интерес к Командиру, старуха, так же на секунды сильно морщась, поочерёдно оглядела Лютого, Дьяка, Ярёму.

– Мамаша, вы меня слышите? Понимаете? – Командир присел на корточки.

– Слышу. Чё орёшь?

Голос оказался неожиданно тонким, чистым, хоть и слабеньким.

– Здравствуйте, мамаша. Так где все?

– Вернулись, значит, предатели.– Старуха бочком-бочком медленно прилегла, с выдохом откинулась на спину. – Вернулись, сволочи.

– Почему "предатели"?

Командир встал, выпрямился и чуть отступил, вжавшись в общий полукруг.

– Предатели. Бросили нас. На Урал побежали. В Сибирь.

– Эй, ты чего, старая? – вступился Лютый. – Никуда мы не бегали. Дрались всё время. Ну, было, отступали с боями, так теперь сами фрица гоним.

– Не бегали? Так верните мне моих доченок. Трёх. И восьмерых внучек. За мужиков с вас не спрашиваю, сами должны драться. А девочек моих – верните! Где они, коли вы не бегали?

Она закрыла глаза и еле слышно шептала, но казалось – орала, гремела, грохотала:

– Внучек и внуков под Покров в Германию забрали. Шестнадцать душ за два дня. А теперь вот и дочек, на Украину. Всех, всю станицу неделю как в Донецк на шахты погнали. Пешком, будто гусей. Меня одну помирать оставили – ноги не ходят, а так и стариков угребли. Всю станицу. Кто противился – на воротах повесили. Да уйдите, уйдите! Предатели. Видеть вас никаких сил нету. Сволочи.

– Мать, где воды набрать? – последним в свинарнике задержался Дьяк.

– В колодцы не полезьте. Они отравлены.

Дьяк пулей вылетел во двор:

– Из колодца не пить!

Внизу, в центре станицы, вздулся чёрный гриб, оторвался, посерел и отлетел круглым облачком. Через двенадцать секунд донесло грохот. В бинокли было видно, как разгоралась одна из административных двухэтажек. Чего там с нашими? Нарвались или сами что-то подорвали? Сами, поди, не желторотики.

Действительно, Копоть и Живчик явились минут через сорок.

Поджаро-жилистый Копоть легко поднимался на холм, оглядывая всё вокруг без поворотов головы. Он всегда так, словно волк, если и поворачивался, то всем телом. Может, шея травмирована? За ненатужным Копотью мелкий Живчик потел под здоровенным сине-бело-полосатым мешком. Чего там они надыбали? Кроме дозорящего на заднем дворе Сёмы, все вышли навстречу.

– Чего? Да ничего. И никого, как чума прошла. Точняк чума. И заминировано всё. В дверь поле-но кинули – видели, как долбануло. Оглохли.

– Вот бумаги развешены. – Живчик скинул мешок, отёр лоб и подал Командиру смятую, с оборванным верхним краем, листовку. – Предъявы. Типа, всем явиться на перепись. Похоже, всех "переписали". Теперь никого и нигде.

Воду набрали в глубокой луже позади усадьбы. Вроде навозом не воняла. Костерок развели там же в яме, под самой ивой, чтобы дым рассеивался листвой. На ужин предлагались два блюда – варёная кукуруза в початках и варёный горох. Главное – с солью.

– Благословский, ставьте антенну, через восемнадцать минут выходим на связь.

– Есть.

Дьяк с Пичугой закинули провод на крайний тополь, подсоединили к рации аккумулятор. Командир подошёл через шестнадцать минут. Оглядевшись, сел на траву, открыл планшет, достал крохотный, исписанный с двух сторон листочек. Пичуга, передёрнув затвор, занял наблюдательную позицию у дороги.

– "Кардинат ... высата ... широт ... 4 укрепа з 37 мм зинитк 200 метр наюг 4 маскеров колеснгу-сенеч тягача 1 фургон с родиостансие 2 матацикл 9 вкопан палат пищеблок 30 до 50 военслужаш 275 артилизки дивизион 4 дота 2 линии траншеи блопост 4 рома жендарм и немец ундер 1 станок пульмет 1 мотацикл".

В школе препод выдавал за триста знаков в минуту, у Дьяка даже через три месяца постоянных упражнений выходило не более сотни. При его-то абсолютном музыкальном слухе. Пичуга вообще пока набивал тридцать-сорок.

"Кардинат ... высат ... широт ... дот с камуникации контрол развилке дарог к хутер ... Хутар знят романы до рот 2 грузовики с тенда 10 падвод сплш акопа нет па периметри 4 дзт".

Первый уровень шифрования – передача с орфографическими ошибками и описками. Дьяк любил эту живую игру, она менялась в зависимости от того, кто принимал сигналы "дома". Любочка – студентка томского пединститута легко догадывалась о самых заморочных коверканьях, а вот с казанской студенткой Рахимой нужно было о сокращениях договариваться предварительно.

"Жители станица угнаны горнизон нит все здани у центр зоминировано".

– Всё? Приняли?

– Так точно, товарищ командир. – Дьяк аккуратно снял наушники, отключил питание. Подождал, пока Командир сожжёт ненужную теперь бумагу с дневными наблюдениями. – Александр Кузьмич, что со старухой будем делать?

– Покормим. Воды оставим. А ты что предлагаешь?

– Покормить-попоить.

– Думаешь, она права? Конечно, права.

Командир жестом вернул Пичугу с поста и ушёл во двор.

Проволока зацепилась в узкой развилке, сколько ни дёргали, пришлось Пичуге разуваться и лезть на тополь. С плеч Дьяка он достал нижнюю ветку и потихоньку добрался до зацепа.

– Дьяк, а там, слева, дымок. С километр. Может, больше.

– Кто-то сбежал. Живёт. Нашего-то ему не видать?

– Не. Нормально.

В одно движение намотав вторую портянку, Пичуга натянул короткий немецкий сапог, встав, потоптался, покачался на носках. Закинув за спину мешок с аккумуляторами, вдруг подшагнул к Дьяку вплотную:

– Так почему я дурак?

Дьяк выдерживал паузу.

– Себя-то вы умным считаете. Почему? Вот мой вопрос – почему? Вот я сам вижу: вы очень простой человек, много знаете. Более того – многое понимаете. А это уже высшая форма разума. И – верующий? Двадцатый век, техника везде, наука открыла все законы. Молния, землетрясение, нефть – чудеса разоблачены. И во что верить теперь? В страхи, которые по ночам случаются? В подсознание? Гипноз? Так на это психология есть.

– В совесть.

– В смысле?

– В прямом. Клим, друг мой, я особисту не врал, что никакой религиозной пропаганды не веду. Будь уверен, что не ты, а я дурак. И тебе, и мне спокойней.

– Дмитрий Васильевич! Вы дразнитесь?

Если бы не радиостанция, Дьяк бы пожал плечами.

– Аллаху акбар, Аллаху акбар, Аллаху акбар, Аллаху акбар. Ашхаду алля иляха илля Ллах Ашхаду алля иляха илля Ллах, – пропустив сегодня все утренние и дневные молитвы, Кырдык, выйдя на огород, расстелив запасную портянку, покаянно вышёптывал ночную ишу. – Ашхаду анна Мухаммадар расулю Ллах Ашхаду анна Мухаммадар расулю Ллах. Хаййа аля ссалях Хаййа аля ссалях.

Они с Дьяком, пользуясь свободой спецопераций, не особо прятали свои религиозные нужды в тылу врага. Не выпячивали, но и не жались. Стукачей в разведке не заводилось, а к личным убеждениям – точно личным, никак не влияющим на выживание группы, все относились спокойно.

– Астагфируллах! Астагфируллах! Астагфируллах! Аллахумма антас-салям уа минкяс-салям табаракта уа тагалайта, – заканчивая четвёртый ракат, Кырдык невольно смял дуа Истигфар: близко за спиной раздался женский крик.

– О, Аллах, неустанно я поминаю Тебя. – Кырдык оглянулся.

В нескольких шагах, в белой на фоне зачерняющейся стремительно наступающей ночью дощатой стены сарая длинной нижней рубаше, вскинув иссохше-тощие, с тяжёлыми крестьянскими кистями руки, стояла старуха. И кричала:

– Господи Иисусе Христе! Буди милость Твоя на детях моих! На Полюшке, на Люсеньке! Любочке, Ксюше, Танюше, Верочке! На Наточке, Липочке! На Наденьке, Марфочке и ещё одной Танюшечке. Сохрани их под кровом Твоим! Покрый от всякого лукаваго похотения! Отжени от них всякаго врага! И супостата!

Старуха кричала в небо, не видя осторожно обходящего её Кырдыка, неловко комкающего свой байковый "намазлык". Она ничего не видела за своим криком:

– Отверзи им уши! И очи сердечныя! Даруй умиление! И смирение сердцам их!

Её высокий, почти детский голос эхом возвращался со склона и отлетал вниз к станице:

– Господи! Все мы создание Твое. Пожалей детей моих! Полюшку! Люсеньку! Любочку! Ксюшу, Танюшку, Верочку! Наточку, Липочку, Наденьку! Марфочку и ещё Танюшку.

– Дьяк, там баба молится твоему Богу. Очень кричит. Скажи ей – не надо кричать, Аллаху акбар, даже тихий шёпот слышит.

На крик собрались все не дежурившие. Дьяк, вздохнув, потопал решать проблему.

Откричавшись, старуха уже тихо ныла, скрестив руки на пустой груди.

– Мать, ты чего же их не по православному называешь? Какая-токая "Танюшка"? Есть раба Божия Татиана. Надо поминать, как положено. Молитвы не мы с тобой выдумали, их святые составляли. В благодати Духа. И кричать на Бога, ну, не нужно. Молитва значит – мольба, просьба. А не ультиматум.

Старуха молчала. И лишь когда Дьяк уже решил уйти, выдохнула:

– Дурак.

Какое же знакомое слово!

– Дурак. Это ма́тернее взыскание. Бог воплем материнскую боль за детишек на Себя принимает.

19 апреля 1943 года. Понедельник

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 19 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения отбивали ожесточённые атаки противника, стремившегося любой ценой добиться успеха. Наши бойцы подпускали штурмующие колонны немцев на близкое расстояние и расстреливали их огнём из всех видов оружия. На ряде участков бои переходили в рукопашные схватки. Наши части отбили все атаки гитлеровцев и истребили свыше двух батальонов пехоты противника. Как и вчера, на этом участке действовали крупные силы немецкой авиации. В течение дня нашими истребителями сбито 13 самолётов противника. Кроме того, 4 немецких самолёта сбиты огнём зенитной артиллерии. Всего уничтожено 17 и подбито 7 самолётов противника.

* * *

На карте большая дорога просекала равнинную станицу и заканчивалась на взгорье у ближнего Русского хутора. Ещё две полёвки из станицы пунктирами кривили к Греческому хутору и Украинским выселкам на берегах Псыжа. Но на месте всё оказалось много интересней.

Греческий пунктир оказался очень даже накатанной дорогой с гатями через заболоченные, заросшие камышами участки. Дорогу патрулировали усиленные до взвода разъезды румынской Девятой кавалерийской дивизии. Более того, кажется, её разведдивизион. Приблизиться к хутору Греческому днём было сложно.

На Русском хуторе, кроме ожидаемого блок-поста на въезде, тоже весьма солидного, с двумя ДЗОТами, с колючкой перед траншеей и минированием возможных обходов, зачем-то был оборудован второй на, согласно карте, всего лишь тропинке к горным пастбищам и покосам. По ближней окраине развернулась окопанная в полный размер батарея из шести 105-мм полевых орудий FH 16. Во дворах под маскировочными сетками затаилось больше двадцати средних танков "Т-4" и самоходных 150-миллиметровых гаубиц "Шмель". Грузовики, бронетранспортёры. Устроить наблюдательный пункт поближе, чтобы уточнить данные по гарнизону, днём тоже оказалось невозможным.

Небольшенькие, в два десятка дворов, с трёх сторон зажатых камышовыми плавнями, Украинские выселки охраняли местные полицаи. Ни немцев, ни румын. Бабы и дети мирно ковырялись в весенних огородах. Коровы и козы так же мирно паслись на заречном заливном лугу.

Но эти картинки сложили вечером, а часа за два до рассвета отделение разошлось по своим маршрутам. К Греческому хутору направились Копоть с неотделимым Живчиком и Сёма. К Русскому – Лютый и Кырдык, Ярёма и Старшой пошли до хохлов. Командир и связисты, скрыв следы присутствия, обогнули станицу и продолжили фиксировать вялое движение на основной дороге.

Сбор к восемнадцати ноль-ноль. Место сбора – господствующая над перевалом перед Русским хутором высота ***. Поэтому Лютый убедил уважаемого Ильяса Исаича, сделав по пути небольшой крюк, заскочить на горку и отложить там – отставить! – обустроить схрон из вещмешков с половиной боезапаса. Что обеспечит дозору дополнительную мобильность.

Утро бледным светом обрисовало мягкие контуры лесистых холмов справа и лысоватых гор слева. Невидимые в листве разноголосые пичужки всю ночь наперебой славившие своих, сидящих в гнёздышках, подружек, понемногу стихали. Два раза прямо из-под ног выскакивали залёгшие на днёвку в кустарник здоровенные зайцы. Влажная трава чернила и холодила сапоги, а такие же влажные листья чернили и холодили плечи и рукава маскировочных комбинезонов. Намокшие пилотки перестали дышать и липли то ко лбам, то к затылкам. Кырдык каждый раз ответственно, как научили, выбирал-намечал переходы между укрытиями и шёл первым, а прикрывавший Лютый, довольно скоро навертев шеей, всё больше отдавался чувствам. Маленькое солнышко на несколько минут высунулось в щель меж взгорьями, и едва видимый пар, коротко вылетающий изо рта при каждом шаге, зарозвел. Интересно, а летом здесь как? Неужели всё выгорает? Или за счёт влажности зелень выживет? Вон, карагач какой разросся. И лианами завит, словно удавами. А ведь впрямь, когда-нибудь они его задавят. Дома, на северном Урале, даже дикий хмель редкость, а тут всё всех обвивает и душит. Борьба за выживание между видами. Семействами и классами. Прямо по Марксу, Господи помилуй.

– Туру!

Присев на одно колено, Кырдык всматривался-вслушивался. Мгновенно вернувшийся в реальность Лютый тоже припал под стволик крепыша ясеня. Что? Кто? Где?..

Отмашка "наблюдать": Кырдык от глаз потыкал пальцами вперёд вверх, на плоскую, обросшую леском вершину горы, где была назначена вечерняя встреча и где они собирались сейчас припрятать половину боезапаса. Что смотреть? Где?..

В глубокое приседе перебежали полянку. Вторую. Чем выше, тем деревца становились меньше и реже. Клёны, акации и ракитник уступали череду кривым, длинноигловым сосёнкам, да и кустарники тоже поужались. В зоне слышимости пришлось ползти. Кто?.. Ещё эти чёртовы птицы шугаются. Зайцев к ним только не хватает.

Приплюснутая вершина горки идеально подходила для размещения артиллерии. В секторе обстрела и сам хутор в километре слева, и справа до десяти километров дороги на станицу. А главное, просматриваем каждый квадратный метр неминуемого перевала. Так что четыре зачехлённые, укрытые сеткой и сосновыми ветками, безоткатные сто-пяти миллиметровые "LG 40" подковой, с разном в сто метров, тычились короткими стволами за укреплённые плетнями бруствера. Идеальная позиция: налево пойдёшь – кырдык. Направо поедешь – тоже кырдык.

– А вон ещё гнёзда миномётчиков. Раз, два, три ... шесть. Тоже тяжёлые, гады: калибр восемьдесят один.

"Nebelwerfer". Под плотной двуцветной маскировочной сеткой в широких квадратных траншеях над опорными плитами, поддерживаемые двуногими лафетами, зло таились толсто замотанные от дождя брезентом стволы-трубы.

Метрах в ста под батареями по обоим склонам высоты змейно зигзажились полноразмерные траншеи с блиндажами и выносными ДЗОТами. Фашисты обжились надолго. И плотно. Считай: на четыре пушки – пять офицеров, двадцать унтеров, за сотню рядовых. Плюс минометчики: семь обслуги на каждый из шести стволов, офицер и шесть унтеров – итого ещё полсотни. Пехоты, судя по окопам, до роты. Сейчас, понятно, здесь, на позиции, только дежурные, основной состав в хуторе.

Ну и что же это за хуторок такой? К которому на нашей карте только козьи тропки ведут?

– Языка брат. Здесь не ждут наши. – Кырдык аж зубами скрипнул.

– Будет приказ, возьмём. Обязательно. – Лютый первым пополз назад, вниз: надо предупредить своих, а то, не дай Бог, вечером кто нарвётся.

Срезав вершинку веточки, состругивали полоску коры: и белый срез виден, и болтающийся кончик за день подвянет, выделится на общем фоне. Обвешав предупредительными знаками возможные подходы своих, Лютый и Кырдык пошли в обход высоты с противоположной от перевала западной стороны. Вот и получился небольшой крюк. Ещё и запасной пункт сбора – окраина станицы – теперь удалялся раза в два.

Обзор с этой части гребня был не ахти. Поэтому, не задерживаясь, перебежками сползли в густо заросшую лесом лощину, выводящую к Русскому хутору. Внизу ни зимой, ни летом

неизживаемая влажность нарастала на тонких, часто тянущихся к недолгому солнцу стволах пышными шубами мхов и пятнилась причудливыми чешуйками лишайников.

– Ильяс, а как по-ногайски "война"?

– Кавга.

– Злое название. Как лай собачий.

– Так и есть. Мы, ногаи, много воевали. В Азии, на Урале. На Кавказе. С туркменами, с монголами. С астраханскими татарами. С чеченами. С крымскими татарами. С русскими тоже.

– Ещё бы. Кто с нами не воевал? Даже японцы и американцы. Теперь ещё и финны. А вы-то чего с нами?

– Время было – кто народ не воевал, того народа теперь нет. С русскими воевать хорошо. Русские после войны прощают. Мириться умеют. Дос. А другие нет. Другие мстят. Детям, женщинам.

– Стоп, стоп, стоп! Никогда не думал, что с нами все воюют, потому что мы потом их простим. Ильяс, ты мудрый человек! Правда, я бы не додумался.

Лощинка расширилась в долинку с каменистыми следами ручьёв. Света здесь хватало и для настоящих деревьев, и для цветения трав. Даже дышалось легче. Шли по русловым каменным дорожкам, прислушиваясь к малейшему звуку. До хутора оставалось с километр-полтора. Был смысл подняться на следующую за обойдённым перевалом грядку.

Наблюдение пришлось вести с нескольких точек. Четыре улицы разошлись в совершенной необъяснимости. Да и по самим улицам дворы ставились кому как на душу упало. Скорее всего, эту неразбериху обусловили подземные озёрки, выходявшие на поверхность камышовыми зарослями. Но вроде крупную технику более-менее просчитали. Можно было возвращаться. Тем более, если повезёт, успеть перехватить своих на подходе к высоте.

Знакомый путь всегда короче. Тем более, Лютый мало-помалу разговорил обычно замкнутого Кырдыка.

– Мы, едисанцы, из казахский степей на Волгу вышли. Там калмыки наших воевали, и наши с Бакты-Гирей-султаном пришли сюда. Под Кавказ. Потом кочевали в Белгородскую орду. Потом вернулись в Ставрополье. При Николае Первом – двадцать тысяч казанов. Казаном семью считали. Десять или тридцать человек. Мой отец в Гражданской у Ахлау Ахлова служил. В Первом Казанском мусульманском социалистическом полку. Тогда мы с русскими в одной станице жили. Каясула. Может, знаешь? Когда голод был, помогали как братья. И теперь дома бабы наши друг другу помогают. Земляка в санчасти встречал, он сказал: оккупацию выжили, теперь лучше. Теперь вперёд смотреть можно.

– А чего ты домой не пишешь?

– В двадцать восьмом я русскими буквами писать учился. А старики другими писали. Жена никак не умеет.

– Так у вас латиница была до двадцать восьмого? Надо же.

– Эртеги старики на арабском писали. Вот наша тамга арабская буква. "Ль".

– Что это? Ваша тамга?

– Знак рода. На границах пастбища ставили, скот клеймили, оружие. На могилах писали.

– Род – это родители. И родители родителей. Вот в моём роду семь поколений священников. – Лютый, согнувшись почти пополам, приобнял неведомо откуда оказавшуюся в этих местах тощую кривую берёзку. – Здравствуй, подруга. Почти вся наша родня Богу служила, кто митрофорный протоиерей, кто дьяк, кто просто певчий. И по материнской линии дьячки и чтецы из Ивановской епархии. А так-то есть даже дядя монашествующие: архимандрит Иосиф, схиигумен Захария, иеромонахи Мельхиор и Гаспар. Я только Бальтазара для полноты не нашёл. Даже среди иноков.

– Мой отец Иса. Отец моего отца Есмали. Его отец был Казув. Его отец – Исмак. Его отец Даут. Его отец Джамав. Его – Казбек. Его ещё Джамав. Его отец – Бегали. Его – Енали. Его – Кошербай. Его отец Домбай. Отец Домбая Кудайнет. Отец Кудайнета Лукпан.

– На слух часть имён мусульманские. Ну, у других народов тоже такие есть.

– Мы едисанцы Ханафитского мазхаба.

– Понятно.

Хотя чего Лютому могло быть понятно? Но примирительное подытоживание беседы относилось к перекрытому небо дёрганному гулу вывалившейся из-за перевала полусотни "юнкерсов". Четвёртая волна сегодня. А наши на море с Краснодара только два раза вылетали.

Ярёма и Старшой шли метрах в тридцати вдоль лесной дороги. По карте ходу было шесть километров, но это, если по прямой. Дорога же петляла порой просто из капризности.

– Ярёма, это ж ваш хохляцкий характер. То направо, то налево. То вдоль, то поперёк. Ну чего бы, казалось, здесь по прямой её не проложить? – Старшой, как все старослужащие, не мог кого-нибудь,

ну хотя бы чуть-чуть, не донимать. – Только как же? Если Яцко наметит, то Микола своротит. Хохлы, вы такие.

– Никакой я не хохол. – Ярёму более, чем подкусы старшины, в эти минуты волновало, как в его животе утрясалась-распределялась набитая туда часа два назад холодная горошница.

– Как не хохол? Ялтинский же. А в крымских портах только хохлы да татары мешки по трапам таскают, не падают. Другие в море сразу валяются. Продукт портят.

– У нас в грузчиках всякие робили. И греки, и болгары. И евреи.

– И все не падали?

– Не падали. Кроме разве, приезжих, с нижегородчины.

От такой неожиданной дерзости Старшой поперхнулся. И почти ткнулся в спину вдруг застывшего Ярёмы.

С дороги донеслась песня. Да, где-то за поворотом кто-то пел.

Разведчики залегли.

Чуть слышно тукали по засохшей глине копыта, чуть слышно поскрипывала тележная ось, и молодой мужской голос выводил мягким баритоном:

Їхав Василь з млину п'яний, мей-мей,
Їхав Василь з млину п'яний.
Тай повернув до Татьяни,
Гей, Василю, гей, Василю, гей.
А Татьяна злякалася, мей-мей,
А Татьяна злякалася.
На кроваті сховалася,
Гей, Василю, гей, Василю, гей.

Тонкошея и толстопузая тёмно-гнедая лошадёнка, усиленно кивая на каждый неторопливый шаг, тянула тяжёлую крестьянскую подводу. На левом облучке сидел бочком тощенький, так что ворот мундира открывал ключицы, молоденький полицай. Пилотка отжата мелко-курчавым чубом на затылок, так что козырёк в небо, повязка на локте. Ремня нет, винтовка где-то на дне телеги. И, похоже, это о приклад стучалась с характерным бульканьем початая бутылка самогона. Ну, полный разгильдяй. Хотя голос красив:

Василь думав, що то глечик, мей-мей,
Василь думав, що то глечик.
Тай узявся за красчок,
Гей, Василю, гей, Василю, гей.
Василь думав, що то сало, мей-мей,
Василь думав, що то сало.
Тай поліз під одіяло,
Гей, Василю, гей, Василю, гей...

– Вот недоумок. – Старшой, прикрыв один глаз, снял с уса запутавшуюся мушку. – Ну с какого-такого в полицаи записался? Теперь трибунал. Хорошо, если не вышку дадут.

– Пожалел кого. Умных убивают, а за такого чего тужить? Только хлеб переводит.

Ярёму горох таки подпёр. Но над этим Старшой уже не шутил. Он вообще смолк, ибо было не понятно: как, откуда осмотреть выселки? Какой-никакой лесок поредел, посветлел и распался пучками плакучих ив. А дальше сразу начинались пашни, за которыми плотный камыш перекрывал усадьбы, отмеченные пирамидальными тополями. Пошли по краю пашни, перебегая от ивы к иве. Но разглядеть дворы удалось только с речки.

Небольшой, по колено, но говорливый поток ослепляюще мерцал мелкими перекатами над, под и промеж натасканными в половодья камнями. Некоторые валуны явно за тонну, а то и за две. Какие-то в горах реки особо упорные.

Небольшенькие, в три десятка дворов, с трёх сторон зажатых камышовыми плавнями, украинские выселки охраняли местные полицаи. Ни немцев, ни румын. Бабы и дети мирно ковырялись в весенних огородах. Коровы и козы так же мирно паслись на заречном заливном лугу. Можно было возвращаться. Пока собаки не учуяли.

И тут на них выбежали ребяташки. Босые два хлопчика лет восьми-десяти и девчущечка-пятилеточка. Секунду-другую дети розглататы жахливых, увешанных оружием, в невиданной пятнистой одежде, незнакомцев. И – а-а-а!! Мальчишки разом кинули ореховые удилица и молча метнулись наутёк. А брошенная братьями малютка зажмурилась и изо всех сил завизжала. Старшой зажал

ей рот, присев, прижал под автомат крохотное дергавшееся тельце. Ярёма догнал ребят почти уже на выходе к улице, схватил старшего.

– Дядечко! Дядечко! Видпусти!

– Не бойся ты. Сестру забери.

– Дядечко, видпусти!

– Говорю тебе: сестру забери. – Ярёма, собрав в левый кулак рубашонку, правым сильно подталкивал хлопца к несущему отчаянно бьющуюся на его груди девочку Старшому.

– Дядечко!

– Скажи ей, что б замолчала. Мы из плена бежали. Мы русские. Пленные. Нам надо до своих. Где фронт? – Старшой поставил девочку, но рот, точнее личико, ей не открывал.

– Дядечко, видпусти. – Мальчишка робко шагнул, прихватил сестрёнку за край взбившейся рубашонки.

– Конечно, отпущу. Скажи, где фронт? Где советские наступают? Ты понял – мы из плена?!

– Куди нам до росиян?! – Склонясь, рыкнул включившийся Ярёма.

– Туды! Тамо росияны будут! Видпусти, дядечко...

Пробежав пару километров по реке, сделав по пути четыре ложных выхода на левый берег, Ярёма и Старшой, прыгая по вершинам валунов, выбрались на "свой" правый. Дальше бежали в сторону станицы. Через час рухнули, выдышались.

– Ярёма, так тыж таки хохол?

– Русский я, русский. Тильки трохи розумляю.

– Тогда подпевай: Пийте, хлопці, випивайте, мей-мей,

Пийте, хлопці, випивайте.

И Ярёма подхватил:

– До Татьяни заїзжайте, гей, Василю, гей, Василю, гей.

Слив из сапог, поменяли портянки. И побежали дальше.

Обозначенная на карте грунтовка к Греческому хутору оказалась очень даже ухоженной и накачанной, с гравийными подсыпами, с бревенчатыми гатями через заболоченные, заросшие камышами участки. Дорогу патрулировали усиленные до взвода разьезды румынской Девятой кавалерийской дивизии. Более того, кажется, это были не просто бойцы, а разведдивизион. Поэтому приблизиться к Греческому днём было... сложновато.

В сторонке от хутора, на широко оголённом всхолмье белела маленькая саманная церквушка в полукружье кладбищенской рощицы. Рядом с храмом две хаты, сарай. Кто-то там жил.

Сёма, поползав меж старыми и новыми могилками, занял позицию, взяв под контроль тропинку к хутору.

Живчик присел за стеной пустого конюшенного сарая.

Копоть, крутя всем телом, напоследок огляделся, сухо сплюнул и, часто матерясь, пошёл к храму.

В окно тёмное нутро церкви просматривалось плохо. Пришлось прижаться, прикрывшись ладонями. В глубине кто-то, наверное, священник, падал на колени, бил лбом в пол, поднимался. Раз за разом. Ещё этот кто-то громко молился.

– Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми... Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему...

От рывка дверь чуть не слетела с петли. На короткий скрип к ударившему вглубь свету вскинулся стоявший перед Царскими вратами кругленький лысоватый старичок в подряснике и чёрно-серебряной епитрахили.

– Что, поп, Гитлеру служишь?

– Господи, помилуй...

– Кто в церкви? Румыны? Полицаи?

– Господи, помилуй. Наши? – Священник упёрся взглядом в ППШ. – Наши...

– Это чьи ещё "ваши"? – Бесшумно впрыгнув на солею, Копоть приоткрыл дверку с ангелом, заглянул, держа поднятый к голове пистолет. – Белогвардейцы недобитые?

– Туда нельзя. Нельзя в алтарь.

– Кто в церкви? В доме? В сарае?

– Чужих нет. Семья.

Оглядев храмик, Копоть вернулся к священнику:

– Гитлеру служишь?

– Это не так. Я – Богу. И людям.

– Разберутся. Знакомое слово?

- Знакомое.
- Веди в дом.

Священник мелкими быстрыми шажками, оглядываясь по сторонам, первым вышел на крыльцо и, прикрыв за Копотью дверь, хотел замкнуть.

- Оставь.

От храма к то же саманному, недавно выбеленному, с обведёнными синькой окошечками, невысокому домику выметенная дорожка с обеих сторон обсажена прутиками ещё спящих роз. Слева жердевая беседка, жидко завитая виноградом, за которой оштукатуренный вход в подвал.

Горница с деревянным полом, посередине круглый стол под расшитой по кайме льняной скатертью, резной шкафчик с посудой, вдоль двух стен лавки, покрытые лоскутными плетёными ковриками, меж окон – венские стулья. Восточный угол сплошь залеплен застеклёнными киотиками, с разнообразными иконами в бумажных цветочках.

– С миром принимаем. Проходите. – То же вся круглая, попадья, поправляя сползшую на затылок косынку, спиной отжимала во вторую комнату двоих подростков. Отстранив её пистолетом, Копоть заглянул:

- Кто ещё?
 - Никого, я же говорил, – священник переглянулся с женой.
 - Да, гости дорогие! Прошу ж к столу. Сидайте. – Попадья заметалась меж шкафчиком и столом.
- Сейчас, сейчас что-нибудь соберём. Голодные ж, поди? Только пост, страстная началась, но я сейчас, сейчас...

Священник подставил стул. Копоть передвинул, сел спиной к иконам, лицом ко входу. Автомат на коленях, пистолет на краю стола.

– Значит, в своей хате живёте. Остальных-то повыселяли. Хозяева землянки выкопали в огородах и зимуют. Либо в сараюшках с детьми.

- Мы на отшибе, здесь не квартируют. Боятся.
- Не гони. Сотрудничаешь. И Гитлера паки-паки поминаешь.

Через минуту в дом всунулся Живчик:

- Всё обшманал – засуха. Чё, подфашисток мукосяй? С поштёвкой не томи! – Живчик замахом пуганул священника. Провернулся по кругу, заглянув и в шкафчик, и под лавки.
- Сёма где? – Копоть подпёр голову руками.
- На атасе. Я похаваю, смену. Ты, корзинка, чего замерла? Не врубишься? Хозяева вернулись, так что ублажай: цифирчику свари, да лабана побольше, с лаской! Шнель, шнель – кипяток, чай, хлеб с маслом! Сало есть? Яйца?
- Пост! Страстная началась, – старший, лет четырнадцати, с вызовом вступился за мать.
- Ша, поц! Тебе кто базлать позволил? Обнаглели при фашистах. А теперя к вам родная советская власть возвратилась!

– Сейчас, сейчас я всё вам выставлю. Какой пост на войне? Война сама и есть пост. Минуточку. Только в погреб слажу. – Попадья попыталась вытолкать сыновей на улицу. – Ваня, да помощи же! Товарищей покормить надо. И Гриша тоже.

- Куда? Они тебя тут на ламках погодят. А вот я провожу под ручку.

Копоть, полуприкрыв глаза, терпел суету. Когда попадья и Живчик вышли, вздохнул:

– Не кипишишь, поп, он – юрик правильный. Так, елдачит для понтов. Ты по пятьдесят восьмой тянул?

- Пятьдесят восемь, пункт два. Три года Соловков. И пять лет на поселении в Караганде.
- Значит, о блатной власти в понятии.

Священник сжался, на лысине розово проступил кривой рубец.

- В понимании.

Через десять минут на столе теснились разнообразные керамические и железные миски с холодными из подвала, мамалыгой и кругло отваренной картошкой, с солёными огурцами и патиссонами, с маринованными помидорами, перцами и яблочками. Посередине на рушнике – порезанная узкими ломтями половинка суржикового каравая. Перед Копотью выложили жёлтое, пахнущее чесноком сало и рыже-краплёные сырые яйца. Ещё через десять хозяйка внесла кастрюльку кипятка, в которую Живчик высыпал три полные горсти турецкого чая.

Торопливо, до икоты хватавший всё подряд, Живчик наконец насытился. Откинувшись на скрипнувшем стуле, довольно срыгнул:

- Ништяк!

– Бери кружку и смени Сёму. – Копоть и ел неспешно, с самоуважением, и цифирём не спешил давиться.

Хозяева сидели на лавке почти бездыханно, глазами в пол. Лет пятидесяти, но какие-то рано постаревшие, изношенные, смиренно готовые к принятию следующего испытания. Сидели, молчали. Только попадья, накрыв своей ладонью кисть мужа, периодически сжимала пальцы, царапая поповскую руку.

За окнами солнце окончательно выпарило ночную влажность, насытив небо густейшей синевой, в молодо-зелёных кронах высоченных кладбищенских белых акаций звонко перекликались любящие селиться возле храмов галки.

Дождавшись, когда Сёма, доев, вежливо облизал ложку, Копоть встал:

– Пошлешь пацанов срисовать, где у вас что: на каком дворе техника, в чьих избах офицеры, где конюшни, где орудия, где пулемёты.

– Не надо бы мальчишек впутывать.

– Они уже впутаны. Тебя ли за них, их ли за тебя – вы теперь подельщики. А, с другой стороны, тебе ведь нужна, эта, как её, индальгенция от советской власти? Не ждали, что красные вернуться? Правду скажи!

– Не ждали что так скоро.

– Теперь готовьтесь. К законам военного времени.

И вскинувшейся было попадье:

– Куда? Сиди. Или, это, собери нам в дорогу. Румыны православные, приход у вас нынче богатый: "Roagă-te, roagă-te, рора"! Не то что у каких-нибудь вятских или ярославских с ивановскими. Потому лучше не жмись. – Копоть, откинувшись, сощурился в потолок. – Ну, а мы про молодую поповну как бы не узнаем.

Старшой и Ярёма, наткнувшись на предупреждение, решили с отходом на запасной пункт сбора подождать – вдруг да кто ещё здесь объявится? Выбрали место под лёжку с достаточно широким сектором обзора вдоль границы долины и взгорья. Старшой догрыз и свой початок, и Ярёмин. Высосал до самой маленькой кукурузинки.

– Чего думаешь, теперь из-за нас будет?

– Облава. Ну там, пока дети полициям сказали, пока те включились. Для начала должны по реке пойти, – Старшой вдруг вскинулся. – А знаешь, может, хохлы и не доложат немцам! Может, решат отсидеться втихую, хаты там, коней покараулить. Кому охота плавни и лес прочёсывать? Огороды трудов требуют. А тут ещё пулю-дуру поймаешь.

Ярёма был бы рад такому раскладу. Но больно невероятно:

– Хохлы же. Если один даже промолчит, второй на него точно доложит. Не сговорятся они.

За час никакого движения. А не сходить ли наверх, чего там наши заметили, от кого предупреждений на кустах повесили? Ну.... Отставить! Внизу слева что-то блеснуло. Похоже... да, оптика. Бинобль? Прицел?.. Старшой заполз глубже в тень, всмотрелся, подкручивая окулярные кольца своего пэвэошного "8x40". И вздул усы ухмылкой – наши!

Трижды отмахнули веткой, через паузу ещё два раза. И пошли на сближение.

Ствол налево, ствол направо – Сёма и Живчик впереди, за ними Копоть и Старшой, Ярёма замыкающий.

Живчик на поисках за линией фронта просто цвёл и пах. Откуда столько сил вызывалось в этом невзрачном, легкотелом двадцатишестилетнем полупарне-полумужике? Сутками не спал, не ел, таскал тяжести чуть ли не наравне с Ярёмой, мог пробежать с полсотни километров по пересечёнке. С передышками, но мог! И врубался в любую рукопашку с любым противником без оглядки. Раз зарезал трёх эсэсовцев в блиндаже, они даже дожевать не успели.

И сейчас Живчик постоянно уходил в отрыв, успевал, как лайка перед охотником, нарезать охvatную петлю и вернуться к осторожному, всё слышащему, всё видящему и даже чующему Сёме. Сёма же наоборот, расходовался по самому минимуму. Похоже, что он, даже во время бега воспринимал мир как из засады: первое дело – почувствовать – если это не предчувствие, и, едва заметив, тут же оценить, затем проанализировать, просчитать варианты возможного развития событий, и лишь потом действовать. Поэтому каждый Сёмин выстрел нёс смерть фашистскому оккупанту.

Коронованный на зоне Копоть, попав в дивизионный разведрезерв, мудро не стал ломать сложившуюся иерархию и принял бугорство комотделения Старшого для честных фраеров, оставя под собой только блатных и блатнящихся. На этом они и сошлись. И все проблемы решали без тёрки. Старшой, повидавший всякого, ценил в людях ответственность за слово, а ещё всем была очевидна польза от гипнотического дара Копоти – самые гордые фрицы испуганно оседали от одного только зырка жёлтых волчьих глаз из-под сросшихся бровей и потом послушно шли, ползли или бежали в плен без связывания рук, затыкания рта и прочих, обычных для других разведок, заморочек.

Ярёма, как человек избыточно могучий, со всеми пребывал в самых добрых отношениях, а его обстоятельность при закладке мин гарантировала успех любой диверсии.

На запасной точке сбора у высоты *** они оказались уже в полной темноте. Сёма покрякал, Живчик поквакал. Поднялись выше. Опять покрякали-поквакали. Поднялись ещё немного. Наконец-то из-под куска скалы, неведомым образом перетащенного сюда с вершины и кривым драконьим зубом одиноко торчащего на крутоватом, чуть замусоренном ещё тёплыми со дня валунами, скользко-травяном склоне, ответно просвистела-пропищала ушастая сова.

К ждущим Командиру, Дьяку и Пичуге Кырдык и Лютый присоединились часом раньше. Под скалой очень кстати нашлась глубокая вымоина-расщелинка, в которой серо дотлевали прикрытые свеженаломанными ветками угли. В кипятке подсыпали поповского чая, порезали поповские хлеб, лук, яйца и сало. Знато! Что надо! Ништяк. Яхши. А чего? На войне харам и халяль не разделяют.

Командир собрал разведанные, переписал на один лист. Дьяк и Пичуга, давась и обжигаясь, наскоро доглотали и запили, приготавливаясь к передаче.

"Кардинаты ... высот ... шерот ... перед руска хутор 2 дот 1 траншея калючка мины 6 пушак 105 мм в дворах 20 т 4 и самоходы шмели 30 авто и брониход...".

"Кардинаты ... высот ... шерот ... грецкий хутор 3 дзот 2 эскадрон и эскадрон связи и эскадрон миномётн и разведивизион штаб 2 полка 9 кавалер дивизии румын во дворах 3 т 4 и 4 пушки 70 мм и 12 автофургонов госпиталь...".

Звёзды опять расцветили небо. Луна не взошла, но жиденько оконтуривала чёрный горб горы. Два часа на сон – все, кроме взобравшегося на "зуб" постового Кырдыка, сжались-слежались в единую кучку, греясь друг от друга. Пригревший спину Командир терпел занемевшую руку, пытаясь отключиться хоть на несколько минут. Но для того требовалось принять решение: когда раскрыть группе задание рейда? По плану штаба это должно было произойти в районе Неберджаевской. Но после того, как Старшой и Ярёма засветились, да если засекали выход радиостанции, то с завтрашнего утра фашисты должны начать активные поиски группы. Точных координат они ещё пару передач не определяют и прямого гона с прочёсывания местности не будет, однако количество пеших и конных патрулей в районе увеличат кратно. Плюс раскидают по перевалам наблюдателей. Так что, ввиду возможных теперь боеконтактов и потерь, завтра на выходе нужно будет поделиться планом операции со Старшим, Копотью и... Дьяком, Воловиком, Шигирёвым и Благословским.

Ага, это Лютиков поднялся менять Азаткулова. Осторожно распрямив руку, Командир отпустил себя в дрёму.

- Ты намаз совершил?
- Не намаз. Дуа. Есть три суры, читать надо от нечистоты в ночь.
- У нас тоже есть заклинательная молитва. Ко Кресту Животворящему.
- Яхши. Потом нужно дуть в ладони и обтереться. Весь обтереться, от головы, от лица. Это три раза. До утра будет защищать. От шайтан.
- А у нас крестить надо все стороны. Добрых снов!
- Тыныч йокы!

20 апреля 1943 года. Вторник

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 20 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения продолжали отбивать ожесточённые атаки противника. Немецкой пехоте, действующей при поддержке танков и крупных сил авиации, несмотря на неоднократные попытки, не удалось ни на одном участке прорвать нашу оборону. Все атаки гитлеровцев отбиты с большими для них потерями. В течение дня огнём зенитной артиллерии и из пехотного оружия сбито 12 немецких самолётов. Кроме того, нашей авиацией уничтожено 11 самолётов на аэродроме противника.

* * *

- Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначала и празднословия не даждь ми.
- Чего-чего? – Ярёма приобернулся к идущему позади Лютому. Тот добавил громкости:
- Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи, Царю...

– А, молишься. А об чём?

– Даруй ми зрети моя прегрешения, и не осуждати брата моего.

– Вот это правильно. – Ярёма, чтобы не мешать товарищу, прибавил шагу. – Это очень даже правильно. Это всем нам необходимо.

К рассвету группа, перейдя крохотную, но злую, напористо бьющую по ногам речушку, и преодолев нетрудный перевал, оказалась на вольно всхолмленной, почти безлесой равнине. Разбившись на четыре вчерашние группы – головные Копоть, Живчик и Сёма, за ними Командир, Дьяк и Пичуга, потом Кырдык и Лютый, тыльные Старшой и Ярёма – пересекали открытые места перебежками. И к полудню были на берегу Неберджая.

Справа, вниз по течению, на карте отмечен колхоз "Политотделец". Налево вверх река вела к станции Неберджаевской. Осмотрелись. Туман же сдуло, и река ярко играла тысячами солнышек, по долгой прямой разогнавшись перед бурунным поворотом. Судя по ширине, здесь и было самое мелкое место.

Первая группа перебрела довольно удачно – уже на выходе Живчик чуть присел в воду. Проверив тот берег, первые дали отмашку. Командир и Дьяк пробрели уже за глубину, каждым шагом нащупывая крепкую опору для стоп, как сзади раздался вскрик – Пичуга по грудь погрузился в ледяной, сильно давящий поток. Он стоял на коленях, на вытянутых руках держа мешок с аккумуляторами, а раскачиваемый течением автомат бил и бил его стволом по скуле и подбородку.

Дьяк пропустил мимо себя возвращающегося Командира и, всё так же внимательно-неспешно, добрался до берега. И только сбросив рацию и оружие, кинулся на помощь. Принял у Командира мешок с батареями и – снова на сушу. Подождал, пока старлей вытаскивал вцепившегося в него Пичугу – тот умудрился вывихнуть стопу. Пичугу спешно разули – и чего? Подошли, тоже босые, Копоть и Сёма.

Несчастный переводчик терпел боль под осыпью тихих, но лютых матерков.

Наконец переправились Старшой и Ярёма. Старшой, разогнав босоногих, а то и бесштаных советчиков, поколдовал над уже не скрывающим слёзы Пичугой.

– Зажмурься! – Раздался тихий треск, громкий вскрик, и довольный Старшой запринимал ахи и охи восхищения.

Пичуга, вытерев лицо, сначала едва-едва, потом всё сильнее прожимал, прощупывал опухшую лодыжку, опасно шевеля стопой.

– Накрути две портянки: сухую как обычно, а поверх мокрой сустав затяни. Да ты бы штаны отжал, не то в сапоги много натекёт.

Выше прибрежного ивняка вдоль реки опять широко и глубоко разлеглись обзорные поля, по которым где-то пролегал шлях. Поэтому, растянувшись редкой цепочкой, двинулись навстречу течению по-над самой рекой. Перепрыгивая по накатанным половодьем валунам, пугали ныряющих лягушек, обжимались, обходя бочком вокруг отделившихся от основного тока, быстро прогреваемых луж, в которых серыми тенями металась стайка гольянов. Река то стихала до мурлыкающего журчания, то на поворотах набирала голос, сотнями встревоженных струй плеща через разноразмерные каменные пороги.

– Землю заборонили. Они здесь, поди, уже в марте пашут-сеют. – Лютый, сменённый Кырдыком, спустился по осыпи вниз к реке. – Хотя суглинок. И камней много. Думаю, урожай не ахти.

– Пашни, значит, колхоз уже рядом. – Ярёма подслеживал за хромающим Пичугой. – Слышал, фашисты колхозы не распустили?

– Не слышал, и тебе не советую. – Лютый притормозил, увеличивая дистанцию.

– Ну, я это так.

– Да-да, кто бы сомневался.

– Нет, правда.

– Иди, иди. Политики мне не хватало.

Лютый дождался Дьяка. Тот понуро брёл, выглядывая что-то под ногами, как-то откровенно сгорбась, словно радиостанция набирала вес с каждым днём.

– Ты чего, отец диакон? Скорбишь о некошерности сала?

Дьяк слепо поднял глаза и вновь – в ноги.

– Правда, чего ты? Что за неуставное уныние у бойца Рабоче-крестьянской Красной Армии?

– Брат Антиох, как ты понимаешь: "Итак, бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет"? – Дьяк осторожно обошёл так и замершего Лютого.

– Ты, это?.. Это там, где "как во дни Ноя: ели, пили, женились, выходили замуж"?

– Помнишь. Молодец.

– Помню! Ещё как: "... до того дня, как вошёл Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех. Так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится. Итак, бодрствуйте". – Лютый рванул догонять сгорбленного Дьяка. – Только к чему это ты? К чему?

Длиннющая пулемётная очередь посекала листву прямо над головой. "Косторез" MG-42 бил встречно, но не с русла, а по-над обрывчиком заросшего ивняком высокого берега. Разведчики припали к камням, присели, прижимаясь к осыпи. Прямо перед Лютым сверху, оставляя на гальке ярко красные мазки, сползло буквально перебитое шестью пулями тело Кырдыка. Только что сменившего его в дозоре.

– Ильяс... брат...

Впереди рванула граната, вторая. И пулемёт смолк. Цепь развернулась, разведчики перебежками возвращались к повороту – за углом, возможно, удастся перегруппироваться. Лютый взял автомат и вещмешок, Ярёма взвалил на плечи тело. Ильяс, брат...

– Там с дороги два бортовых к нам свернули. – Живчик в голос докладывал сверху. – Остановились. Метров триста. Высаживаются. Порядка взвода.

– Калужный, удержи фрицев. Остальные – на переправу! – Командир толкнул в воду Пичугу, за ним Лютого. – Лютиков и Гаркуша, занять позиции с той стороны. Прикроете Калужного, потом уходите.

Река здесь была куда как глубже. Но теперь-то они шли вместе, держась за вещмешки, опираясь и поддерживая друг друга.

– Ярёма, уходи, уноси!

Бегом, бегом, бегом. Вода чмокала в сапогах, штаны, залипнув, до судорог леденили и так неохотно слушающиеся ноги. Ярёма нёс, бегом нёс обильно капающее кровью при каждом встряхивании тело Кырдыка.

– Шесть, на. Семь, на. – Выдох, ловим промежуток между ударами сердца. Фигурка бегущего в кресте прицела. Ровно нажимаем спусковую скобу. – Восемь, на.

Целиться нужно в живот, даже если фашист попытается залечь, пуля попадёт в грудь или голову.

– Девять, на. – Сёма, перекатываясь от камня к камню, уворачивался теперь от двух пулемётов: к вновь заработавшему левому добавился прямой, принесённый с машины. Сёма уже дважды валил пулемётчика, но его тут же сменяли. А требовалось окучивать и всю развернувшуюся по пашне атаковую цепь, тоже плотно стреляющую из прицельных маузеровских винтовок. Чересчур частые и близкие посвисты и рикошетные взвизги пьянили, переполняли какой-то ражевой уверенностью в его, Сёмы, неуязвимости, заговорённости. В почти бессмертии.

– Двенадцать, на.

Однако немцы были уже совсем близко, подползали на бросок гранаты – у их колотушек ручки длинные, так могут и достать. Спрыгнув с обрывчика в пойму, Сёма бросился в реку и, буруня воду, быстро пробрёл метров десять. Но один за одним три взрыва за спиной сбили сосредоточенность, и Сёма завалился, упал. И поплыл, несомый и вращаемый, как в детской ледянке с крутой горки. Хотя прикрывающий автоматный огонь Лютого и Живчика остановил фрицев, прижал, рассеял по кустам, не позволяя спуститься в русло, но вот-вот они должны были подтащить пулемёт.

– Мужики! Уходите! Уходите! – Вряд ли крик из воды, из рычащей и гудящей воды, мог долететь до своих, но Сёма, вдруг поймав ногами упор в огромную подводную глыбу, успел перекинуть ремень "токаревки" через шею и плечо, освободив руки. Теперь-то можно плыть по-настоящему, а не мешком. С навозом.

Пулемёт некоторое время искал ребят, и, когда ударил по реке, Сёма уже был за поворотом. На карачках выбравшись на галечный пляж, стуча зубами, выдернул затвор, слил, вытряхнул воду из магазина. Потом побежал в заросли. Вовремя – две винтовочные пули, одна за одной, всплыв, лязгнули по камням прямо под ногами. Ах, вы! Паскуды!

– Тринадцать, на!

Быстро выкопать ножами могилу в смеси песка и гравия даже совместно непросто. Чуть присыпав тело, навалили холмик из камней, прикрыли сосновыми ветками.

– Товарищи. – Командир оглянулся на своих, хоть и не выстроившихся шеренгой, но честно тянувшихся по стойке "смирно" бойцов. – Мы провожаем в последний путь нашего друга, настоящего разведчика-красноармейца, настоящего русского солдата Азаткулова Ильяса, сына Исы. Он не был коммунистом, но он пал героем в неравном бою с фашистской нечистью. Советская власть с первых своих дней встала костью у всей нечеловеческой мрази. Империалисты, а за ними фашисты, пытались и пытаются уничтожить нашу Родину, вставшую на путь коммунистического строительства, растерзать её на куски, поставить на колени. Но этого им не удалось сделать двадцать лет назад. И не удастся сейчас, потому что всегда на пути нечисти вставали и встают простые русские люди, простые

рабочие, крестьяне и, вот, пастухи. К сожалению, в этой беспощадной классовой борьбе гибнут лучшие. Гибнут в первую очередь, потому что не прячутся за спины своих товарищей. Прощай, ефрейтор Ильяс Азаткулов. Вечная память героям! Смерть фашистским оккупантам.

- Вечная память.
- Земля пухом.
- Не поминай там лихом.
- Вечная память, брат.

Копоть приклонился к уху Дьяка:

- А как у мусульман с царствием небесным?
- Не знаю. Но, думаю, солдата нигде не обидят.

Все задрали головы: слева, приближаясь, нудно гудела "рама". Ну, вот и началась серьёзная ловля.

- Разойтись! Укрыться.
- Командир. Дозволь мне и Старшему поискать Сёму?
- Отставить! Как положено обращаться к командиру в РККА?

Ярёма аж задохнулся. Но приял:

- Товарищ старший лейтенант! Разрешите нам со старшиной Воловиком выйти на поиски Сёмы?

Калужного!

– Не так. Пойдёте ты и Лютиков. На поиски два часа. Не более. Встретите или нет, сбор на точке.

– Командир располовинил карту. – Это Свинцовые горы. Сбор здесь. Ориентиры: петля ручья и обрыв на западном склоне высоты. Сейчас десять-сорок семь. Значит, в тринадцать часов на точке.

- Так точно.
- Найдите его. Мирон, обязательно найдите.

Ярёма, с почерневшими от заскорузнувшей кырдыковой крови спиной и плечами, бежал впереди как разъярённый лось. Лютый не успевал отслеживать вокруг ничего, он только догонял, догонял, догонял. И это по взбудораженному, раздраждённому боем тылу противника. Если фрицы тут же самолёт на поиски запустили, значит, отнеслись к засечённой группе разведчиков или диверсантов архисерьёзно. Надо бы открыть глаза на затылке, развернуть слоновьи уши и нос вытянуть как у лисы. А тут – он только догонял, догонял, догонял. Чёрные от свернувшейся крови спину и плечи.

- Фьють! Вы куда?

Если бы Лютый не задохся, он бы, пожалуй, успел выстрелить на подсвист. Сёма! Чего он делает? Надо же было крякнуть. Или квакнуть.

Сёма поднялся, точнее, вырос из ниоткуда. И как они его не притоптали? А Сёма ещё и отругал:

- Вы чего, как лоси? Ломитесь. Немцев догоните.
- Где они?
- На десять минут впереди. Пятнадцать солдат. Два офицера.
- Тогда успею...

Ярёма сбросил автомат, мешок, подсумки и кобуру с ремнём, сдёрнув куртку и рубаху, вжал их в большую межкаменную лужу. Начал быстро и сильно жулькать. Вода тут же покраснела. А Сёма и Лютый, шаря глазами вверх-вниз по течению и вверх-вниз по берегам, старались не видеть трескавшиеся кровяные коросты на его голой спине, плечах, руках.

- Всё, пошли. Пошли!
- Всё. Идём.

И тут Сёма вскинул винтовку прямо около виска Лютого, и, встав как на картинке – левая нога вперёд, правый локоть отведён в сторону, чуть склонил голову к оптическому прицелу:

- Четырнадцать, на.

Ответно тоже выстрелили, но Ярёма и Лютый в два ствола подавили всякую вражескую активность.

- Идём! Идём! Идём!!

Бежали уже больше часа. От рощи к рощице, от рощицы к пучку кустарника, от кустов к одиноким деревьям. Падали, отдыхивались. То сзади, то впереди, то слева, то справа прямо по лугам меж холмов с надсадным треском пропрыгивал бронетранспортёр, кружили мотоциклы. На рысях туда-сюда носились усиленные до полуэскадронов разъезды. А они бежали, бежали. Падали в траву, выжидали и снова бежали, бежали.

Хуторок спрятался от ветров на самом сломе орешниковой рощицы в пологий спуск в овражек. Три крытые камышом хаты, пяток небелённых стоек, грязно занавоженные, оцепленные молодой крапивой загоны. Останки телег, бороны. За хатами заготовились к цветению абрикосы, вишни, яблони, груши, сливы. С высоко задранной жерди колодезного журавля слетела ворона, за ней молча

подались в рошу ещё с десятков, сидевших на земле. Вонь и мухи. Жуткий смрад. И жирные зелёные мухи.

Перед входом вся семья – старик со старухой, две бабы, мужичок, два подростка и семеро мал мала меньше. Расстрелянные в спину лежали рядком, лицами в землю. Лежали уже с неделю – трупы вздулись и сильно потерзаны падальщиками. Птицы, зверьё – всюду следы бурных пиршеств и свар.

Зажав рты и носы, обошли хату. Там ещё двое. В изношенном солдатском и босые. Окруженцы? Партизаны?..

Сёма сильно хлопнул-торкнул Ярёму и Лютого в плечи, и первым свинтил за стайку. Девять всадников на рысях направлялись прямо к хутору. По их следам? Или просто проверить?

Немцы, похоже, не знали про расстрелянных. Кони занервничали, закрутились, наездники ответно дёргали поводья, били своих лошадей под живот пятками. После минутных обсуждений пятеро спешили и, передав поводья камадам, пошли проверять постройки. Но на первом же пороге задержались, позаглядывали через приоткрытую дверь. Потом бросили внутрь гранату. Врыв выкинул рамы, даже крыша подпрыгнула. Один солдат достал зажигалку, запалил пучок соломы, ткнул его под стреху. Хлопнул взрыв во второй хате, опять полетели стёкла, вынесло облачка муки. На стайки немцы гранат пожалели, просто пробили по несколько очередей.

Пожар взлетающими с крыш пучками-факелами сухого камыша в несколько минут охватил хутор. Загорелись плетёные, тонко обмазанные навозом с глиной стены сараек. Лопнула, растеклась огненными ручейками бочка с дёгтем. К трупному духу добавилась вонь подгорающего мяса.

Немцы, сдерживая непрерывно ржущих лошадей, сделали несколько всё расширяющихся кругов, внимательно выглядывая – нет ли кого живого? Пару раз выстрелили в разбегающихся крыс. И ушли так же на рысях.

– Про ямку забыли.

– Теперь знаю: компост – сила.

Прокопчённые, вымазанные и вымоченные в отзимовавшей ботвяной гнили, разведчики, трудно продираясь сквозь сплошной тонкий тальник, спустились в овражек. Но воды там не было. Прошли метров триста – покрытый слоем сухой глины плоский, как мостовая, щебень. Пришлось выбираться неумытыми.

Дальше бежать пришлось опять по открытым луговинам. Падали от гула – но это летели бомбардировщики. Слева направо – наши. Справа налево – фрицы. Но "рама" больше не появлялась. Бежали, падали. Убедившись в безопасности, вставали, бежали. Бежали, падали, бежали.

Уже должен был показаться указанный Командиром на карте петляющий ручей. Очередная ясенивая или кленовая рошица вполне могла подпитываться его водой. Наконец-то можно будет отмыться. Последняя перебежка.

Лютый первым увидел украинских шуцполицаяв. Точнее – услышал, и учуял запах табака. Это потом, позже, гораздо позже до него дошёл каламбур: "чуять" по-украински и есть "слышать".

Три молодых, здоровых полицаев, вольно развалясь в тени мощного ясеня, самозабвенно играли в карты и, похохатывая, подкалывали друг друга. Серая униформа – мобильное подразделение. Две винтовки "маузер 192" и ПППШ. Ещё кто есть?

Лютый, отмахнув Ярёму и Сёме схватиться, прополз мимо игравших вглубь рошицы. Две привязанные лошади, опустив головы, дремали у двух тентованных телег. А где остальные шуцманшафты? Слева у ручья ещё четверо у почти бездымного костра готовили обед. Обильно снимая пробы, особенно с сала и самогона. Все?

И тут Лютый увидел собаку. Молодая немецкая – чепрачная, с характерно подсаженными задними ногами – овчарка самозабвенно следила за поварами, сглатывая слюну, заглядывала в рот каждому снимающему пробу. Но, собака есть собака, и стоило начать отступление, как она насторожилась. Лютый блином влип в землю, невидимый и неслышимый. Но запах! Запах... У овчарки на чёрном загривке поднялась шерсть. Она зарычала, и повара, переглянувшись, схватили оружие.

Лютый длинной, почти в половину диска, очередью завалил двоих. Двое других полицаев прыгали за деревья и начали бестолково отстреливаться. А собака, истерично лая, носилась вперёд-назад, всё ближе подбираясь к Лютому. Тот, отбегая к телегам, короткими очередями не давал "поварам" подняться. За спиной тоже началось было пальба. И тут же кончилась: ребята кончили "картёжников". Хорошо бы, чтобы больше никого в роше не было!

Лошади, храпя, бились, взбрыкивали, пытаясь оборвать привязь. Да ещё собака, заходя со спины, всерьёз метила вцепиться в задницу. "Повара", продолжая беспорядочно стрелять, отползали, уходили вниз к ручью. Но кто бы их отпустил? Сёма уже забежал им во фланг. "Шестнадцать, на"? Или за сегодня уже семнадцать?

Последний шуцполицай отбросил карабин и провopil из-за дерева:

– Не стреляйте! Я здаюся! Росияны, не стреляйте!

– Выходи! Подними руки и выходи. – Ярёма тоже, оказывается, успел подобраться к шуцу.

– Я здаюся! – Полицай поднялся, изо всех сил вытягивая руки. – Росияны, я здаюся!

Лет тридцати-тридцати пяти. Невысокий, но плотный. Если б не форма, самый обычный крестьянин: крупно-конопатый, белёсый, даже ресницы светлые, как у хряка.

– Иди сюда. Какая часть?

– Мы? Двисти восьмый допомижный батальон.

Лютый последний трассерный патрон истратил на совершенно одуревшую от злобы и страха овчарку. И тоже встал в рост.

– Жучку зачем? Щенок ещё. – Ну только Сёминого укора сейчас не хватало.

– Щенок?! Да она уже фашистка. Её уже на людей травили. – И сдавшемся "повару":

– Травили?!

– Двисти восьмый. Допомижный. Ни. Ни! Собака взагали не наша!

– А чья? – Ярёма выдернул у полицая из ножен немецкий штык, охлопал карманы.

– Гера штабс-фельдфебеля. Немец. Вин там, в тий стороны.

Ярёма вдруг дёрнул головой и, вразмах руками, завалился на тонкие прутики шиповника.

Вторым выстрелом снайпер раздробил приклад лютовского автомата.

– Сё-ма!!

А Сёма уже выдохнул и, поймав промежуток между ударами сердца, ровно нажал на спусковую скобу: "восемнадцать, на"! Немец, падая с самого большого ясеня, бился о ветви, переворачивался. Каска зацепилась ремешком и повисла над самой землёй.

– Ах ты, тварь! – Лютый догнал убегающего полицая, с маху ударил в шею ножом. – Тварь!

Вдвоём они едва дотащили Ярёму до ручья, положили ногами по течению, обмыли. Умылись сами, прополоскали комбинезоны. Лютый показал на ближний холм, поросший караганом, Сёма кивнул. Пропустив ремень под мышки, они заволокли тяжеленное тело на вершину. Глина с мелом копалась легко, через час на холме свежо белел ошлёпанный ладонями бугорок.

– Вот. Прощай, брат! Лютый, ты скажи, как надо. Как положено.

– Упокой, Господи, душу раба Твоего Мирона, прости ему прегрешения вольные и невольные и даруй ему Царствие Небесное. А на земле сотвори ему вечную память.

– Вот. Вечную память. – И Сёма тоже перекрестился.

– Какого вы в бой ввязались? А Ярёма где? – Желваки Командира вздулись орехами. Сощуренные глаза из синих стали белыми. – Вы понимаете, что нас теперь... здесь накроют. Понимаете? Окружат на этой лысине. И кончат.

– Ярёма там. – Сёма показал пальцем направление. И сел, скрючился, накрыв голову капюшонном. Объясняться пришлось Лютому:

– В полпути выселки. Ну, хуторок махонький. Каратели всех, кто там был, и маленьких детишек тоже, расстреляли. За укрывательство двух красноармейцев. Которых тоже так, на устрашение бросили. Немцы подъехали, хутор сожгли, но они явно ни при чём. А потом мы наткнулись на шуцманов. В роще. Да точно, те самые! Из двести восьмого вспомогательного. Форма серая – мобильные, не местные. Местные в чёрной. Да и поостереглись бы местные открыто детей оставить. Прикопали бы. А главное, в телегах награбленное: часы, крупорушки, маслобойка, швейная машинка. Посуда, обувь. Даже игрушечки. Куколки, мячик. С полицаями немец-снайпер был. Он Ярёму.

Повезло!

Протяжные, быстрые белые облачка, нанесённые южным ветерком от невидимого Маркотхского хребта, тоже оказались разведкой. Буквально через полчаса небо плотно и низко затянуло, где-то даже рокотнул гром. И пошёл хороший, полновесный дождь. Можно было возвращаться на заданный маршрут.

– Подойдём к Неберджаевской с юга, за шляхом леса хорошие. Осмотрим. От неё по прямой семь-восемь километров к железной дороге. На станцию Нижнебаканскую. Наблюдаем. – Командир, Старшой, Копоть и Дьяк, соприкасаясь лбами под прорезиненной немецкой накидкой, в пятне туманящегося их дыханием фонаря следили за передвижениями карандаша по карте. Сантиметр туда, три сюда: всё понятно. – Опять по железке двадцать кэмэ поднимаемся до Верхнебаканской. Отнаблюдаем. Далее шесть кэмэ – Убых. Здесь авиаразведка отметила особую активность фашистов, но с хорошей маскировкой. И зенитки там зачем-то пятидесятимиллиметровые, танки пробивают. В Убыхе и приказано брать языка. Далее у нас Волчы ворота, и на Гайдук, Кирилловскую. Переходим фронт севернее Новороссийска.

– Нас там ждут? – Старшой колыхнул фонарик, ослепив Дьяка.

– Пока ждут. Всё? Всё. Сверяем часы. Пятнадцать ноль-три.

Аккуратно сложив, спрятав в планшет карту, командир стряхнул плащ, накинул поверх вещмешка, затянул под горлом шнуры.

– По коням.

Повезло. Дождь из ливня осеялся в затяжной моросильник. Это же хорошо, очень хорошо: тереться в зарослях и карабкаться по склонам теперь посветлее, а собаки пусть дрыхнут в будках, всё равно, никаких следов не остаётся. А потом и туман покроет.

Головные молчат всегда. Тыльные молчат в основном. А основное ядро, нет-нет, да и перешепнётся:

– Дьяк, твоими молитвами? Дождик-то. Божья милость? Или подфартило?

– Так это одно и то же.

Живчик озадаченно отстал. Конечно, ему жуть как хотелось узнать, о чём закрывом тёрли бугры. И почему Дьяка к себе взяли. Но напрямую колоть даже мужика не по понятиям, надо ждать, когда сам сольёт.

Дождь, дождик, дождичек. Дорогой ты наш! Шагов не слышно, видимость ограничена. А через час уже и сумерки. Только вот жуть как скользко. И трава, и, особенно, камни – любой подъём или спуск теперь отнимали сил – и времени! – куда больше. А ещё Пичуга хромал всё сильнее. Командир нёс аккумуляторы, Старшой выстругал и выдал лёгкую еловую "трость", и всё равно приходилось под него общий ход если не сдерживать, то не разгонять.

Однако самая подлая неожиданность-негаданность разведчиков караулила на берегу Неберджая. И так-то немирная, под затяжным дождём речка поднялась на полметра, превратившись в ревуший мусорно-грязевой поток, торпедами бьющий в окружённые бурунами валуны вырванными с корнями где-то в горах деревьями. Невидимое за плотными, сочащимися моросью тучами солнце скатилось на запад, так что света оставалось на полчаса. Лютый, как имевший уральский опыт преодоления горных рек, вызвался найти брод. Трижды на широких разливах он, упираясь в трёхметровый шест и изворачиваясь от мусора, пытался подобраться к противоположному берегу. Но не доходил и до середины: вода поднималась к поясу, и легчающее по закону Архимеда тело не справлялось с давлением. Ещё чуток выше – и понесёт-унесёт.

Только на четвёртом плёсе, уже совершенно окоченевший Лютый, пусть много ниже намеченного, но так добрался, на карачках вполз в уже непроглядно чёрный тальник противного берега. Через полчаса мигнул фонариком – чисто, никого.

Перебрехали все вместе, кружком – положив руки на плечи друг другу. Точнее – вцепившись друг другу в плечи. И так – по приставному шажку на "раз-два", вращаясь живой шестерёнкой, двинулись поперёк потока. И вдоль по потоку: сбивало мощно. Пару раз им просто везло, когда тяжёлые стволы, топыря корни и ветви, проносились почти в касании. Сцепка, пусть не очень дружно, но удерживая сбиваемых и подскальзывающихся, продолжала на "раз-два", "раз-два", своё сложно ориентированное движение. Через паузы Лютый кратким подмигиванием обозначал направление, но всё равно выйти удалось только метров на сто ниже намеченного.

– Ну, братва, как мы её! Кодлой-то!

– Ты хотел сказать "коллективом"?

– Командир, он хотел сказать "шайкой"!

– Шоблой!.. Бандой!.. Колхозом!.. Ансамблем!..

Рвущийся смех, давясь, сдерживали, сжимали, гасили до сипа и шипа. Командир и тот фыркнул:

– Тихо вы! Пять минут на протирку оружия, отжим одежды и смену портянок.

И опять, разряжаясь, все разом зашипели и захрипели.

* * *

Отца, Василия Митрофановича Благословского, как лучшего выпускника физико-математического факультета Санкт-Петербургского Императорского университета, пригласил, в тоже Императорский, Томский имени Александра III, Фёдор Яковлевич Капустин – земляк-омич. Пригласил лаборантом в свой кабинет физики медицинского факультета, с "отменной перспективой". Именно Капустин познакомил молодого естествоиспытателя, гордящегося научным атеизмом, с профессором богословия иереем Дмитрием Беликовым. Может, для их взаимного обламывания колючек к собственной душевной комфортности романтика-полувера. Фёдор Яковлевич с нескрываемым удовольствием наблюдал идейные дуэли, порой подбрасывая поленце в гудящее пламя страстных попыток "чисто логически" доказать реальность одного из взаимоисключающего. Споры из университетского кабинета переходили в его домашний, оттуда в столовую, порой затягиваясь до полуночи под сипение самовара со смородиновым или стерляжьим пирогом, а то и под рюмочку "лабораторного производства".

После возвращения Фёдора Яковлевича в столицу, уже ординарный профессор Благословский был передан Беликовым в качестве "почти члена семьи". Отец Дмитрий крестил первых двух дочек Благословских, а Димочке даже стал крёстным воспитанником.

Когда подросток Дима уже не только запоминал всё, но и оценивал окружающих, то болезненно переживал желчную язвительность отца в отношении вернувшегося из России в Сибирь старика-крёстного. Принявший постриг через несколько лет после вдовства, пенсионер с сохранением звания "заслуженный профессор", искренне было поверивший в обновление мира и Христовой Церкви революцией, епископ Дмитрий вдруг "завернул" в консерватизм и принёс покаяние Патриарху Тихону. А уж когда стал архиепископом Томским и Новониколаевским и членом Патриаршего Синода, Благословский-старший окончательно вычеркнул его из списка обязательных к общению.

Отец тогда сам не выглядел героем. Его патриотизм первых лет Мировой войны перебродил-переродился в критику всего вокруг него неуспешного. Он злобно обличал чиновную нерасторопность и буржуазную суетливость, ругал чванливую власть в столице и провинциальные туго-думские сборища, клял коллег-преподавателей за равнодушие к "делу Сибири" и студентов за уже запредельную развращённость при нежелании взрослеть. Доставалось и семье. Побывав в выборной власти во время эсеров и при Колчаке, он, едва оправданный комиссией ВЧК, никак не мог успокоиться, смириться с тем, что никто более не спрашивал его мнений о реформах образования, и всё в Томске творилось под копирку из центра, что опять пришло время не агитировать и не дискутировать, а возвратиться к столовым беседам, и, желательно, негромким. Это ему, наследнику и продолжателю сибирского областничества, публично ставившему в тупик Ярославского и Луначарского в их пропагандистских турне по Сибири? Особенно отца бесило то, как его бывший старший, но столько лет "сердечный друг", сломившись, пытался оправдаться, проповедуя окружающим в духе Экклезиаста: "всё в мире зря".

– Мы что, эти двадцать лет прожили зря? Мы свалили сгнившую империю что, бессмысленностью своих страданий? Мы умирали в Гражданскую войну, до и после неё сидели то в царских, то в большевицких тюрьмах за идеалы, свободу, за справедливость и гармонию – и всё зря? Очень удобный отнорок для страха, мелкого, очень личностного страха: Бог всё решает, мы только свидетели. Только как его же учение декларирует, что "вера без дел мертва"? Он, профессор, что, не видит, насколько самоубийственно противоречиво христианство в односторонней трактовке? Да, он пожилой, слабый, и я готов его простить, но пусть молчит! Молчит!

Дима наверняка на отца смотрел тогда глазами матери. Это её оценка – "кликушество", вряд ли к десятилетнему такое слово пришло бы само. Сёстры готовились к периоду брачевания, их влекло кучкование вокруг нового, будущно-светлого, и над "родителем" они откровенно глумились. Всё это ставило мысли и чувства вразнос: к матери он ещё бы по-детски прижимался, но сёстры слишком много о себе мнили, поэтому их новые друзья-комсомольцы тоже отторгали. И противиться отцовскому духу получалось в одиночестве.

Умиротворение обреталось только рядом с крёстным. Вкусно пахнувший воском и ладаном владыка аккуратно обходил болезненное по периметру "все ли здоровы?", "ну, как отпраздновали?" всё равно чей день рожденья. И на каждую встречу у него имелась в запасе пара историй из далёкого, "до тебя", прошлого, где папа и мама были радостны, очень умны и красивы. Поминал и прадеда, омского протоиерея, от которого пошла их фамилия. Дима в полноту сердца сытился покровительственным теплом, которого не получал дома. Поэтому, чем больше его пытали родители и третировали сёстры, тем изошрённей он скрытничал. Вряд ли из-за тона их запретов он мог внять, какую опасность для семьи несли даже мелкие поручения находившегося под круглосуточным наблюдением архиепископа. Зато какой же мальчишеский восторг – как настоящему разведчику, незаметно кому-то что-то передать: записку или на словах, через чердак – как бы за голубями – проникнуть в запечатанный храм. Ну, иной раз провести через огороды каких-то богомолков. Или богомольцев. И молчать, молчать об увиденном и увиденных.

А ещё владыкина библиотека! Совсем-совсем не такая как дома. И всегда объяснимая, с шуточными примерами или тихо-серьёзными толкованиями всего загадочного, таинственного – того, что лежало до поры в нём глубоко, едва-едва чувствуемое.

Конечно же, отец и крёстный изредка встречались, обычно после большого праздника в Троицком соборе принимая приглашение отобедать. Благословские, в числе иных "ближних", сидели за всё скудеющим архиерейским столом, как бы по-былому беседовали. Но не искренне, и расходились каждый со своим. Отец, было, немного снизил уровень критиканства, когда в марте двадцать седьмого владыка Дмитрий воспротивился судорожности решений центральной власти местоблюстителей и заявил областную автокефалию. Отец даже попытался использовать этот резкий поворот церковной жизни Томска для возрождения идей Ядринцева и Потанина, но понятно же, "дорогой друг" отстранился. Даже уход в "демократический" григорианский раскол не мог больше оправдывать в глазах

отца социопатию Русской Церкви. Давно уже не участвовавший в её таинствах исповеди, причащения и, тем паче, соборования, Василий Митрофанович Благодсловский через статью в газете физико-технического института "Науку – на линию огня!" объявил миру об окончании эпохи христианского мессианства. Даже процитировал Энгельса: "В истории первоначального христианства имеются достойные внимания точки соприкосновения с современным рабочим движением. Как и последнее, христианство возникло как движение угнетённых: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенников, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов". Но, увы...

Что мама? Мария Иоанновна, урождённая фон Сидов, была лютеранкой, и её всегда смущала "византийская пышность посреди соломенных крыш". Так что она и ранее разделяла мужние идеи о ликвидации анахронизма монастырей, об упразднении всевластия невидимого простым прихожанам Синода, о переводе служб на местные языки, и некоторые подобные. Хотя, когда в августе тридцать второго владыка умер от паралича сердца, она оплакивала его искренне. И как свидетеля своей молодости, радости и красоты.

А Дмитрий, с четырнадцати лет уже никого не спрашиваясь, к пяти утра ходил на ранние службы, проводимые для своих то в Преображенском соборе, то в Благовещенском, то в Никольском храме на Монастырской-Семашко. Потом, когда почти не осталось священников, собирались вокруг псаломщика Николая Богданова, служили мирянским чином "изобразительны". Последним держался настоятель кладбищенской Вознесенской церкви на улице Иркутской протоиерей Илья Коровин. Коренной томич, закончивший местную семинарию, с псаломщика до протоиерея никогда не покидавший город отец Илья в последний раз был арестован весной и расстрелян осенью тридцать седьмого по обвинению в участии в "Союзе спасения России".

* * *

Дождь окончательно выложился, и сразу всё затянуло туманом. Так что дорогу пересекли без проблем. А дальше начинался бескрайний лес, плотно покрывающий мелкие горки и щели вперёд на запад от Нижнебаканской до Верхнебаканской и справа на юг до Маркотхского хребта. Лес, в котором просто обязаны быть партизаны. Местные коммунисты, не пробившиеся окруженцы или сбежавшие из плена, но быть должны. Однако у штабных данных не имелось.

Везение продолжалось. На границе поля и леса они буквально ткнулись в пасущуюся лошадь. Чёрно блестящая от дождя, пузатая, тонкошеяя кобылица испуганно всхрапнула и лёгким намётом ушла в туман. Да никак стреноженная! Сёма нужен был только кивок Командира.

– Дьяк, Лютый, нагоните на меня. Слева загребайте.

Большим обходом им удалось обогнуть невидимую кобылку и, похлопывая по бёдрам и почмокивая, погнать вдоль лесной кромки назад. Жалобное ржание, топот – лошадь забила, придушенная Сёминым арканом.

– Тпру! Тпру, милая. Не балуй.

Лошадь, страшно закатывая глаза и скаля зубы, хрипела, мотала головой и крутилась, наматывая на себя и верёвку, и самого Сёму.

– Не балуй. Тпру. Милая. Ну, милая?

Минут через пять Сёма всё же уговорил, остановил истерику и, перехватив армейскую уздечку, приотпустил петлю.

– Вот и хорошо. Хорошо.

– Она немецкая. Пичуга, как будет "тпру"? И "но"?

– "Тпру" – "хей", "но" не знаю. "Кобыла" на немецком "штуте".

– Так и назовём: Штука.

– Штуте!

– Штука, Штука. – Сёма погладил кобылку по переносице, она ответно покивала, доверяясь новому другу. – Штука.

– А что, Сёма, твоя сивка-бурка какой грузоподъёмности? – Живчик просто ужом вертелся возле чужого прибитка. – Вон, рацию бы на неё навесить, да и ещё чем есть. Жаль, раньше бы такую захомутать. Я бы пулемёт прихватил.

Лес в тумане – то ещё удовольствие. Пройдя, точнее проковыляв, спотыкаясь о погнивший валяжник и выпирающие из каменистой почвы корневища, пару километров, сделали привал. Выкопав двойную ямку под скрытный костёр, долго поджигали, раздували стружку, шишки, лом сухостоя.

По трое посменно грелись, сушились. Мелкими глоточками пили кипяток.

– Осенью, поди, тут на каждом дереве фрукт.

– И фрукт, и овощ. Но осенью.

– А сейчас?

– Сейчас весна. Нюхай цветочки.

– А также олени, косули, кабаны? Фазанов-то и зайцев мы видели, – Пичуга разбинтовал ногу. Опухоль покраснела.

– Ты задирай её. Ляжешь, упрись пяткой в дерево, – Старшой, продавив сустав большими пальцами, наблюдал, как быстро восстанавливаются вмятины. Переглянулся с Командиром. – И не робей, до свадьбы заживёт.

– Охотиться времени нет. Так бы, конечно, хорошо кабанчика или косулю добыть. – Командир положил ладонь на плечо Дьяка. – Сменишь Шигирёва. Через час Тарас Степанович заступит.

Однобоко обогревшись, наскоро прокалив штаны и портянки, кучно валились спать на нарубленный под расстеленные плащ-палатки пружинистый еловый лапник. Укрывались тоже товарищески – один плащ на двоих. В этом преимущество четырёхугольных советских солдатских накидок перед немецкими треугольными "цельтбанами". Сменяя Копотя, Дьяк неспешно взобрался на старый-престарый вяз. Поудобнее расставив ноги на толстенной, даже не согнувшейся под ним ветви, правым боком привалился на ствол. Огляделся.

Облачность на востоке отжалась, выпустив почти уже полноликую луну. И освещённый туман цедился под блестящими росой кронами живыми струями, стекал в темноту ущелья. На западе всё ещё мутно дождило, на севере багровое пятнышко отмечало далёкий пожар, а на юге – может, это только воображение? – проявились горы, настоящие кавказские горы.

Не в осуждение, просто вспомнилось: "Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща: недостоин же паки, егоже обрящет унывающа. Блюди убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и Царствия вне затворишися, но восприяи зовущи: Свят, Свят, Свят еси Боже, Богородицею помилуй нас".

Блюди убо, душе моя... Какая же ширь и полнота Божьего мира. Почему человек не видит этого? Вот уже тысячелетия смотрит на эту луну, эти звёзды, облака – и не видит. Ничего не видит, кроме праха земных вещей.

Ладно, не отвлекаемся. Что у нас внизу?

Костерок на дне ямки быстро догорал, подмерзающие ребята сонно жалась друг к дружке. Подвязанная длинной верёвкой Штука что-то громко выщипывала под туманным течением. Собственно подойти к ним могли либо с дороги, либо с горки. А с ущелья? Да там всё сплошь завалено буреломом, похлеще казачьей засеки, днём-то не пролезть. И с дороги вначале наткнутся на лошадь, она загоя учует. Тогда горка? Опять же, лес, как пить дать, с партизанами, ночью по нему никто не шарашится. Всё равно, внимание туда. Осторожно поменяв ноги, теперь налёг на ствол левым плечом. Там, за горами, Чёрное море. Подумать только – Чёрное море! Читал, слушал, смотрел фильмы – "Дети капитана Гранта", "Сокровище погибшего корабля", а вот какое оно, настоящее море?

Ярёма утверждал, что вроде бы одно и то же море на самом деле везде разное. Разный цвет, разный запах. Солёность. Любил вспоминать, как в тридцать девятом он с женой и дочками "ходил" на теплоходе из Ялты в Анапу. А там море мелкое-мелкое, песочек горячий-прегорячий, купи мороженого – и для детишек полный праздник. А для отца на каждом углу "анапа крепкая" на розлив. "А для жены"? – "А для жены счастье детей и мужа – уже праздник. Только-то купить ей новый сине-полосатый купальник – как у всех в Анапе, а не как её красно-полосатый ялтинский, белую шляпку и шлёпки для пляжа – как у всех в Анапе, ещё соломенную шляпку для прогулок по базару, ну, как у всех в Анапе зонтик для прогулок к водолечебнице Будзинского, ещё местные туфли для танцев, к туфлям платьюшко, лучше два, к платьюшкам сумочку, на вечер плед-накидку, на полдень прозрачную кофточку, к ней духи и не забыть про цветы. Всё! Жена точно так же счастлива, как и муж, и дети".

Ярёма, Ярёма, дорогой ты наш Мирон Никифорович, как ты чернел, наливался кровью, когда в разведрезерв являлся почталён. И опущенные в работу глаза предательски блестели, пока ты старательно что-то подтачивал, подшивал, подгонял по росту. Каждый ремешочек, каждый подсумок доведён до предела удобства, что уж там обувь или вещмешок! Пистолет при передёргивании затвора не то что не клацал, даже не чакал.

А мы ведь, дундуки, потом ещё два-три дня бесцеремонно счастливо делились семейными новостями. Кырдык хотя бы знал, что его жена и сын дома, не под фашистами. Как ты рвался в дело, как ловил сводки: Сталинград отбили, Краснодар освободили – так вперёд, вперёд, вот мы близко, всё ближе к Крыму!.. к Ялте... Ярёма, Ярёма, прости ты наше самотничество. Наш благополучный эгоизм. Упокой, Господи, душу раба Твоего Мирона, прости ему прегрешения вольные и невольные. И нас, Господи, прости и помилуй.

Штука перестала щипать траву, вскинув голову, острыми ушами заловила что-то, её встревожившее. Дьяк довернулся, сменив затёкшие ноги, переложил автомат поудобнее. И кобылка внизу тоже нервно перестукнула передними копытами, потянув воздух, чуть слышно всхрапнула. И Сёма услышал! Через секунду он уже присел рядом на одно колено, приложив приклад винтовки к плечу.

Во как они быстро сошлись. Где-то далеко за ущельем одиноко залаял-завыл шакал. Очень далеко. И Штука, покрутив ушами, успокоилась. Сёма нежно потрепал, погладил её по шее: увы, угостить нечем.

А внизу побряхтывал Старшой: смена, пора спускаться.

– Не люблю волчий вой.

– Это не волк, шакал.

– Всё одно не люблю. Подсади! – Кряхтя ещё жалостливее, Старшой забрался на ясень. – И как петух на насесте торчать тоже не люблю.

– На горку поглядывай. Не любя.

– Иди, спи ужю.

21 апреля 1943 года. Среда

От Советского ИНФОРМБЮРО:

В течение 21 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Кубани части Н-ского соединения отражали ожесточённые атаки значительных сил противника. Гитлеровцы непрерывно штурмовали советские позиции, стремясь любой ценой добиться успеха. В наиболее напряжённый момент боя советские самолёты произвели мощный удар по боевым порядкам наступающих частей противника и нанесли в его рядах опустошительные потери. В результате упорного боя все атаки немцев были отбиты.

* * *

Солнце сегодня чего-то не спешило. Они спустились, пересекли завитое, наглухо заплетённое лианами, страшно и красиво обвешенное мхами ущелье с крохотным ручейком, переполненным орущими лягушками. Вскрабкались по мокрому склону на горку. И только тогда солнце легло на спины и плечи розовым негреющим лучением. Парило всё – листва, трава, камни, одежда. Такая лёгкая-лёгкая дымка над всем, пережившим ночной дождь.

До рассвета всё было, как положено: Лютый и Копоть впереди, Живчик замыкающий. Но с восходом солнца между ними встряла проблема: Сёма никак не мог втащить наверх Штуку. Лошадь изо всех сил старалась, короткими галсами, точнее – зигзагами, не хуже иной козы преодолела две трети пути, но дальше – всё. Осыпь, по которой и человеку лучше не ходить, если он не разведчик. Сёма снял с неё поклажу, да он, похоже, готов был потащить Штуку на себе.

– Командир. Покажи куда, я вас догоню.

– Ты о чём?

– Командир.

– Калужный, ты о чём?!

Сёма присел, накрыв голову капюшоном. Он всегда так выражал отчаянье.

– Сёма, давай ты теперь впереди пойдёшь. – Старшой жестом остановил Командира. – Преодолешь низинку. На том перевальчике подождёшь. Ориентир – бук.

Через два часа группа поднялась на перевал. Маленький, съёжившийся Сёма сидел под гигантским буком, сидел, не снимая капюшона, чтобы не увидеть принесённые мешки с почерневшими, прокапывающими конской кровью швами.

– Лютиков, а ты чего жмёшься?

– Да, товарищ Командир, заморочка вылезла.

Когда снайперская пуля попала в рукоять автомата и практически оторвала приклад, Лютый взял Ярёмин. И только вечером выяснил, что ПППШ Ярёмы был не вятский, как у всех во взводе, а алмаатинский. То есть, их магазины – ни диски, ни рожки к нему не подходили. Дома можно подточить, переделка, в принципе, не особо сложная. Но то дома. А здесь реально рабочим оставался только один диск. Остальные магазины можно выкинуть.

– Да уж, заморочка. Раздай магазины. Поменяйся на гранаты.

Неберджаевская – станица знатная. И дорога к ней не сонная: за два часа наблюдения – три конных обоза по десять-пятнадцать телег, колонна из четырёх грузовиков с жандармами в сопровождении двух мотоциклеток. Четыре раза туда-сюда прорысил конный патруль. Всё румыны. С высоких обзорных холмов въезд контролировали два ДОТа, посредине – укреплённый КПШ с колючкой от леса до реки, глубже – две полные линии траншей. Понятно, что перед этим – минные поля.

– Смотрите, товарищ старший лейтенант!

Пичуга притащил сорванный со столба фанерный щит с натрафареченным:

"ВНИМАНИЕ – ПАРТИЗАНЫ! Строго воспрещается для мирного населения, а также военным, появляться в запретном районе. Всякий, кто появится в запретном районе или зоне, будет расстрелян".

– Молодец! Умница. Шигирёва и Гаркушу ко мне.

– Мы здесь, Командир! – Копоть и Живчик – как черти из-под земли.

– Значит, партизаны точно есть, и мы смело работаем под них. Берём языка. Немца. Румын для нашего Пичугина что мёртвый.

– Копоть, ты же на ихнем базарил? Ну, с тем боровом тогда! – подсуетился Живчик.

– Звякало держи. Я на молдавском. И то пять слов из шести матерных.

– Короче, нужен только немец. Мы здесь наблюдаем до девятнадцати ноль-ноль. После отойдём за холм. Похоже, дождь ещё вернётся, а вот здесь, по карте, полевой стан должен быть. Думаю, сейчас пустошь, но какие-никакие стены. Сверяем часы: девять-тридцать семь.

В каждом посёлке всегда есть заовражная-заполюйная-заречная-залужская улицы или как они тут, на Кубани, называются. Улицы, отделённые оврагами-речками, а главное, желанием жить не под наблюдением местной власти. Просто босота, охотники-рыбаки, отсидевшие за дело и по ошибке. Имелась такая улица и здесь.

Самые крайние хаты – босота. Давно не белены, в рыжих пятнах навозных подмазок, плоские крыши вообще чёрные от старости, с выпирающими из-под слежавшегося камыша рёбрами стропил. Даже плетни разжиженные, хорошо, что подпираются сухим репейником. А вот четвёртый домик очень даже ухожен. За высоким забором сад, позади коровник, две мазанки-сарайки. И собака лает солидно хриплым басом. За час по двору несколько раз промелькнула гладкая моложавая бабёнка. Мужик-то где? И детей, судя по развешенному белью, нету.

Под взглядом Копоти серая кавказская овчарка рычала, но пятилась. Потом трусливо тьякнула и, поджимая зад, угремела цепью за сарай. Откуда только нервно подскуливала. Копоть, прихватив приставленные к стене вилы, пошёл за ней.

Живчик бесшумно распахнул дверь:

– Здравия желаем, хозяйюшка!

– И вам не хворать.

Как быстро люди успевают рассмотреть и оценить друг друга? Живчик в черноте большущих, длинноресничных глаз как перед доктором разделся. Типа, так всеми наколками и оголился. У-у, волчица!

Среднего роста, но в полной южной пышной красе, где надо подчеркнутой приталенной казачьей кофточкой – мелкоцветастой, на медных пуговках, с кружевцом по белой шее, тридцатилетняя красавица-хозяйка улыбалась холодно, но бесстрашно. Вроде как ожидала гостей. И ничего, что они увешаны оружием сверху донизу.

– Проходите, товаришы партызаны. Воды податы?

Горница, отделённая от кухни расписанной красными и синими квитками печью, просто сияла сытой чистотой. Обязанная белыми кружевами белая бязь на окнах, на божнице, на полочках с фарфоровой посудой. В углу – раскрытый, с поднятым никелированным хоботком звукоснимателя над немецкой пластинкой, патефон. В задней комнате – большой, с резьбушками, платяной шкаф, городской столик с зеркалом и соблазнительная кровать с атласным покрывалом над толстенной периной. С горкой из четырёх уменьшающихся подушек.

Живчик поплыл.

– Воды? Да ты, гагара, берега попутала?

Чего это Копоть? Разве здесь так надо?

– А чаго панове бажають? – Хоть бы ресница дрогнула. – Самогон будуть?

– Всё будем, всё! И воду тоже. – Живчик попытался, как ему почудилось, исправить неправильность Копоти. Ну не нужно тут басить! И так всё исполнится.

Но Копоть пёр за предел.

– Хороший дом. Жаль сгорит. Гадаю пока: с хозяйкой или так?

– Чего гадать? – Наконец-то хозяйка и его разглядела. С его наколками. Голос заиграл, сбиваясь заискиванием. – Всё, панове, що забажаєте. Я, ведомо, жинка беззахисна, сперечатися не могу.

– И не надо тебе спорить. – Копоть взял табурет, обошёл стол, сел лицом к двери. Давай честно, подстилка, без пурги. Фриц нам нужен. Или Ганс. Елдарь твой, что патефон и пудру подарил. Или это румынчик тебя пудрит?

– Немец! Пауль. Вин у штаби бухгалтером служыть.

– Когда явится?

– На обид.

– Тогда накрывай на троих.

Пауль лежал на животе, раскинув ноги. Руки за спиной до локтей скручены телефонным шнуром. Кровь из рассечённой брови заливала лицо, расплывалась по свежекрашенному охрой полу. Здоровенный бухгалтер, такому бы гаубицу толкать, а он при штабе притёрся.

– Панове. Панове... – Хозяйка про приговор себе поняла, едва на пороге возник Живчик. И, главное, поняла, что он не из партизан. Так что ему пофиг: сдавала ли она каждый месяц в лес по ведру самогона, полпуда муки, фунт соли и сахара по требам? И что командир партизанской разведки тут порой до утра задерживался. Обещая ей захыст от большевиков, коли повернутся. Поняла, но подумала, что легко обведёт этого, с порога пустившего слюну, шибзика. Отчаянье подступило в перегляде с Копотью. Такого не купить. Но держалась, до последнего держалась – а вдруг? Вдруг Пауль почует. Заподозрит: почему и она не встречает, и собака молчит? Нет, дуралей саксонский бросил велосипед на дворе и с шоколадкой бегом до хаты. Может, всё же этот мелкий ещё подмякнет?

– Пανε мий. Пανε мий...

Но Живчик уже выгреб, вывалил ящички столика и, выбрасывая одежду из шкафа, деловито совал в потайной кармашек найденные деньги, серьги, бусы.

Копоть, приклонив к себе бутыль, понюхал самогон, сплюнул, и начал расплёскивать из горлышка на шторы, скамьи и табуреты, остатки слил на порог.

– Панове! Пανε мий...

Живчик отпнул зацепившуюся за сапог юбку, посмотрел на кровать, одним махом перевернул перину. Собрал разложенные по тоненьким, завёрнутым в советские и немецкие газеты, пачечкам купюры. Обернулся на хозяйку:

– Как погоняют?

– Що?

– Имя как?

– Наталия.

Копоть первым рывком поставил Пауля на колени, вторым поднял в рост. Толкнул несопротивлявшегося немца к двери:

– Заканчивай тут. Без мазни. И догоняй.

– Name? Nachname? Geburtsjahr?

– Paul Ewald. Neunzehnhundertzwanzigsten.

– Двадцать три года. Где родился? Wowurdeergeboren?

– Zwickau, Sachsen. Mein Vater ist Direktor des Gymnasiums. Es ist ein katholisches Gymnasium. Wir sind gläubige Familien!

– С какогo года в армии? Seit welchem Jahr in der Armee?

– Звание? Капрал?

– Oberstabsgefreiter.

Допрашивали в лесу, буквально в паре километров от станицы. Старшой, Сёма, Лютый, заняли оборону на все стороны. Пропавшего могли – и должны были! – уже искать. Но тащить его дальше тоже не было смысла.

Немец, прижимая большие, с красивыми, как у музыканта, пальцами, ладони к груди, говорил, говорил ломающимся от едва удерживаемых рыданий жалостливым голосом. Он очень хотел быть полезным. Он очень хотел остаться в плену. Ведь война так ужасна. Пичуга иногда что-то переспрашивал, уточнял, но, в общем, переводил практически синхронно. А Командир отжимал действительно важное:

"В станице располагаются части 3-ей горно-стрелковой румынской дивизии генерала Дрогалину, выведенные из посёлка Эриванский и аула Карасу-Базар. Это 22-й батальон полковника Василеску, 3-й запасной батальон подполковника Крайнику, 3-й артдивизион полковника Менереску. В основном, это призыв 1939- 1942 годов. Солдаты прошли краткосрочную подготовку, большинство офицеров – из запаса. Номер полевой почты дивизии 62. Так же, позавчера прибыл полк, точнее то, что от него осталось – не более батальона 9-й кавалерийской дивизии. Из-за низкого морального духа союзников с участвовавшими случаями массовой сдачи в плен штаб румын контролируют солдаты Вермахта – 2-я рота обер-лейтенанта Отто Штумфа из 97-го резервного батальона 97-й Лёгкой пехотной дивизии генерал-лейтенанта Эрнста Руппа. Да, 6-й полевой армии. Связь тоже осуществляет Вермахт, оперативное подразделение штабс-фельдфебеля Марка Шаумана. Противотанковые орудия – ..., зенитные орудия – ..., миномёты – ..., самоходные орудия ..., бронетранспортёры..., пулемёты..., огнемёты...".

– Что, Командир, и теперь награждение завернут? – Копоть и Живчик – герои из героев. – Обидно, уже год на испытании, сколько ещё?

– Думаю, теперь не откажут.

– Эх, а когда возвращаемся? – Живчик давил на немца из-за спины Пичуги, нарочито старательно правя на ремне свой нож. – Этот Пауль, поди, проглот: такая рама, метра два. А давай мы его за место лошади загрузим. Слышь, немцы траву едят? Или овёс им подавай? Не, чего вы? Выходить-то двое суток.

Копоть и Старшой сошлись взглядами на Командире.

– Нет. Этого мы не берём. Благословский, готовься. Через полчаса сеанс. Передаём. И уходим. Уходим к железной дороге. К Нижнебаканской.

Горки хоть не "настоящие", метров триста-пятьсот над морем, но сигнал ломают – штыревая антенна могла и не дослать до Абинской, нужно растягивать "диполь". Выбрав полянку, Дьяк подцепил канатик на двухметровой высоте меж двух молоденьких клёнов, искал и зафиксировал наклон, расчехлил, осмотрел станцию, подсоединил питание. Головные телефоны, телеграфный ключ – всё готово.

Да чего они так долго с допросом? Ну, что ещё можно выдавить из этого плаксивого завоевателя? Всё уже выложил, даже со сплетнями: "из-за низкого морального духа союзников"! Ага, сами юберменши, конечно, юберморальны. Хотя, чего Дьяк к словам придирается? Человек хочет жить. Хочет выжить. Он же не знает, что уже бесполезно молить, выпрашивать, что всё уже решено. И не этими, пленившими и допрашивающими его людьми. Эти-то ничего не решают. А кто? Или что?.. Обстоятельства? Стечение обстоятельств...

Вот человек обречён на смерть. И, казалось бы, случайностями: случайно именно он попал в плен, а именно этот плен случайно оказался технически невозможен. То есть, этот человек мог бы жить, пусть в лагере, пусть на каторге, но жить, если бы его жизнь не оказалась помехой для выполнения конкретно этого задания. Что – он жертва случайности? Жертва случайностям?

Вечный вопрос об адресности жертвы. Мученики приносились палачами в жертву идолам, демонам, а возносились ко Христу. Их жертвенность принимал Христос. А что доставалось демонам? Палачи. Да! Да! Жертву приносит не жрец, а сама жертва. Агнец, как бы Закланный: примите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое – Твоя от Твоих Тебе приносяще. Твое, Господи, только то, что Тебе. Твой, Господи, только тот, что сам решил, что он Тебе. Остальное, что не Тебе, то демонам: "любяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своя в мире сем в живот вечный сохрани ю". Самопожертвование – в этом вся свобода! Вся. Это же совершенная свобода – самопожертвование. А где ты не сам, где ты – только чья-то жертва, только чему-то...

Ну вот, идут Командир и Пичуга. Значит, немца уже нет. И не случайно, не от случайности! – он был обречён самим собой, уже обречён, когда пошёл на войну, на желанную им войну. Он был обречён своими родителями, своими учителями, своими вождями, так жаждавшими этой войны. Это всё равно: умри он сейчас или доживи до девяноста лет, в тех или иных обстоятельствах или случайностях, он неизбежно обречён – родителями, учителями, вождями, а, главное, самим собой обречён в жертву этой войне.

Головной дозор – Сёма и Лютый, основная группа – Командир, Старшой, Дьяк и Пичуга, тыльный дозор Копоть и Живчик. Медленно продираясь сквозь заросли и переплетения в щелях меж горок, медленно карабкаясь на горки, то чуть быстрее сбегая, то ещё медленнее сползая с горок в заросли и сплетения следующего ущелья – к железной дороге добрались через четыре часа. А по карте карандашиком – это всего-то восемь километров. Перебежали насыпь с узкой, шириной в метр, колеёй. Углубились ещё на два часа до какого-то мелового или известкового карьера, который пришлось обойти – ещё час. Утешало то, что здесь, за железкой, крутых горок и щелей не было – так, лесные холмы. Выбрали старый, с пышной кроной, росший в низинке бук. Подкопали в корнях две ямки с туннельной-соединением. В одной развели невидимый ни с какой стороны костёр, другая служила поддувалом и сушилкой дров. Дым поднимался вдоль ствола и рассеивался листвой. И так как бук рос в низинке, то его вершина не поднималась над другими – костёр можно было только учуять.

После пропажи капрала и фиксации выхода в радиоэфир, всю партизанскую "запретную зону" сейчас должны прочёсывать с собаками вдоль и поперёк. И если партизаны где-то огрызнутся или даже просто наследят, разведчики сутки могут не паниковать. Хотя побаиваться нужно всегда.

– Пичугин, у тебя всё нормально?

– Нормально, товарищ старший лейтенант.

Командир ткнул пальцем в Пичугину кобуру, осторожно принял вынутый пистолет. Скинул обойму, передёрнул затвор.

– Молодец, хорошо ухаживаешь. Почти без лязга.

– Тарас Степанович научил. Как и где подточить. И курок теперь лёгкий.

– С автоматом раньше воевал?

– Никак нет. На курсах "мосинку" изучали. А в штабе переводчикам только "тэтэ" полагалось. Обещали трофейный МР-40 подарить, но не успели. – Понятно же, Пичуге сейчас хотелось говорить не об оружии. Очень хотелось. – Товарищ... Александр Кузьмич, можно вопрос?

– Конечно, Пичугин, задавай.

– Вот вы командир. На вас все решения. Тем более, в разведке, здесь с вас за всё-всё спрашивают. Но ведь возможны ошибки? Обычные человеческие ошибки. В логике. В реакции. Как потом?

– Ты же, Клим, комсомолец. С какого года?

– С сорокового.

– Видишь, до войны. Значит, не под эмоциями, а разумно. Тогда и дальше давай разумно: есть главное, есть второстепенное. Есть вечное, есть временное. А ещё есть общее и есть личное. Разве можно это как-то спутать? Если разумом руководствоваться. Логикой, чему нас учит партия, учит товарищ Сталин. У Сталина просто примерная логика. Я учусь у него: в каждом, совершенно каждом рассуждении с непоколебимой последовательностью одно положение вытекает из другого, одно обосновывает другое, ничего разбросанного в мыслях и действиях. Общее – всегда над личным: если всё будешь так оценивать, как ты ошибёшься? Да, проверяй себя, перепроверяй, но думай. Всегда думай. Или вон, ступай к Благословскому, ему нравится эмоциями всё мерять. И спиритической соевостью.

Вставив обойму, вернул пистолет.

– Если ты про этого капрала сомневаешься, то поверь, мне пленных тоже убивать... неприятно.

Кони́на не сви́нина, её вари не вари – а зубами поработать придётся. И всё равно, настроение поднималось с каждым срезанным в размер рта кусочком. Даже что-то вроде юмора замерещилось. Но сон в покрывающем от чужих взоров утреннем тумане, в предвкушении скорого солнечного тепла, сытый сон в пяток минут утихомирил самых шепотных. Только Старшой, вернувшийся с полным котелком от дозорного Сёмы, ещё немного поёрзал, заваливая щебнем костровые ямы и накрывая их срезанным дёрном. Только потом затих со всеми.

Через три часа подъём. Десять минут на сборы. И так, задача: наблюдение за движением по железной дороге и поиск вокруг станции пунктов наблюдения за гарнизоном противника. Никаких контактов. Учень: Нижнебаканская – станция не маяла: много выселок, хуторков, пасек, выпасов, то есть, повышенная активность местного населения.

Пункт встречи в двадцать два ноль-ноль – каштаново-сумаховая рощица под выездом из карьера. Отсюда разошлись: определение мест оборонительных рубежей и укреплений противника в Нижнебаканской за Командиром, Сёмой и Старшим – на станции, Копоть и Живчик по возможности обходят периметр станции. Пичуга, Лютый и Дьяк наблюдают движение по железной дороге.

Пройдя по кромке леса метрах в пятидесяти выше насыпи, нашли хорошую прогалину в густых зарослях лещины, через которую открывался широкий сектор обзора узкоколейки с подъёмом и поворотом. Здесь составы движутся предельно медленно. Лютый и Пичуга расчистили от камней и мусора лёжку, стянули-связали накрывающие ветви. На возможных подходах из леса разбросали сухой валежник. Отступление – ползком под жутко колючую кислянку, она же – терновник и барбарис, с прорубленным под сплошной шипастой плетёнкой длинным лазом в глубь леса. Над выходом из-под разросшихся радиусом в полсотню метров непроглядных колючек, на старом, давно расколоте молнией карагаче, из натасканных веток Дьяк соорудил гнездо.

Так и работали: Лютый и Пичуга следили за узкоколейкой, Дьяк следил за ними. Точнее, за тем, чтобы за ними никто не следил. Периодически менялись – Лютый на дерево, Дьяк в кусты.

Каждые сорок минут в горы к Верхнебаканской поднимался состав из двадцати-тридцати грузовых вагончиков, буксируемый французским паровозиком "Decauville". За пять минут до поезда по рельсам прокатывалась мотовагонетка со сдвоенным зенитным пулемётом МГ-34 на станке и с тремя жандармами-румынами. После поднявшегося состава через двадцать семь минут следовал встречный спускающийся. Без предварительной разведки и, судя по грохоту болтающихся вагончиков, – пустой. В самостоятельном, несвязанном с поездами временном тридцатиминутном режиме, туда-сюда вдоль насыпи проходили румынские патрули, некоторые с собаками – овчарками, ризеншнауцерами, эрдельтерьерами. При пересечении останавливались, обязательно закуривали, громко переговаривались, по-южному жестикулируя. Пару раз что-то распивали.

На втором и третьем поднимающихся составах – по восемь зачехлённых длинноствольных орудий, лафеты отдельно. На удлинённом четвёртом – порядка батальона румынских горных стрелков, лёгкие 50-миллиметровые миномёты с боезапасом, две горные пушки. Похоже, 105-миллиметровые LG 40.

(Продолжение следует)

ВАЛЕРИЙ РУМЯНЦЕВ

Сочи

Зорькин Борис Иванович (литературный псевдоним Валерий Румянцев) родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. После окончания Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности. Полковник в отставке.

Поэзия и проза Валерия Румянцева печатались в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 84 литературных журналах (всего более 1 тыс. публикаций). Валерий Румянцев автор 14 книг поэзии и прозы, лауреат всероссийской литературной премии "Левша" имени Н.С. Лескова.

ДОРОГА НА ФРОНТ

Рассказ

До прибытия на фронт все сначала проходят ведущую туда дорогу. И эта дорога осталась в моей памяти на всю жизнь – такое не забывается. Было это в декабре сорок второго. Эшелон, в котором ехал наш полк, немецкая авиация разбомбила, а до линии фронта было ещё километров сто. И нам предстояло пройти пешком за ночь километров пятьдесят, чтобы к утру занять позиции и встретить огнём рвущиеся к Сталинграду на помощь окружённому Паулюсу немецкие танки. Полк выстроился в колонну и неслаженно зашагал вперёд. Уже начало темнеть, мороз давал о себе знать, но, к счастью, ветра не было. Шли мы часа четыре – чувствую, что начал уставать. Прошли ещё немного. Луна светит, вокруг снег – будто и нет никакой войны. Вдруг вижу: на обочине солдат лежит.

– Что с ним? – спрашиваю у старшины.

– Этот готов, – отвечает. – Выбился из сил, сел и замёрз.

"Не может быть", – думаю. Подхожу к нему, смотрю и впрямь мёртвый.

Шагаем дальше. Ноги стали свинцовыми, сил нет, а мороз ну прямо звереет. Вижу, один из нашего взвода отошёл на обочину и сел, чтобы уже никогда не встать. Хотел я кинуться к нему, но понимаю, если выйду из строя, вернуться назад сил уже не хватит. Наступило такое состояние, что происходящее вокруг воспринимаешь как в полубреду. Вот когда выпить бы сто грамм!

Идём дальше, замёрзших на краю дороги становится всё больше и больше. И никто не предпринимал никаких мер, чтобы спасти этих людей. Все выполняли приказ: к рассвету прибыть на позиции и остановить немецкие танки во что бы то ни стало.

Прошли ещё два часа, двигались всё медленнее. Чувствую, что идти больше не могу. Вот она, последняя точка, когда человек уже не способен соображать, когда страдания настолько велики, что ради избавления от них человек готов на смерть. Попробовал я выйти из строя, а ребята мне: "Подожди, Куликов, мы тебя поддержим..." Как же, думаю, они поддержат, если сами еле на ногах стоят? Вышел я на обочину и сел на снег. Сразу почувствовал, что замерзаю. "Всё, конец!" – мелькнуло в сознании. Хотелось только одного – побыстрее умереть.

Лёг на спину. Полк ушёл вперёд. Вокруг – никого. Ночь. Мороз. Тишина. Смотрю на звёзды. Почему-то с детства я любил подолгу разглядывать их и даже мечтал стать астрономом. Смотрю на

Большую Медведицу, вспомнил малую родину, мать, отца. И вдруг чую, доносится до меня запах кухни. И так мне сразу захотелось пожрать, что это пересилило желание умереть. Появилась не жажда жизни, а жажда утолить именно голод. А при себе-то никакой еды нет: ещё вечером каждый из нас свой паёк доел. Попробовал сесть – получилось. Стал вставать, опираясь на автомат, встал – не падаю. И поплёлся я, шатаюсь, на дух съестного, мечтая об одном: как бы утолить голод. Шёл и шёл – и неизвестно откуда брались силы. Прошёл, наверно, с полчаса; запах кухни всё сильнее. И вот вижу – полевая кухня, а рядом человек в шинели суетится. И тут мне подумалось: "А вдруг это немцы? Фронт-то совсем рядом".

Снял с плеча автомат, вогнал патрон в патронник и подкрадываюсь ближе. Если, думаю, это немец, пристрелю его и всё равно поем. Держу автомат наготове и приближаюсь. Кашевар наконец увидел меня и направленный на него ствол да как заорёт:

– ... твою мать! Какого ... народ пугаешь?

"Ну, – думаю, – слава Богу, свои".

– Браток, – говорю, – умираю.

– Что такое? Ранен?

– Нет, выбился из сил. Дай чего-нибудь поесть.

– Не могу. Потерпи полчаса. Вот доварю, потом каши дам.

– Не могу ждать: за дезертира посчитают.

– Ну что я тебе сейчас дам?

Вдруг вижу, лежат недалеко на снегу пустые банки, из которых он только что выложил в котёл тушёнку. Взял я у него котелок кипятку и давай ополаскивать эти банки. Потом из них всё назад слил. Получился мясной тёплый бульон. Выпил я половину котелка, чувствую – силы появились. Эх, если бы ты знал, какой изумительный вкус был у того бульона! Я до сих пор помню этот вкус.

Поблагодарил я кашевара и двинулся догонять своих. Пройду немного, остановлюсь и аккуратно, чтобы не разлить ни капли, отхлёбываю по глотку этот бульон. Допил я его, и тут отчётливо мне в голову ударила мысль: "Если не догоню своих до позиций, отлучку расценят как дезертирство". А за дезертирство на фронте был разговор короткий – расстрел на месте. Особисты тогда не дремали. А впрочем, в той обстановке иначе и нельзя было. Вышел я на дорогу и ускорил шаг. Вижу, замёрзшие солдаты по обочинам дороги всё чаще стали попадаться.

Часа через три догнал своих и примкнул к строю. Никто на меня и внимания не обратил. Ребята были на пределе; шли молча, и каждый шаг для них был каторжно трудным.

Стало рассветать. Слышу, рядом со мной один боец другому говорит:

– Вот и Куликов, наверняка, уже замёрз.

Тот промолчал – видать, силы берёт. А я сам себе думаю: "Как бы не доложили о моём отсутствии особисту...". И неестественно громко кричу:

– Нет, я здесь!

А часа через три мы уже палили по немецким танкам из своих "сорокапятков". Немцев мы, правда, так и не остановили, но потрепали их основательно.

Из нашей батареи после этого боя в живых осталось лишь двое...

Эту историю рассказал мне старик, с которым я познакомился случайно. Где и при каких обстоятельствах мы встретились, не имеет никакого значения. Кто был конкретно этот человек – тоже неважно. Важно лишь, что имя ему – Русский Солдат.

ВИКТОР РЕШЕТНЁВ

Брянск

Виктор Сергеевич Решетнёв родился в городе Почепе в 1959 году. В 1981 году окончил Брянский институт транспортного машиностроения и уехал по распределению работать на Крайний Север. Вернувшись на "Большую землю", долгое время работал в предпринимательской сфере. Одновременно с этим занимался спортом, к своему пятидесятилетию аттестовался на чёрный пояс по каратэ Вадорю и получил первый Дан.

Член Союза писателей России. Автор книг "Ирреальный Мир" (1984), "Созидая Бога" (2017), книги для детей и взрослых "КотоПёс и кукла Даша" (2019). В декабре 2021 года избран председателем Брянской областной организации Союза писателей России.

РАССКАЗЫ**Пётр Павлович**

Его все зовут уважительно Пётр Павлович и относятся к нему с почтением, я бы даже сказал, с пиететом каким-то. И немудрено: человек этот заслуживает уважения не только в силу своего возраста и внешнего вида – ему семьдесят девять, а выглядит он молодцом, но и благодаря своей внутренней силе. Стоишь рядом с ним и чувствуешь: кремень мужик, скала – так и пышет от него уверенностью.

Познакомился я с ним на тренировке. Было это лет десять тому назад. Я тогда получил коричневый пояс, и сэнсэй стал доверять мне проводить тренировки самостоятельно, без его присутствия. Сначала по субботам, а потом и в другие дни.

В один из таких дней мы занимались в верхнем зале школы Олимпийского Резерва. Была суббота, и тренировку проводил я. С самого начала моих самостоятельных занятий в качестве тренера я обратил внимание на видного мужчину среднего роста и средних же лет, приводившего тренироваться то ли дочку, то ли внучку лет тринадцати-четырнадцати, очень красивую. Мужчина этот иногда сидел на гимнастической скамейке у стены, а иногда прохаживался вдоль татами, с интересом поглядывая на мои действия, которые я производил на ковре. Что я не сэнсэй, он, по-видимому, догадывался или знал наверняка, поэтому его дочке-внучке я стремился уделить как можно больше внимания. Сам я во время тренировок не только прохаживаюсь по татами, отдавая команды ученикам, но и делаю всё то же самое, что и они. Скидки на возраст я пока себе не позволяю.

И вот однажды, после окончания занятий, этот приятный на вид мужчина подошёл ко мне и поблагодарил за хорошо проделанную мною работу.

– Пётр Павлович, – представился он, – Алина – моя внучка, – он кивнул в сторону девушки, – ей очень нравится у вас заниматься. Это она мне велела сейчас подойти к вам и вас поблагодарить.

– Сколько же вам лет? – не удержался я от бестактного вопроса, – если Алина – ваша внучка.

– Шестьдесят восемь, – улыбнулся Пётр Павлович, – а что, хорошо сохранился?

В глазах его сверкнули озорные искорки.

– Я не для того спрашиваю, – огорошил я его, – чтобы сделать вам комплимент за прекрасную сохранность, – у меня другие намерения. Я хочу предложить вам начать тренироваться в нашей секции, будете ходить вместе с внучкой. Думаю, и она этому будет только рада.

– А я потяну? – насторожился моложавый дедушка.

– Приходите, там посмотрим, – подзадорил я его.

На следующую тренировку Пётр Павлович пришёл вместе с Алиной в новеньком кимоно. Я это сразу отметил, и мне это понравилось. Обычно Владимир Николаевич, наш сэнсэй, разрешает новым ученикам первый месяц ходить на тренировки в обыкновенном трико. Вдруг им не понравится или слишком тяжело станет, приходиться не захочется, а форма, она ведь тоже денег стоит.

Узнав, сколько лет новоиспечённому ученику, сэнсэй поблагодарил меня и поставил его в пару со мной. Сначала я старался не сильно стучать по моложавому дедушке, боялся, как бы не повредить его немолодые кости, но Пётр Павлович оказался крепким субъектом и в ответ колотил меня не за страх, а за совесть. И лоу-кики отвешивал увесистые, и цуки по корпусу у него получались отменными. Видать, он непросто тогда ходил вдоль татами, когда внучку к нам приводил, а с пользой для дела...

Прошло пять лет после этого события, и в свой пятидесятилетний юбилей я аттестовался на чёрный пояс. Пётр Павлович к этому времени уже заслуженно носил коричневый. На аттестации, когда он его получал, он даже провёл пять непрерывных боёв. Сэнсэй дал на это "добро", не побоялся, что с ним что-то случится, настолько был уверен в замечательном деде. И не сказать, чтобы спарринг-партнёры делали скидку на возраст и старались подыграть Петру Павловичу. Вовсе нет. Он в этом совсем не нуждался. И ребята с телевидения, которые тогда приезжали, чтобы запечатлеть это необычное событие, были здорово удивлены. Это же надо, такой удивительный дед тренируется в секции Вадо-рю...

Потом прошло ещё пять лет, и Пётр Павлович куда-то пропал. Так в жизни бывает. Нет, он не постарел и не стал немощным. Мне кажется, он вообще не меняется со временем, просто Алинка его окончила школу и уехала учиться в Москву. Пётр Павлович взялся ей помогать, устроился на работу, времени ходить на тренировки не осталось.

Иногда он мне звонил, в основном в ночь с 31 декабря на 1 января. Поздравлял меня и мою супругу с очередным Новым годом. Сначала я спрашивал его, когда он вернётся и продолжит тренироваться, но потом перестал спрашивать. Жизнь есть жизнь, у каждого она своя – со своими проблемами и заботами. Но мне было немного обидно, что пришлось расстаться с таким талантливым учеником.

И вот вчера я встретил его на улице, случайно. Я не сразу понял, что это он. Мужчина средних лет, подтянутый, в футболке. На мне тоже была футболка и шорты, но я ведь ещё молодой. Какие мои годы?!

Пётр Павлович обрадовался нашей встрече. Он обнял меня и прижал к себе. Я почувствовал упругое тело под футболкой, не потное, ничем не пахнущее, хотя на улице было под тридцать градусов, а на небе ни облачка, и всё ту же уверенность. Старым он по-прежнему не выглядел, мне даже показалось, что он помолодел за это время, пока мы не виделись. Я спросил про Алину, как она там в Москве.

– Окончила университет, первый год работает, оклад солидный, – похвастался Пётр Павлович, – копит деньги на первый взнос на квартиру. От меня больше помощи принимать не желает, не хочет, чтобы я продолжал работать.

– А-а-а, так ты теперь свободный человек (мы давно с ним на "ты"), – обрадовался я, – сейчас конец июля, в августе у нас, как ты помнишь, каникулы, но первого сентября занятия возобновятся, и я тебя жду. Кимоно ещё цело? – поинтересовался я, – не выбросил?

– Кимоно у меня в спальне в шкафу на верхней полке всегда выстиранное и отглаженное, я его иногда надеваю, когда ката делаю, но для полноценных тренировок я уже не гожусь, – вздохнул он.

– Почему так пессимистично? – поинтересовался я, – на вид ты только помолодел!

– А знаешь, сколько мне недавно стукнуло? – Пётр Павлович хитро улыбнулся.

– Догадываюсь, – я пожал плечами, – но меня такими пустяковыми аргументами не проймёшь.

– Семьдесят девять мне стукнуло на Петра и Павла. У меня день рождения 12 июля, – продолжил он взволнованно, – я ведь детдомовский, без роду и племени. Меня подкинули в этот день на крыльцо детского дома в далёком тридцать седьмом, потому и дали такое имя в честь святых апостолов Петра и Павла. Вот и живу я на этом свете Петром Павловичем.

– И неплохо живёшь, – я похлопал его по плечу, – и, судя по твоему виду, может, ещё лет двадцать протянешь. Я думал, что мой чёрный пояс в пятьдесят лет – это какое-то особенное событие, но

ты можешь меня превзойти и в следующем году сдать на первый Дан. У тебя сейчас какой, коричневый пояс? – поинтересовался я, – я ещё не всё забыл?

Будущий претендент улыбнулся.

– Ты ничего не забыл, – сказал он, – но я сомневаюсь, стоит приходить или нет?

– Стоит, – утвердительно сказал я и продолжил, – за год я тебя поднатаскаю, и ты обязательно аттестуешься. И сэнсэй поможет, он тоже обрадуется твоему возвращению. Представляешь, чёрный пояс в восемьдесят лет. Твой рекорд уже никто не побьёт. А я документы подготовлю в книгу рекордов Гиннеса. Так ты как, согласен?

– Ты всё смеёшься, – Пётр Павлович похлопал по плечу меня, – а супруга твоя по-прежнему ходит с тобой?

– А то как же, она тоже недавно аттестовалась на чёрный пояс. Дочь вот только в Москве бросила заниматься, так и закончила карьеру с коричневым поясом.

– Передавай супруге привет, – Пётр Павлович улыбнулся, и в глазах его вспыхнули задорные искорки, – насчёт сентября я подумаю, – прибавил он, – а сейчас извини, спешу.

Он крепко пожал мне руку, повернулся и лёгкой походкой зашагал в сторону Площади Партизан.

Я залюбовался, глядя ему вслед, потом не выдержал и окликнул его:

– В сентябре жду, – повторил я.

Услышал ли Пётр Павлович мой призывный крик или нет, через месяц выяснится.

Дорога на Север

Шёл 1980-й год, год Московской Олимпиады. Ещё жив был Высоцкий, и Джо Дассен ещё не слетал на Таити в своё последнее путешествие, Марк Чепмен ещё не приобрёл револьвера, из которого вскоре застрелит Джона Леннона. Пока же этот неудачник сидел часами в дешёвеньком кафе и читал "Над пропастью во ржи". Временами он откладывал в сторону изрядно потрёпанную книжку и разглядывал свои пухлые пальцы, одним из которых нажмёт на курок.

Михаил Иванович или попросту Миша всего этого ещё не знал и не ведал о метаморфозах грядущего. Он оканчивал пятый курс столичного вуза, и впереди у него маячил диплом. Вот только в последнее время молодого человека будто подменили. С ним творилось что-то неладное, он и думать забыл о дипломе, бродил по коридорам института как неприкаянный и думал о чём угодно, только не о дипломе. А виной тому была прелестная девушка – спортсменка, комсомолка, студентка, да и просто красавица, звали которую Света. С ней Михаил познакомился ещё на третьем курсе на концерте ансамбля "Песняры", когда тот гастролировал в Москве. На одном из выступлений случился конфуз: солист группы Анатолий Кашепаров, исполняя "Вологду", пустил "петуха". Добрался до самой высокой ноты и не взял её. Миша сидел тогда во втором ряду рядом с незнакомой девушкой, и оба они одновременно прыснули, зажав рты, чтобы не рассмеяться. В те времена фонограмм ещё не было, и певцам нечем было прикрыться, но публика, сидевшая в зале, оказалась добродушной и простила нечаянный ляп незадачливому певцу. Более того, когда следом запел Мулявин свою коронную "Не обижайте любимых упрёками" и начал своим волшебным тенором завораживать зал, слушатели тут же позабыли о сплеховавшем Толике и начали Мулявину подпевать. А под конец песни, уже стоя, весь зал аплодировал любимому артисту. У многих женщин при этом на глаза навернулись слёзы.

В антракте в фойе Миша попытался разыскать соседку, которая ему приглянулась. Найдя такую, он не сразу к ней подошёл, потому что обратил внимание ещё на одну девчонку, то и дело попадавшуюся ему на глаза. Но та была не столь эффектной, и Миша её проигнорировал. Между тем соседка, оценив скромные поползновения парня, сама к нему подошла, заговорила с ним, и они познакомились. Светлана училась в том же вузе, что и Михаил, только на другом факультете. Он изучал турбины, а она постигала тайны бухгалтерского учёта. Миша угостил Светлану лимонадом и купил ей кремовое пирожное.

Следующие два года молодые люди почти не расставались, всегда и везде ходили вместе, даже в стройотряд ездили в одной компании. И как результат, в конце пятого курса сразу после защиты диплома, они решили пожениться.

Но вот неделю назад всё вдруг резко изменилось, полетело, так сказать, в тартарары. Светлана ни с того ни с сего объявила ничего не подозревавшему парню о том, что расстанется с ним. Миша от услышанного лишился дара речи и впал в ступор. Он не мог понять, что могло произойти за такое короткое время с его самой лучшей на свете красавицей. Но скоро всё объяснилось, и объяснилось до-

вольно просто. Дело в том, что месяц назад на вечеринке, куда Света отправилась вместе с подругами отмечать чей-то день рождения, она познакомилась с парнем, родители которого работали за рубежом. Молодой человек поразил её – и своим видом, и поведением. Он был шикарно одет, сорил деньгами, угощал коллекционным шампанским и Светлану, и её подруг, был красноречивым, вставлял в разговор фразы на английском языке, так что к концу вечера совершенно очаровал всех и, конечно, её. Было видно, что Светлана ему понравилась, а потому перед уходом напористый парень открыто предложил ей переехать к нему.

– Родители мои сейчас в Лаосе, – поведал он, – приедут не скоро, поэтому квартира в полном нашем распоряжении. Если примешь моё предложение, – продолжил он пламенную речь, – я организую тебе работу за рубежом после защиты диплома, потом куплю квартиру в Москве и помогу твоим родителям. А если я тебе не противен, то мы можем пожениться.

Светлана оторопела от такого напора, но когда стильный парень предложил ей съездить вдвоём на Мальдивы, она всерьёз задумалась. Что такое Мальдивы, она понятия не имела, но подозревала, что это нечто волшебное. До этого она была пару раз на море – один раз в Крыму в Алуште, куда ездила отдыхать с родителями, когда была ещё маленькой, и второй раз в Анапе, где она отдыхала вместе с подругами после окончания первого курса института.

Предложения и ухаживания необычного молодого человека ей понравились, но сначала она их отвергла. Ей не хотелось чувствовать себя предательницей, да и оставлять своего Мишу на произвол судьбы было как-то неправильно. Ведь она с ним ещё совсем недавно планировала совместное будущее. Но молодой человек не стал торопить её с принятием решения и дал ей время подумать. Светлана сначала хотела рассказать обо всём Михаилу и превратить всё в шутку, но почему-то не стала этого делать. Потом, в женском общежитии, в комнате на четверых, а они всё ещё жили порознь с Мишей, хотя днём практически не расставались, она долго лежала с открытыми глазами и не могла уснуть.

"Действительно, – думала она, – что меня ждёт с Михаилом в будущем? Я не коренная москвичка, он – тоже. Распределят нас в какие-нибудь турлы, и придётся там провести всю оставшуюся жизнь".

От этой мысли она чуть не заплакала.

"А тут, – продолжала мечтать она, – карьера, квартира в Москве, конечно, если парень не врёт.. но не похоже, наоборот, он сам в меня втюрился. Сначала привыкну к нему, потом мы поженемся и поедем работать в Лаос. Надо будет посмотреть на карте, где этот Лаос находится. Будем там жить с ним и наслаждаться. А что! – встрепенулась она и от страха даже глаза закрыла, – надо рискнуть. Иначе от жизни ничего не получишь".

После бессонной ночи две недели Светлана ходила сама не своя. В то же время подруги принесли ей весточки от богатенького ухажёра о серьёзности его намерений, и она наконец решилась.

"Кто такой этот Миша? – возмутилась она, – свет клином на нём не сошёлся. Есть и другие парни, покруче его".

Подбив окончательный итог, она дала положительный ответ своему новому парню и отрицательный – Мише, ставшему отныне бывшим. Ей, конечно, было жаль его, она не была бессердечной, но ведь всем не угодишь. Подробностей, почему она приняла такое решение, Светлана ему рассказывать не стала. Сказала только:

– Разлюбила, и всё.

Миша после этого неделю ходил сам не свой и даже подумывал, не наложить ли на себя руки.

"Защиту диплом, – думал он, – и выпрыгну с пятого этажа вниз головой".

Сделать это было легко, так как жил он в общежитии на пятом этаже. Но, честно говоря, прыгать ему не хотелось, наоборот, ему хотелось жить, хотелось любить, отдать себя кому-нибудь без остатка и раствориться в любимом существе. Короче, парень жаждал счастья, а кому в молодости не хочется быть счастливым? Вот только характером парень не вышел, слабоватый у него был характер, женщины таких не любят, не чувствуют они себя за такими мужчинами, как за каменной стеной. Им подавай уверенных, знающих себе цену, ни в чём не сомневающихся. Вот девушка и оставила Мишу, а тот не совладал с собой и расклеился. Даже защитив диплом на "отлично", он не испытал никакой радости, стоял себе потихоньку в коридоре, подпирая стену, и смотрел в пол. В это время к нему подошёл худощавый мужчина лет тридцати и предложил поехать по распределению на Север.

– Хочешь поработать в Надымском Приполярье? – спросил он, – строить компрессорные станции? Работа интересная, перспективная. Если поедешь со мной, то ручаюсь, что не пожалеешь. Тем

более, – уверенно прибавил он, – я вижу, у тебя какие-то неприятности, они написаны на твоём лице. Но Север всё разрешит, можешь не сомневаться.

И Миша почему-то сразу ему поверил и пошёл следом за ним, а потом, когда получил в комиссии по распределению листок с печатью, где в самом начале был указан город Надым, то даже обрадовался этому.

"Ничего, – подумал он, – всякое в жизни бывает. Ещё неизвестно, кому повезло".

Вечером, вопреки первоначальному плану, он не стал напиваться и даже не стал разыскивать Светлану, чтобы сказать ей на прощание последние слова, поведать, как она ошиблась, оставив его, и как потом будет жалеть об этом всю жизнь. Взамен душевных терзаний, он вместе со своим новым другом пошёл в кафе, и они там поели борща и напились душистого чаю вместо водки, а утром следующего дня улетели в Надым.

"Дорога на Север... – думал Михаил, сидя в самолёте и глядя в иллюминатор, – куда-то она меня приведёт, успокоит ли душу...".

* * *

Прошло восемь лет, которые пролетели незаметно.

Миша, теперь уже Михаил Иванович, молодой перспективный начальник участка, только что закончивший строительство газопровода "Уренгой – Помары – Ужгород", собирался на ночь глядя пойти в тайгу за брусничкой.

– Куда это ты наострился? – взяла его за рукав брезентовой куртки Виктория, молодая жена Михаила, – погляди в окно, скоро ночь, да и дождик накрапывает, а ты только из командировки. Ляг лучше, отдохни или с сыном поиграй, позанимайся с ним чем-нибудь. Ему ведь в следующем году в школу идти.

Михаил обнял жену и подбежавшего к нему сынишку.

В этом статном уверенном в себе мужчине, лицо которого светилось от счастья, было не узнать закомплексованного парня, оставленного когда-то девушкой. Тогда он думал, что та девушка и есть его единственная, неповторимая, предназначенная ему судьбой. Но сейчас он понимал, что всё далеко не так просто, жизнь устроена по-другому, и она всегда всё расставляет по своим местам. Поначалу мы этому противимся, но потом, подводя итог, бываем только благодарны судьбе за полученный урок.

Михаил Иванович прижал к себе Вику, подбросил вверх маленького Мишаню, который, подлетев к потолку, засмеялся как колокольчик, и твёрдо сказал:

– Своего решения я не изменю, тем более, ты прекрасно знаешь, – обратился он к жене уже более ласково, – в лесу мне легче расслабиться. Командировка была трудной, и мне надо отвлечься. А вы не волнуйтесь, – прибавил он, – дотемна я обязательно вернусь.

После этих слов Михаил нахлобучил на себя кожаную кепку "с ушами", взял в руки пластиковое ведёрко, поцеловал жену и сына и не спеша вышел из дома. Отойдя несколько метров, он вдруг вспомнил, что забыл спички.

– Вот незадача, – чертыхнулся он, но возвращаться не стал. "Ножик есть, – решил он, – этого хватит для безопасной прогулки".

Выйдя на дорогу, он направил свои стопы к темневшей в полукилометре от него тайге. На дворе было сыро и прохладно, что для середины сентября по здешним меркам было обычным явлением. По небу ползли свинцовые облака, из которых вот-вот должен был сыпануть дождик.

Войдя в лес, Михаил сориентировался для начала по бегущим облакам, потому что солнца видно не было. Облака плыли с северо-запада на юго-восток, он знал это по одному ему известным приметам, и ещё он определил, в какую сторону сгибались на ветру верхушки кедров. Они наклонялись, если сравнивать с облаками, уже строго с севера на юг.

"Значит, обойдусь без солнца, – хвастливо подбодрил он себя, – здешняя тайга мне как дом родной".

Углубившись в чащу, на первой же поляне он обнаружил огромные россыпи брусники. Налитые ягоды, пылая алым соком, блестели, словно отполированные и готовые вот-вот лопнуть. Поелозив по волшебной поляне минут десять-пятнадцать и наполнив четверть ведёрка, Михаил двинулся дальше. На одном месте неинтересно ползать, скучно. На следующей поляне отборных ягод было ещё больше, а на третьей их было столько, что казалось, будто всё выстлано алым ковром. Ведёрко быстро тяжелеело, и вместе с его тяжестью пропадал интерес к собиранию ягод. Неожиданно на одной из полянок он

наткнулся на семейку подосиновиков. Они добавили азарта к тихой охоте. Михаил срезал сразу четыре красавца на толстых упругих ножках.

"Красное к красному, – улыбнулся он, укладывая срезанные аккуратно под корень грибы поверх брусники, – красивый натюрморт получается. Что ж, пора и домой возвращаться".

Михаил Иванович осмотрелся. Поляна, на которой он находился, была ещё зелёной, и на ней явно проступали следы на примятой им же траве.

"Следы тут только мои, – резонно констатировал он, – а потому, выберусь я быстро. Я ведь тут не больше часа бродил".

Обратно идти было даже легче, пусть и с полным ведёрком. Своя ноша не тянет. Грудь его распирало от радостных мыслей, и он напевал "Журавли" Вилли Токарева.

– Оторвите меня от земли, журавли, – громко и не стесняясь пел он, – В солнечном небе вам так легко плывётся...

И, хотя небо было совсем не солнечным, настроение у Михаила от этого хуже не становилось.

"Приду сейчас домой, – мечтал он, – открою дверь, спрячу ведёрко за спину и скажу, что ничего не нашёл". И только когда Вика огорчённо вздохнёт и начнёт упрекать его, что не стоило попусту ходить в лес на ночь глядя, он выхватит из-за спины ведёрко и покажет ей и бруснику, и красавцы грибы. Жена бросится к нему на шею, Мишаня тоже, он обнимет их и закружит по комнате. Сын радостно закричит, а жена станет целовать его и в щёки, и в губы. Потом они пойдут на кухню, Вика почистит грибы и пожарит их на чугунной сковородке. Аромат будет стоять на весь дом, но жареных грибов окажется мало, и она скажет сыну, что это кушанье только для папы.

— Мы с тобой, – скажет она, – обойдёмся кашей и чаем, тем более что на ночь тяжёлую пищу есть не следует, особенно маленьким детям.

– Ну, что ты, – укоризненно скажет ей Михаил, – пусть Мишаня тоже поест, если ему хочется, и ты давай с нами. Здесь грибов на всех хватит.

После ужина сын уйдёт в свою комнату, а они усядутся рядом и будут долго-долго беседовать. Будут вспоминать, как впервые увиделись на том злополучном концерте, на котором так и не познакомились, но оба каким-то чудесным образом сохранили билеты на этот концерт. Вика принесёт их, и они будут с замиранием сердца смотреть на пожелтевшие клочки бумаги, будут смеяться и благодарить судьбу, которая соединила их таким необычным образом.

– Надо же, – в очередной раз удивится жена, – кому расскажи, не поверят. Я ведь на том концерте, когда Анатолий Кашепаров "петуха" пустил, сидела позади тебя. И билет потом сохранила на память. Вдруг, думала, когда-нибудь снова увидимся, и я тебе его покажу. И ты тоже сохранил свой, помнишь, как мы их сравнивали. У тебя был второй ряд недалеко от прохода, а я сидела выше прямо за тобой, всё затылок твой разглядывала. В антракте я хотела к тебе подойти, но пока придумывала предлог, другая, бойкая, меня опередила.

– Ладно, – скажет Михаил примирительно, – всё это в далёком прошлом. Важно, что мы сейчас вместе, а остальное не имеет значения. И у нас есть Мишаня.

Михаил улыбнулся приятным воспоминаниям и ускорил шаг, но тут заметил, что идёт уже не по примятой траве, а по опавшим листьям, и в какую сторону, неизвестно.

"Так, стоп, – приказал он себе, – надо сориентироваться, а уже потом шагать. А то неровен час, заблужусь".

Он посмотрел в небо, которое стало уже совершенно тёмным, и облака на котором едва проглядывались, и тяжело вздохнул. В это время сверху посыпал мелкий дождик, и в какую сторону плыли облака, понять было невозможно. Потом он перевёл взгляд на верхушки деревьев, но те почему-то раскачивались в разные стороны, и по ним тоже ничего нельзя было определить.

"Неужели заблудился? – струхнул Михаил, – говорила же мне Вика никуда не ходить, а я, дурак, не послушал. Вот теперь получай", – отчитал он себя и опять стал пристально всматриваться в облака.

Одна из тучек показалась ему светлее других, она медленно ползла по небу, и Михаил двинулся следом за ней. Но тучка, хотя и ползла медленно, но всё же двигалась быстрее Михаила. Чтобы не потерять её из виду, он сначала ускорил шаг, а потом засеменил трусцой.

Минут через десять лицо его покраснелось, по спине потёк то ли пот, то ли проникавший за шиворот дождик, и в невысоких сапогах зачавкало.

"Как назло, спички не взял, – обругал он себя, – я бы и на дожде костёр развёл. Вон сколько кругом валежника, ещё, небось, не успел намокнуть".

Но додумать эту мысль Михаил не успел, зацепился за торчавший полусгнивший корень и рухнул наземь. Падая, он автоматически вытянул вперёд левую руку, что смягчило падение, а из правой так и не выпустил ведёрко с ягодами.

"Только без паники, – приказал он себе, вставая, – страшного ничего не произошло. Я цел и даже, кажется, невредим".

Поднявшись на ноги, Михаил для верности ощупал себя. Всё было на месте, только левая рука по локоть в грязи. Набрав опавших листьев, он тщательно вытер её и стал размышлять, что делать дальше.

Он, конечно, разволновался, но скорее не за себя, больше он переживал за жену и сына.

"Наступит ночь, – размышлял он, – и жена, по всей видимости, поднимет посёлок "в ружьё".

Такое уже однажды случалось, когда две её коллеги по работе ушли в лес за грибами и заблудились. Виктория тогда первой забила тревогу, подняла посёлок на ноги и организовала поиск. Оказалось – не напрасно. Их нашли на следующий день, женщины даже испугаться не успели.

"Но тогда было лето, – думал Михаил, – было тепло, и солнце светило всю ночь. А сейчас середина сентября, и дождь в любой момент может смениться снегом. Тогда, как быть? – Главное, не терять самообладания, – продолжил размышлять он уже спокойнее, – я всё равно выход найду. Надо попытаться представить эту местность словно нарисованной на карте. Я ведь тут много раз летал на вертолёте, а потому сделать это мне будет нетрудно. Так, из посёлка я вышел на северо-восток в сторону тайги, и потом, зайдя в неё, продолжил идти в этом же направлении. Справа от меня в полукилометре всё время оставалась сталинская узкоколейка, параллельно которой я двигался. Она проложена из Старого Надыма в Уренгой, поэтому я её и не пересёк. Но дальше эта железка выходит к реке, к Правой Хетте, я это помню. Там ещё мост старый из ржавого железа, хотя грузовые составы по нему ходят до сих пор".

Михаил вспомнил, как недавно ехал по ней из Нового Уренгоя, вёз турбины для Правохеттинской компрессорной.

– Так что – эврика, – воскликнул он, – мне надо идти не на юг или на юго-восток, откуда я пришёл, а строго на север. На юге, кроме посёлка, ничего нет, и если я пойду в этом направлении, то могу запросто промахнуться: и мимо жилья, и мимо компрессорной. А если я отправлюсь на север, то в любом случае выйду либо к реке, либо к железной дороге.

Михаил обрадовался, ещё раз посмотрел на облака и, уже полагаясь больше на интуицию, сначала медленно, а потом всё быстрее побежал на предполагаемый север.

– Опять ведёт меня эта дорога, – бубнил он себе под нос, – дорога на Север. Значит, это верный путь, который снова меня спасёт.

Не выпуская ведёрка и не теряя самообладания, Михаил быстро пробирался к намеченной цели. Он перескакивал через валежник, протискивался сквозь мокрые кусты, перебегал через поляны с ещё зелёной травой и, наконец, оказался у цели. Тёмная громада моста, словно сама судьба, выглянула из леса.

– Всё, спасён, – радостно закричал он, и в ответ мокрые деревья брызнули крупными каплями. От железнодорожного моста до посёлка оставалось восемь километров, и максимум через час он предполагал быть дома.

Переложив ведёрко из одной руки в другую, Михаил поднялся на насыпь и бодро зашагал по шпалам.

– А вот теперь можно и на Юг идти, – рассмеялся он...

ЛЮБОВЬ ИШУНЬКИНА

Анапа

Любовь Павловна Ишунькина родилась 18 октября 1958 года в Восточном Казахстане, в маленьком селе Катон-Карагай. Вскоре переехала жить в Красноярский край. Именно в это время рождаются стихи о красотах Сибири и о живущих там людях. Так в газете "Заря Енисея" появляются публикации: "Щедрой души человек", "Ярмарка солидарности", "Есть на кого равняться", "Ветка ели с натуры", "Подснежники".

С 2012 года Любовь Ишунькина живёт в Краснодарском крае, в селе Юровка. Член Анапского литературного объединения, участник всероссийского литературного фестиваля-конкурса "Поэзия русского слова": награждена специальным дипломом "За продолжение традиций русской литературы". На конкурсе "Кубани слово золотое" (Краснодар, 2017) специальным дипломом был отмечен её рассказ.

В последние годы вышли в свет книги: "Птенцы", "Первая любовь", "Лабиринт" и (в соавторстве) сборник для детей "Путешествие в страну чудес"; сборники стихов: "Счастье на ладонях", "По кругу в разные стороны" (в соавторстве с Сергеем Сониным), а также книги для детей: "В сад за яблоками" и "Вселенская тайна". К 75-летию Победы издана книга о героях Великой Отечественной войны "Память сердца".

ТОЧКА ОТСЧЁТА

Рассказ-быль

- Надо же, Олюшка такая молодая, ей бы жить да жить...
- Да, медсестра сказала, что ей тридцать.
- Молчаливая: "спасибо" да "пожалуйста" – вот и все слова. А какая красавица.

В палату вошла Ольга. Полный отчаяния и тревоги взгляд окинул притихших соседей. Собрав белокурые волосы в пучок и взяв с тумбочки рассказы Джека Лондона, присела на кровать. Открыв страницу, пробежала по ранее прочитанным строкам "Вождь сидел один со своей женой, смотревшей прямо перед собой тусклыми, остановившимися глазами, но Маккензи тотчас понял, что то, о чём он собирается говорить, тут уже известно..." Оля задумалась, устремив взгляд в пустоту. "Почему у жены Джека были тусклые глаза? Быть может, она, как и я, устала от бесконечных терзаний? Почему этот вопрос "Почему?" – не даёт покоя?"

Тишину в палате прервала баба Валя:

– Олюшка, ты бы поговорила с нами, какая печаль тебя гложет, может, и полегчает, что же ты всё молчишь? Говорят, все болезни от сильной обиды, а к чему она, всему есть свои причины. Вот я, например...

И баба Валя затянула свой рассказ, но Ольга не слушала, думая о своём.

Когда рассказчица умолкла, Ольга тихо спросила:

- Баба Валя, а у вас есть дети?
- Да нет, детонька, Бог не наградил меня детками, так уж получилось.

– А мне было пять лет, когда родители отдали меня бабушке. Сказать, что мне было трудно – ничего не сказать. Я скучала по маме, сестрёнкам, плакала ночами, просила бабушку отвезти меня домой, но она не слышала. Каждый день закрывала меня в комнате и заставляла учить азбуку. Я смотрела на закорючки и ничего не понимала. Через некоторое время на пороге появлялась "любимая" бабушка, властная, жёсткая и, тыча то в букварь, то в голову пальцем, спрашивала: "Какая это буква?"

Я, конечно же, не понимала, чего от меня требуют, и начинала плакать. Иногда это помогало – бабушка бросала букварь на стол со словами "Такая же тупица, как и твой отец!" – и уходила.

Шло время, я пошла в школу. Дети с цветами и с родителями, а я – с потрёпанным букетиком в руках, который ещё с вечера бабушка нарвала в чужом палисаднике. Мне стыдно было идти с ворованными цветами, но послушаться не могла.

Так в пять лет у меня началась другая точка отсчёта. Сначала день-два, потом месяц, год, годы. Первые дни бегала на остановку встречать автобус, и в каждой тётеньке мне виделась мама. Посёлок небольшой, расположен в тридцати километрах от города, где жила семья. Мать за всё время приезжала несколько раз, привозила сладости, подарки, умоляла простить её, неприятно прикасалась мокрыми от слёз губами. Я плакала, просила маму забрать меня, но она лишь вытирала слёзы мне и себе и говорила: "Прости, доченька, я не могу!". Отца больше я не видела. Всё мечтала, что подрасту, обязательно вернусь домой. И вот такой день настал. Мне исполнилось тринадцать, и я – на пороге родного дома. Как же трепетало моё маленькое сердечко, то ли от радости, то ли от волнения. Звонки в дверь и минуты ожидания. Ещё звонок, и дверь распахнулась. На пороге появилась женщина, молодая, красивая.

– Вам кого?

– Мне маму.

– Вы, наверное, к прежним жильцам, так они уже давно съехали.

Я тихо сошла по ступенькам и вернулась в прежнюю жизнь.

В палате воцарилась тишина, которую прервал женский голос:

– Володина, к вам пришли!

В конце коридора Ольга заметила знакомый силуэт сестры. Они встречались редко, говорили мало. Но встреча с сестрой всегда была маленькой надеждой. Вот и сейчас Оля ускорила шаг. Обнявшись дежурно, сестры уселись на скамейку.

– Ты как? Улучшения есть? А нам бабушка позвонила, сказала, что ты в больнице, вот я решила зайти. Да и сама я здесь не случайно, представляешь, у меня беременность замерла. Оля обняла сестру и погладила по голове как в далёком детстве, когда Танюшка плакала от обиды или от боли.

Выслушав сестру, Оля задала вопрос, который вот уже двадцать пять лет тревожил. Раньше сестра уходила от ответа, но сегодня Ольга решительно заставит её сказать.

– Ты знаешь, тогда, ну, когда всё случилось, отец кричал, обзывал маму. Она оправдывалась, говорила, что всё произошло случайно, что она любила только его. Отец кричал, что его предали и лучший друг, и мама. Оля, ты прости, мне пора идти, мы с тобой ещё встретимся, и я расскажу обо всём, у меня есть ответ на твой вопрос.

– Я не могу ждать, скажи лишь только одно, почему вас с сестрой оставили, а меня отдали бабушке? Почему?

Оля держала сестру за руки, с надеждой заглядывая в глаза.

– Скажи, пожалуйста, у меня нет времени ждать, я тебя умоляю.

Оля опустила на колени перед сестрой и заплакала. Медсестра, увидев происходящее, попросила удалиться посторонних, а Ольгу увела в палату.

После встречи Ольга ещё сильнее замкнулась в себе. Соседи по палате старались не тревожить лишним раз, не задавая лишних вопросов.

Сегодня бабу Валю выписали. Она до обеда просидела в коридоре, поджидая, когда за ней придут.

Оля вышла в коридор и, присев на скамейку, тихо спросила:

– Не забирают?

– Да внучка экзамен сдаёт – ничего, я подожду, лишь бы сдала. А у тебя молодой человек-то есть?

– Есть. Любит меня. Я ему не говорю о проблеме, вот и сейчас я в командировку уехала на месяц. А дальше время покажет. Жалко, что вас выписали, я привыкла к вам, к вашим рассказам по вечерам, к молитвам перед сном. Мне бы за маму помолиться, да не умею. Я не знаю, как жили родители, со слов сестёр – плохо. И однажды, при очередной ссоре, отец убил маму. Я так и не успела задать вопрос, который мучил меня: почему у меня не было маминой любви и рядом – младших сестёр?

Маму похоронили с моей последней надеждой. Отца посадили. Я несколько раз ездила в тюрьму, но он отказывался от встречи. Сёстры вышли замуж, я продолжала жить у бабушки. Окончив школу и институт, устроилась на работу. Там и встретила Макара. Бабушке сейчас семьдесят восемь. Успокоилась, приутихла. Болеет. А мне бы пожалеть её, а я радуюсь, потому, как в такие дни она становится доброй и ласковой, внученькой называет. На глазах у Ольги навернулись слёзы.

– Сказать тебе хочу, доченька! Господь всех слышит и всех прощает. Говори с Господом, как можешь, как умеешь, что приходит в голову – говори.

Баба Валя, завидев внучку, поднялась с места. Трижды перекрестив Олю, прошептала: "Благослови, Господь, рабу божью Ольгу".

После ухода бабы Вали в палату поселили Наталью, которая с первых минут внесла свой колорит в больничную обстановку:

– Ну, что приуныли, бабоньки, солнце светит, птицы поют, войны нет – жизнь прекрасна!

Открыв большую китайскую сумку, она стала что-то искать. На кровать полетели вещи, зубная паста, мыло, тапочки...

– Вот она, родненькая! Подъём, будем праздновать новоселье.

На тумбочке появилась домашняя наливочка, колбаса и пакет с фруктами. В воздухе повисло напряжение. Больные смотрели на Наталью с изумлением.

– Не дрейфьте, девчонки, прорвёмся, главное – не унывать! Я зарок себе дала – больше никаких отказов себе, буду жить на полную катушку. А вот и клубничка, налетай, бабоньки! Только тихо!

Вскоре розовощёкая Наталья выплясывала, увлекая то одну, то другую соседку за собой. Завидев мужчину в дверях, она громко рассмеялась: "А вот и жених!".

Дежурный врач, прикрывая дверь, шутливо пригрозил:

– Завтра выпишу всех!

Утро выдалось солнечным. За окном щебетали воробьи, радуясь новому дню. Больные проводили утренние процедуры, готовясь к обходу.

Наталья с трудом подняла голову и одним глазом окинула палату. Соседи, завидев утренний ерлаш на голове в виде пучка соломы, распухший красный нос, отёкшие глаза и пухлые губы, невольно рассмеялись. Наталья, не понимая причину смеха, посмотрела в зеркало, в отражении которого увидела клоуна.

– Проклятая клубника! Вот и поживи на полную.

Медсестра, раздавая таблетки, невольно вскрикнула:

– Быстро в процедурную – у вас аллергический отёк. Я – за доктором.

Вскоре пышная фигура Натальи скрылась за дверью.

– Володина, к вам вчера сестра заходила, просила передать письмо. Медсестра, вынув из кармана конверт, подала Ольге.

Обратный адрес оказался знакомым. Сколько раз она ездила в этот город на встречу с отцом! Да, это от него. Неужели сейчас она узнает правду?

Перед глазами возник образ отца. Высокого роста, с чёрными, как смоль, кудрявыми волосами и такими же чёрными глазами. В детстве он напоминал маленькой Оле богатыря, только богатыри в сказках добрые, а отец был другим. Посмотрев на печать в углу конверта, Оля ужаснулась – прошло столько лет!

– Володина, на процедуры!

Спрятав конверт под подушку, Оля поспешила в процедурный кабинет.

– Ты знаешь, – начала разговор медсестра. – Доктор сказал, что у тебя есть шанс на выздоровление, тебе просто надо самой очень постараться.

Оля в знак согласия кивнула. Сейчас её мучил один лишь вопрос: что в письме?

Вернувшись в палату, сунув руку под подушку, она не обнаружила конверта. По телу пробежала холодная дрожь. Подняв одеяло над головой, она залезла в отверстие с головой. Оставив одеяло в покое, она стала трясти простыню, подушку.

– Здесь санитарочка была, постель меняла и переложила письмо, – Галина махнула рукой в сторону тумбочки.

Немного успокоившись, Ольга вынула пожелтевший от времени листок.

"Здравствуй, доченька! Осталось мне недолго топтать казённые сапоги... Потому хочу покаяться перед тобой за грехи свои. Не думаю, что кроме меня кто-то осмелится рассказать. Но я думаю, ты должна знать. Я любил твою маму, она проводила меня в армию и "дождалась". Если б я знал, что на свадьбе она была беременная. Она обманула меня, сказала, что ты моя дочь. Я смотрел и узнавал в тебе черты лучшего друга, и, когда тебе исполнилось пять лет, мать призналась во всём, а я не смог простить... Я поставил её перед выбором: либо я, либо...! И она сделала выбор..."

Дальше читать Ольга не смогла, слёзы застилали глаза, капая на листок. Дрожь по телу всколыхнула боль и обиду, одновременно как-то отпустив. Ольга вдруг почувствовала облегчение. Она будто вдохнула поток свежего воздуха! Она такая же, как все! Просто оказалась чужой для чужого. Ольга окинула взглядом соседей по палате и впервые улыбнулась. Теперь начинается новая точка отсчёта и впереди долгая и счастливая жизнь!

Через несколько минут на пороге появилась Наталья:

– Ну, что приуныли, бабоньки, ставьте чай, гулять будем!..

ТАТЬЯНА ДУЛЕПОВА

Туапсе

Дулепова Татьяна Сергеевна родилась 3 января 1993 года в селе Пичуга Волгоградской области в семье военного. В 2000 году переехала с родителями в город Оренбург. С 2007 года посещала занятия литературного кружка при школе "Детский стиль". Именно в этот период её творчество было замечено известным поэтом Геннадием Фёдоровичем Хомутовым, который пригласил девочку на занятия в литературную группу "Расцветающий сад" и во многом поспособствовал творческому становлению автора. Произведения Татьяны появились на страницах газет "Патриот Оренбуржья", "Вечерний Оренбург", в детском сборнике "Аленький цветочек".

Окончила Оренбургский государственный университет по специальности "Документоведение и ДОУ", вышла замуж и переехала в город Туапсе. Работала методистом городской библиотеки, архивариусом предприятия "Роснефть – Туапсинский нефтеперерабатывающий завод". С 2014 года – член туапсинского ЛиТО "Логос". Рассказы автора неоднократно публиковались в альманахах "Звезда Черноморья", "Туапсе литературный", в газетах "Вечерний Оренбург", "Моя семья". Победитель литературных конкурсов.

РАССКАЗЫ**Большим человеком стал**

Юрий не был у матери целых пять лет. И вот, съехав с трассы на узкую колею дороги, заросшую степным сорняком, он принялся высматривать среди неказистых изб яркие стены родного дома – единственного на улице выкрашенного синим. У седой шиферной крыши по-прежнему выглядывал и слабо покачивался на ветру длинный трезубец еловой макушки, лениво прохаживались голуби и прыгали егозливые воробьи по обвисшим телефонным проводам.

Он прибавил газу. Степная пыль взлетела, прилипла к чёрному гляncу автомобиля и клубилась до самого дома, пока у проржавелых ворот гаража не напрягся ручник. Юрий схватил кожаную барсетку полными и оттого чуточку неуклюжими пальцами, медленно слез с мягкого кожаного сиденья и, хоть вокруг не были ни души, кичливо взмахнул брелоком. Иномарка отзывчиво подмигнула фарами.

Летний зной без раскочки обдал Юрия жаром. Окружающие звуки, казалось, были приглушены, будто сжаты колпаком плотного марева, висящего в воздухе, лишь трансформатор неизменно и раздражённо гудел неподалеку. Несколько минут он собирался с мыслями, представлял, как изменилась мать и что он ей скажет. Наконец толкнул скрипящую дверь и, разуваясь, прокричал: "Хозяйка дома?"

Из дремлющих комнат слышался размеренный голос ведущего новостей, пахло отсыревшими газетами и запаренной мешанкой для кур из овощных очисток. Хозяйка неторопливо отложила вязание на стол – будто маленькие монетки, лязгнули спицы – и, нащупав под креслом тапочки, побрела к двери. Юрий поспешил к ней навстречу и, столкнувшись в "проходной" – сквозной комнате с продавленной кроватью у окна и торшером с театральными висюльками, – раскинул руки. От изумления мать прикрыла рот рукой, а затем, когда в её маленьких глазах сверкнули слезы, выпустила: "Юшенька!" и припала к располневшей груди сына.

– Всё-всё... – растерянно хлопал он по хрупкой, вздрагивающей спине матери. – Что, так и будем в проходе стоять?

– Ой, что это я? – мать торопливо вытерла слезы. – Проходи в зал! Неужто отпуск дали?

Юрий кивнул, протянув золотистую коробку дорогих конфет.

– Вот ещё выдумал! – смутилась мать и благоговейно, будто держала в руках редкий музейный экспонат, убрала коробку в югославский сервант. – Устал, небось, с дороги?

– Устал, – пробасил Юрий, усаживаясь в продавленное кресло.

– Ой, Юшенька, – спохватилась мать и немедля полезла в соседний шкаф, где в стопках одежды хранила тряпичный кошель, – мне ведь угостить тебя нечем! Позвонил бы, предупредил!

– Так сюрприз хотел сделать.

– Эко выдумал! Ну давай, я хоть за сметаной сбегая, блинчиков напеку.

– Да погоди ты, успеешь!

Мать вернула кошель в тайник, обмотала золотистые ручки шкафа канцелярской резинкой, чтобы меньше провисали, и села рядом. От Юшеньки её отделял лишь хорошо сохранившийся полированный стол, который в былые времена раскладывался в центре зала, застилался выглаженной скатертью и, пусть впритирку, но вмещал шумных гостей, скромные яства и звенящие фужеры с насахаренными ободками.

"Сейчас так не празднуют", – подумал Юрий, всматриваясь в тёмную разинутую пасть недовязанного носка, словно отыскивая там нечто тайное, что ему не хватает в своей городской квартире с никак не выветривающимся запахом ремонта.

– Ну, рассказывай, как поживаешь? – спросил Юрий.

– Да как все, Юшенька. Живу потихоньку.

Взгляд Юрия обежал комнату и задержался на потолке.

– Что, снова потекла?

– Весной много дождей выпало, Юшенька. Пришлось даже тазы с бани нести.

– Недавно же латали.

– Почитай год назад. Ты как денежку прислал, я сразу парнишек местных позвала, они за пару дней и управились.

– Работнички, – скорёжился Юрий.

– Так где мне других взять? Одни они в деревне рукастые остались, другие разъехались или каждый вечер за воротник заливают. Ой, упаси Господи! – мать перекрестилась.

– Кровлю, видимо, менять нужно. Надо тебе надёжную сделать, черепичную.

– Ишь, удумал! Она денег каких стоит! Эту бы подлатать, и хватит с неё.

Юрий задумчиво подошёл к окну, засунув руки в карманы. Мать взволнованно метнулась к нему и остолбенела. У ржавого дедушкиного гаража стояла большая иномарка и блестела глянецом, как жирный праздничный поросёнок на льняной заляпанной скатерти.

– Юшенька, твоя, что ли?

Сын расплылся в самодовольной улыбке.

– Моя. Месяц назад как из салона забрал.

– Я такую только в телевизоре видела! Дорогая, небось?

– Недешёвая, – подчеркнул Юрий. – Ну, так и я уже не бетон мешу, ведущий инженер как-никак.

– Ой, Юшенька, – растрогалась мать, – я как вспомню, как ты после занятий на стройку эту ездил и в жару, и в холод! Или как на побывки приезжал – худющий, простуженный! Я тебе пирогов напеку, варенья малинового с маслом уложу и с тобой на развилку, автобус ждать.

– И украдкой слёзы платком вытирала, – припомнил Юрий. – Думала, не вижу.

– А как было не плакать? Боязно было тебя одного отпускать.

– Ну, как видишь, не пропал я. Наоборот, большим человеком стал.

– Вижу, – произнесла мать и, пользуясь тем, что Юшенька оказался близко, нежно окинула взглядом его холёное румяное лицо.

Прошло две четверти часа, прежде чем сели за стол. Мать слезила в погреб, подогрела суп и наголо соскребла Юшеньке мясо со свиного мосла. Обсудили погоду, неважно уродившийся картофель, летние перебои с водой. Про Юшкино детство тоже не забыли. Вспомнили, как гонял его по осени ворчливый дворник Прохор от наметённых кучек листвы, как испортил он лучшую мамину сковороду жжёным сахаром и спрятал ту в дровах, за сараем, как тайком таскал карамельки, припрятанные мамой на антресолях к Новому году. Многое вспомнилось!

Три раза позвонили Юрию с работы, и каждый раз, пока смартфон полз по аляповатой клеёнке, он со вздохом поднимался из-за стола и ступал в "проходную".

– Ох, и строгий ты, однако, – робко промолвила мать, когда сын в очередной раз вернулся.

– Да это Дрожкин, помощник мой. Оставил его одного, и в первый же день проблемы! – Юрий сердито обмакнул корку хлеба в ядрёную горчицу. – Говорил я им, – продолжил он, упрекая руково-

дство, – зелёный он, ни хватки, ни опыта. А они мне всё красным дипломом размахивали да победами на конференциях всяких. Тьфу!

– Не сердись, Юшенька. Начальству там наверху виднее, оно перед нами не в отчёте. А ты у меня справишься, были времена и похуже.

Мать выудила из банки белёсую соломку квашеной капусты и щедро уложила её в тарелку сына.

– Как Анатолий Иванович? Евдокия Наумовна? – поинтересовался Юрий.

– В добром здравии, слава Богу. Тоша, – именно так, ласково, называла мать младшего брата, – весной в отставку вышел, в деревню с Дуней вернулись.

Вспомнилось Юрию, какого однажды они с дядей сома тащили – весом с него, восьмилетнего! И как только выдержала того тяжеловеса старая бамбуковая удочка? Казалось, вот-вот обломится, и уйдет гигант и заляжет от них на тёмном дне. Но дядя неумоимо держал на тонком поводке и неспешно подводил мощную, неповоротливую рыбу и, вовремя оглушив, затащил ту в лодку богатырскими руками. И Юрке приказал следить за ним до самого берега.

– На рыбалку, что ли завтра сходить?

– Отчего не сходить? – мать вытерла руки о край фартука. – Только вот куда сейчас мужики ходят, не знаю, плёс ведь зарос.

– Ну и дело!

– Ты лучше к дяде Толе сходи, разузнай. Он давеча мне карасей приносил, поди знает, где клёву больше.

– Может, червей даст, – Юрий решительно поднялся со стула и, напялив свои старые вещи, прибережённые матерью, вышел из дома.

До окраины деревни каменистая дорога шла ровно, мимо ветхих построек и ржавых тракторов у костлявых заборов, а затем разбегалась в стороны извилистыми тропками и терялась в вымахавшей по колено траве. Юрий настойчиво брёл сквозь заросли строптивой полыни, дальше – по сгнившим, уходящим в землю доскам.

Плёс теперь не казался ни глубоким, ни рыбным. Хоть лето только набирало пылу, вода стояла зелёной, как после Ильина дня. Крутые песчаные берега осыпались и ползли вниз, оголяя корни увядающих растений. Сухие ивовые рогатины торчали у берега из вязкого ила, колыхались от лёгкого ветерка некогда оторванные нити лески на рогозе, тяжело и даже муторно пахло тиной.

Не думал Юрий, что застанет это место угрюмым и заброшенным на своем веку и, тяжело вздохнув, направился к дяде.

– Бог в помощь! – громко поприветствовал Юрий крепкого старика, возящегося у виноградника в растянутом армейском камуфляже.

Анатолий Иванович неторопливо обернулся и, вытащив сигарету из торчащей копны усов, выпалил: – Юрка! Ты что ль?

Племянник кивнул и с радушной улыбкой зашагал через шланги, тянущиеся толстыми змеями к благоухающему цветнику.

– Евдокия! – крикнул старик в открытую дверь. – Иди сюда!

– Ну что ты раскричался? Не видишь, полы в "кочегарке" мою! – зычно проголосила родовая казачка, выйдя на крыльцо босой, в пёстром домашнем платье и с чёрным, гладким пучком на голове. С тряпки, которую она удерживала пальцами, окольцованными золотыми перстнями, капала на крыльцо тёмная вода.

– День добрый! – обратился к ней Юрий.

Тётя Дуня ахнула и растроганно сложила ладони у груди. Тряпка полетела вниз и стремительно шмякнулась о пол.

– Юрочка!

– Совсем к старикам дорогу забыл, – прыснул Анатолий Иванович, пожимая племяннику руку.

– Так работа...

– Сказывала нам матушка, что ты в городе крупным начальником сделался, – встряла Евдокия Наумовна. – Проходи, чаёк согреем! А ты, – окликнула она мужа, – давай туши сигарку и – в дом. И дверь закрой или сам потом будешь мух выгонять!

– Ишь, пряткая! – Анатолий Иванович с ухмылкой раздавил окурок в консервной банке и, прихрамывая, побрёл за женой.

Чай пили в белых фарфоровых пиалах с золотистыми ободками. Евдокия Наумовна привычно тархтела, рассказывая Юрочке о земляках, Анатолий Иванович скучающе молчал и ёрничал, когда супруга, так или иначе, касалась его в беседе.

- Пойдём, – внезапно махнул племяннику дядя Толя, поднявшись из-за стола.
- Ну куда ты его? – встрепелась тётя Дуня.
- Во двор.

- Вот неугомонный! Племянника век не видал, а теперь в огород тащишь!
- Цыц! Я его не картошку копать зову, пушай на хозяйство глянет, посоветует что.

Юрий с улыбкой поднялся из-за стола, – дядя Толя никогда не любил долгих чаепитий, считая это пустой тратой времени, – и, поблагодарив тётю Дуню, вышел на крыльцо.

– Раскудахталась! – запоздало фыркнул Анатолий Иванович и глубоко затянулся табаком. – Надолго приехал?

– Хотел на месяц. Объект сдали, дай, думаю, домой съезжу, мать проведу, борща наваристого поем, карасей да щучек наловлю. А накануне мы бригад новых набрали, всем указания раздай, контролируй – ну просто рвут на части! Как бы не пришлось раньше вернуться.

Анатолий Иванович с кашлем выпустил дым и добавил:

- Неужто без тебя не управятся?
- Так начальник же, – отпарировал Юрий. – Как без меня?
- У всякого командира помощник есть.

– И у меня есть. Только с прорабами управиться не может, слова лишнего сказать боится, а те и давай баклуши бить. А оно ведь как надо: вострых приструнить да гонор в правильное русло направить, трудягам – помогать и не мешать. Да мне проще самому всё сделать, чем за ним разгребать.

– Вот пока вместо него будешь работать, не видать тебе ни отпусков, ни борщей маминых. Молодых возвращать нужно, свой опыт передавать.

– С чего это? – встопорчился Юрий. – Они штаны в институтах просиживали, а мне теперь расхлебывать? Ну уж нет! Пусть сам возвращается, а нет – гнать его в шею!

– Это ты зря, конечно, – покачал головой дядя Толя. – Радько Якова Валентиновича, может, помнишь? Не он ли тебя по окончании училища прорабом сделал?

– Было дело.

– Не верю, что у него не было кандидатов лучше. Постарше. Поопытнее. Или ты шибко пробивным был? А это я, между прочим, попросил Якова Валентиновича за тобой приглядеть, обучить всему, помочь. Друг это мой, служили вместе.

Юрий недоумённо вытаращился на дядю.

– Тебя послушать, так можно решить, что я своим положением тебе обязан. Может, и с должностью ведущего инженера ты мне подсобил?

– Это уже тебе решать, кому и чем ты обязан. Никто тебя чинов и званий не лишает. Да только вернись ты тогда в деревню, так бы и сидел у мамкиной юбки. А что? Накормят, оденут, от труда уберегут – чем не житуха?

– Глупости! Я бы сам не вернулся! Я в город не баклуши бить поехал, а зарабатывать, чтобы ни мать, ни я больше ни в чём не нуждались! Или забыл, как мы жили? Как денег едва хватало, как возили томаты да яблоки на продажу?

– Ты не распляйся попусту, я это время лучше тебя помню! – резко отсёк дядя Толя. – У матери здоровье уже не то: то давление скачет, то сердце прихватит. Мы с Дуней помогаем, чем можем, но что греха таить, сами не молодеем. Пора и тебе честь знать.

– Так звонил каждые выходные, спрашивал. Не говорила.

– Мать тебя одна растила, привыкла всё сама делать, вот ты и расслабился, – Анатолий Иванович разочарованно выдохнул: – Эх, говорил я Нюрке, избалуешь сына – не слушала, пылинки с тебя сдувала. Досдувалась!

– О чём спор? – Евдокия Наумовна выглянула из сеней, накидывая на плечи цветастый платок.

– Думаем, как лучше лозу пустить, – ловко и быстро извернулся дядя Толя.

– На вот, матери передашь! – Евдокия Наумовна сунула Юрке бутылку домашнего молока, и тот, несмотря на настойчивые тётушкины уговоры вернуться на кухню, вежливо откланялся.

Не заметил Юрий, как семь дичающих дворов остались позади него.

"Нет, будь что со здоровьем или помочь надо, мать позвонила бы, – сопротивлялся он. – Не чужой я ведь, сын как-никак...".

Юрий взволнованно облокотился на осевший деревянный штакетник и взглянул на родной дом, который выглядел осунувшимся, болезненно бледным, с тремя сморщенными глазницами окон и увядшими кустами сирени.

"А ведь про крышу мне ничего не сказала..." – вдруг осёкся Юрий и внезапно ощутил холодок, словно лёгкий ветерок принёс речную прохладу.

Он спешно направился в дом, скинул обувь и прямым, поддавшись необузданному желанию знать правду, отправился в крохотную материнскую комнату. Всё в ней было узнаваемо, стояло на прежних местах, словно и не жил никто десятки лет. За исключением тумбы, где рядом с иконой Пресвятой Богородицы с младенцем на руках лежали начатые коробки и блистеры с лекарствами.

Юрий удрученно опустил на железную койку и, склонив голову, зарылся пальцами в жёсткие волосы. Как долго он бежал к достатку, не передавая эстафеты? Куда бы прибежал в итоге?

– Юшенька, ты чего? – взволнованно слышалось рядом.

Юрий поднял голову, нежно взглянул на мать и заботливо провёл взглядом по паутинкам морщинок на лице.

– Мам, а где у нас лестница лежит?

– В гараже. А что?

– Пойду крышу гляну. А завтра в город поеду. За черепицей.

Яблонька

"Вот и до нас дошёл прогресс!" – радостно подумала Катерина, когда новая маршрутка плавно отъехала от остановки.

Поначалу она даже растерялась, когда вместо тесной кабины с изношенными чехлами она легко заняла свободное место у прохода. Грубые руки водителя успевали одновременно вести машину, переключать шипящее радио и отсчитывать сдачу пассажирам. Девушка удивилась его спокойному, сосредоточенному голосу, а ведь ещё вчера он готов был метать молнии в тех, кто громко хлопал дверью при входе и выходе. Если бы умел. Чаще он милостиво ворчал, выпуская ругательства в пышные усы.

– Доченька, передай, пожалуйста! – услышала Катерина позади себя и ощутила, как костлявый кулак старушки коснулся её плеча.

Передав денежную эстафету рыжеволосой даме, сидящей впереди, девушка надела наушники и погрузилась в свои мысли. На этот раз маршрутка мягко ступала по дороге и не скрипела на ухабах. Поездка заняла всего четверть часа.

Районный центр, в котором жила девушка, всё ближе подбирался современными постройками к самобытной деревне Яблонька с бревенчатыми домами, украшенными резьбой, тёмными дорогами, плывущими чернозёмом в дождливую погоду, и вытоптанными тропинками в траве. Жизнь в деревне текла размеренно и очень отличалась от той, к которой привыкла Катерина. Здесь можно было услышать крик петуха, журчание родника в балке, увидеть несколько коров, выискивающих свежую траву среди колочек чертополоха и горькой полыни. Но она была уверена, что вскоре и сюда доберется прогресс, и, заходя в школу, ей не придется протирать влажной салфеткой свои новые лаковые туфли, а число учеников в классе значительно вырастет.

"Ничего, – подбадривала себя девушка, – поработаю здесь немного, наберусь опыта и пойду преподавать в городе".

Дверь маршрутки неожиданно пропищала и автоматически открылась. Довольный водитель тут же обернулся к пассажирам и сверкнул золотыми коронками зубов. Впервые Катерина увидела его улыбку. Пропустив старушку перед собой и дождавшись, когда освободится выход, она спустилась на песчаный пустырь у дороги. Осеннее солнце робко коснулось её бледной кожи и слабо заблестело на лице, пропитанном солнцезащитным кремом.

Девушка прошла мимо местного магазина – старого вагончика с распахнутой дверью, полупустыми прилавками, неприметным продавцом – и строгого здания администрации с российским триколором на крыше и свежескрашенным палисадником. Шумные загорелые ребята резвились перед школой, наслаждаясь, возможно, последним тёплым днём перед хмурым и ветреным октябрем. Словно пышные банты первоклассниц цвели в побеленных клумбах яркие бархатцы, землю застилала опавшая берёзовая листва.

Уроки тянулись для Катерины так же долго, как и для учеников, и, радостно покидая светлый кабинет после обеда, она как обычно спешила обратно в город. Сонная тишина мягко разлилась по солнечным коридорам школы, строгие учителя одиноко сидели в кабинетах и проверяли домашние задания. Из актового зала зазвучал баян, а со спортивной площадки слышались короткие удары по мячу и громкие возгласы учеников.

"Хорошо, что я не преподаю русский или математику! – подумала Катерина, ужаснувшись бумажным завалам из папок и тетрадей на столах коллег. – С другой стороны, им не поручили вести патриотический кружок два раза в неделю".

Девушка вытащила из кармана пригласительный билет на концерт ко Дню пожилого человека для яблоневского ветерана, одиноко живущего в конце улицы, и вышла из школы. Признаться, она откладывала эту встречу уже пару дней, боялась увидеть немощного старика в кровати, только и бормочущего сквозь дневной сон о войне, и сама же стыдилась своего страха.

"Ты у нас новенькая, сходи, познакомься!" – вспомнились ей легко выпущенные слова директора.

Она прошла мимо пустой остановки и свернула на уходящую вниз, к зарастающей реке просёлочную дорогу. Высокие могучие тополя, кажется, осуждающе покачивались над ней, как недовольно шумит мать над своим нерадивым ребёнком. Дома казались ей пустыми, пока, в который раз, не подбегала к калитке голосистая дворняжка и, гремя цепью, не заливалась на девушку лаем. Так добралась она до крайнего дома с ветхими постройками во дворе и сухими торчащими зонтиками укропа в пустом огороде.

Приподнявшись над зубчатым забором, Катерина быстро оглядела двор – чужих собак она побаивалась с детства. Девушка заметила небольшую будку со старым тряпьем внутри и тут же стала искать глазами мелкую собачонку. Тишина. Кажется, никто не желал её обляять и, не дай Бог, укусить. Но спешить не хотелось, и, робко вытащив из петли накидной крючок, она слабо толкнула калитку.

"Да уж, надёжный замок!" – поразилась Катерина, в два счёта оказавшись в чужом дворе. – Странно, что нет собаки..."

Она ещё раз огляделась и, окончательно убедившись, что опасность ей не грозит, поспешила к бревенчатому дому. Возле двери девушка снова замерла: постучаться потихоньку – вдруг ветеран спит – или громко, чтобы тот наверняка услышал? Терзаясь сомнениями, она неожиданно услышала звук щекотки и увидела на пороге семижильного старика в клетчатой фланелевой рубашке на угловатых, слегка подающихся вперёд плечах и в поношенном трико.

– Здравствуйте! – произнесла Катерина растерянно. – Я к Афанасию Петровичу!

Ветеран приподнял густые, взлетающие к вискам седые брови и внимательно посмотрел на незнакомую девушку светлыми, подслеповатыми глазами.

– Здравствуйте! Я сегодня не ждал гостей...

– Меня зовут Катерина. Я новая учительница истории, а также веду патриотический кружок.

– Это получается, ты вместо Зинаиды Петровны трудишься, – пробормотал он скорее для себя. – Хорошая женщина! Стольких ребятишек вырастила! Жаль только, заболела...

Катерина вежливо выдержала паузу, а потом, как ни в чем не бывало, продолжила:

– Мы с ребятами подготовили пару номеров ко Дню пожилого человека и покажем их послезавтра на концерте. Я принесла вам пригласительный!

Поставив пустые гремящие ведра на пол, Афанасий Петрович забрал простенький билет из рук девушки, аккуратно положил его в карман и твёрдо произнёс:

– Жив буду, приду.

– Обязательно приходите! – нелепо выпалила девушка, словно смерть можно было отложить или запланировать. Прикусив губу, она тут же поспешила исправиться: – Ну, в смысле, мы будем рады вас видеть!

– Не суетись! Мы, старики, неизбежно принимаем свою судьбу. Мне, почитай, в этом году 95 стукнуло! Войну прошёл, детей, внуков вырастил, жену похоронил...

– Соболезную.

– Что это мы с тобой всё на улице болтаем? Заходи в дом, раз пришла! Чаем напою, там и познакомимся.

– Спасибо, но мне...

– Никаких возражений! – в голосе ветерана внезапно проснулись командирские ноты. – Я сейчас воды наберу, а ты пока располагайся.

Морщинистыми руками, словно обёрнутыми креповой бумагой, а не кожей, он схватил ведра и направился к старому колодцу. Жизнь и сила всё ещё кипели в старике, искрились в его глазах.

Катерина нехотя отодвинула старую тюль, висевшую в дверях на резинке, и проскользнула в тёмную сырую прихожую, куда солнечный свет слабо проникал через маленькое, пыльное оконце. Девушка сняла туфли, аккуратно поставила их у входа и по пёстрой ковровой дорожке попала в душную комнату, пахнущую сердечными каплями.

– А ты не из деревни, – зорко подметил Афанасий Петрович, подойдя к плите.

Ряд пролитых капелек воды протянулся за ним по полу, видимо, ведро было прохудившимся и где-то пропускало.

– Я из Никольского.

– Это хорошо, что ты в нашу школу пришла работать! – Афанасий Петрович зашаркал по спичечному коробку. – Молодёжи-то у нас совсем не осталось! Все уезжают, одни старики доживают свой век.

Катерина лукаво улыбнулась, словно её тоже радует, что она оказалась здесь, и достала из сумки пакет с большими красными яблоками.

– Это вам!

– Вот ещё удумала! – ветеран по-доброму расплылся в улыбке.

– Это импортные, они вкусные! И сорт мягкий! – нахваливала Катерина.

Афанасий Петрович положил пакет на стол и сухо поблагодарил девушку.

– Это ты ещё наших яблок не пробовала! Наши сады на весь край славились, оттого деревню Яблонькой и назвали! Ни одни заграничные с ними не сравнятся! Моя маменька до войны такие яблочные пироги пекла! А компоты! От губ не оторвать!

– А после войны? – поинтересовалась Катерина.

Ветеран задумчиво опустил на продавленный диван и устался куда-то в пол. На стене позади него висел лоснящийся ковер с большерогими оленями и серый фотопортрет нескладного паренька в гимнастёрке.

– Отец и я уже были на фронте, когда фашисты вошли в деревню. В нашем доме обосновались четверо, а мама и моя младшая сестра Даша ушли в закутки, чтобы на глаза им не показываться. Дров в доме не было, а сбережённое для коровы сено те кинули в печь в тот же вечер. Потом добрались и до наших яблонек, пилили и топили по-чёрному! Долго они не пробыли и, уходя к Никольскому посёлку, стали дома жечь! Маменька с Дашей в садах разорённых спрятались, сидели тихонько, чтобы их никто не приметил. Даше всего год был, так даже она чувствовала опасность, за всю ночь ни разу не пискнула! Чтобы не замерзнуть, а уже ударили первые морозы, маменька крепко прижимала её к себе, накрыв старым отцовским полушубком. Там же встретила кого-то из соседей, так и просидели они в саду до утра, видя, как сгорает родная деревня.

Внезапно комнату пронзил свист чайника и, не сразу поднявшись, ветеран поспешил к плите. Нарастающий звук становился всё невыносимее для Катерины, в нём почему-то ей слышался детский плач, мольбы, стоны женщин, стариков и треск беспощадных языков пламени.

– Вот и чаёк подоспел! – услышала она в воцарившейся благостной тишине.

– Давайте помогу!

Катерина схватила чайник прихваткой и налила кипятку в две милые фарфоровые чашечки. Затем отнесла их на круглый стол, где уже стояли сахарница и стеклянная вазочка с сушками. Афанасий Петрович сел на прежнее место, Катерина – на скрипящий стул напротив.

– Теперь понятно, почему сады такие, – робко высказалась Катерина, – я мимо них каждый день проезжаю, так из земли один сухостой торчит! – голос девушки затвердел. – Война!

– Нет! – категорично заявил ветеран. – После победы мы потихоньку деревню отстроили и сад восстановили! Ухаживали за ним всей деревней, ведь если подумать, мы ему жизнью обязаны! Первые урожаи были скромные, а с каждым годом плоды были слаще и краше! Посадили ещё один сад неподалеку, стали наши яблочки в посёлок возить, на рынке продавать – так о них и узнали во всей области! А сейчас, – ветеран отодвинул от себя чашку и вновь устался в пол, – до них нет никакого дела, как и до деревни в целом! Умирает потихоньку Яблонька вместе с нами, кто память о ней бережёт. И войны не надо!

Катерине стало жалко старика и, решив не терзать его больше воспоминаниями, она засобира-лась домой.

– Будем рады видеть вас на концерте! – сказала она с улыбкой у дверей. – И спасибо за чай!

– Липовый! – с гордостью произнёс Афанасий Петрович. – Каждое лето соцветия собираю, высушиваю. Душисто получается!

У калитки заскулила собака.

– А, Журка, нагулялась!

Тёмная кудрявая болонка с забавно высунутым языком юрко пролезла под забором и радостно подбежала к старику, запрыгивая на него грязными лапами.

– Опять где-то измазалась! – лукаво отругал он любимицу. – Стой тут! Сейчас лапы мыть будем!

Катерина молча оставила старика, захопотававшего над Журкой, и направилась на остановку. Пылающий закат окрасил кровавым пурпуром каёмку реки, песчаную дорогу и дрожащую листву тополей. Словно потревоженные чайники, кружились, собираясь в стаи, птицы. Полупустая маршрутка уже стояла, дожидаясь положенного времени отправления. Водитель лениво курил в окно, молодые пассажиры молчали, опустив головы к телефонам и лишь на секунду отвлекшись на вошедшую девушку. Она села к окну, чтобы никого не было рядом, и, вытащив по привычке наушники, тут же вернула их в карман.

Маршрутка резко тронулась. Потемневшие деревенские дома и дворы быстро остались позади, сменившись широкой полосой яблоневых садов. Яркий экскаватор всё ещё ездил между длинными рядами яблонек, безжалостно разверзая тёплую землю гремящей металлической рукой. Невольно валялись деревья к смятым, пожелтевшим сорнякам, оголив корявые корни. С громким хрустом ломались стволы и ветви, монотонно пицала бездушная техника.

"И войны не надо!" – вспомнились девушке слова ветерана.

Ещё утром она представляла на этом месте красивые пригородные дома, а сейчас тихонько плакала, проезжая мимо.

Волшебное лекарство

Сегодня Никите исполнилось пять. В который раз он показал маме раскрытую ладонку и воскликнул: "Смотри! Мне уже столько!".

Болезнь в день рождения грустно и скучно. Мама велела лежать в постели, а вместо сока с тортом принесла кислый чай и лекарства. А ещё запретила выходить на улицу, а ведь он не достроил снежную башню!

"С новой лопатой я бы вмиг справился!" – подумал мальчик и вздохнул.

– Выше нос! – тут же отозвалась мама. – Когда выздоровеешь, я обязательно испеку тебе шоколадный торт!

– Мой любимый! Ура! – прокричал Никита, и кашель вновь атаковал мальчика.

– Тише, тебе нельзя кричать!

В большую ложку мама налила вязкий сироп, и Никита, после длительного упрашивания открыть рот, всё-таки выполнил просьбу. Лекарство оказалось невкусным, хотя и приятно пахло апельсином. Мальчик хотел сморщиться, но, услышав мамину похвалу, передумал. Теперь он гордился собой.

– Смотри, кто пришёл!

Лениво переступив порог комнаты, кот добрёл до стола и растянулся на полу.

– Шушука, кис-кис, – позвал мальчик.

Кот мяукнул в ответ, но не сдвинулся с места.

– Мам, дай мне Шушуку!

– Кот – не игрушка! Видишь, не хочет! – объяснила мама. – Попробуй ещё раз.

Мальчик обиженно посмотрел на Шушуку и отвернулся к стене.

– Ты чего? – мама погладила сына по голове. – Может, нам сделать для него волшебную игрушку? Тогда он точно с тобой поиграет.

– Волшебную? – повернулся Никита.

Мама взяла со стола бумагу, нитки, ножницы и села рядом с сыном.

– Смотри! – одну половину листа она сложила гармошкой и несколько раз обмотала ниткой посередине. – Готово!

– И чем же она волшебная? Обычный бантик на ниточке!

– А ты попробуй!

Никита кинул коту игрушку, но тот без интереса посмотрел на бумажку, упавшую рядом.

– Теперь потихоньку тяни бантик на себя, – подсказала мама.

Кот подскочил и, опустив голову и передние лапы к полу, затаился у ножки стола.

– Быстрее!

Шушука кинулся вдогонку, пытаясь схватить бантик лапами. Мальчик расхохотался и не заметил, как нить ослабла и кот, жадно вцепившись в долгожданную добычу, тут же разорвал её на мелкие кусочки.

– Ну вот! – расстроился Никита.

– Ммяу! – довольно мяукнул кот и запрыгнул на кровать мальчика.

– Вот видишь, – заметила мама, – теперь Шушука сам к тебе пришёл!

Никита улыбнулся и притянул кота поближе к себе.

– Мамуль, а когда тетя Вика заберёт Шушуку обратно?

– Через три дня.

– Как же хорошо, что у неё командировка!

– Ко-ман-ди-ров-ка, – проговорила мама по слогам. – Только вряд ли это хорошо, ведь тетя Вика любит Шушуку и очень по нему скучает.

– Я тоже его люблю! – произнёс Никита и, прижав к себе пушистого друга, заснул.

Марина укрыла сына пледом и тихонько вышла из комнаты. Домашние дела ждали её: постиранное, но не поглаженное бельё, почищенный, но не сваренный картофель. Женщина ощутила лёгкий озноб. Кажется, она забыла выпить таблетку, и температура вновь полезла вверх.

"Нет, мне нельзя болеть!" – решила она, словно простуда будет считаться с ней, и отправилась засыпать в редьку мёд и сахар – отличное средство от кашля.

Никита быстро поправился.

– Мам, а когда мне можно будет на улицу? – спросил мальчик перед обеденным сном.

– Завтра придёт врач, и мы у него спросим.

– Эх!

В дверь постучали.

– Это, должно быть, тетя Вика!

– Она заберёт Шушуку? – захныкал Никита.

– Сынок, мы должны его вернуть. А если ты не будешь плакать, то в следующую командировку тетя Вика снова отдаст его нам!

– Можно я с ним попрощаюсь?

– Иди, он на кухне.

Стук в дверь повторился и на это раз был настойчивее и громче.

– Я уже решила, что меня пускать не хотят! – наигранно возмутилась Виктория, оказавшись в крохотной прихожей.

– С приездом, моя дорогая!

– Здравствуйте, тетя Вика! – вежливо произнёс Никита, протягивая кота.

– Ты мой хороший! – умилилась Виктория, взяв Шушуку на руки. – Как он себя вёл? Не беспокоил?

– У тебя хороший кот! – ответила Марина с улыбкой. – Никита его обожает!

Мальчик смущённо встал за мамой и продолжил наблюдать за Шушукой.

– Я так рада! Спасибо! Ты уже здоров? – обратилась она к Никите.

– Да! А вот мама – нет.

Виктория подняла строгий взгляд на подругу и громко воскликнула:

– А мне ничего не сказала!

Марина отмахнулась и пробормотала, что всё это ерунда.

– Ничего себе, ерунда! Может, я могу чем-то помочь?

– Нет, спасибо! Мне уже лучше...

– Ну, смотри! – недоверчиво произнесла Виктория, услышав громкий кашель. – Мне пора, дорога была долгой...

Марина понимающе кивнула и попрощалась.

– О себе не забывай! – напоследок добавила Виктория. – Лечись, и как станет лучше – ко мне с Никиткой в гости!

– Обязательно!

Закрыв за подругой дверь, Марина подошла к сыну и похвалила за хорошее поведение. Она вспомнила о своём обещании испечь торт и стала собираться в магазин.

– Мам, а тебе уже можно на улицу? – робко поинтересовался Никита.

– Не переживай, я выпила таблетку и скоро мне станет лучше.

Поцеловав сына, Марина ушла.

"Как же быстро выздоровела мама!" – удивился Никита и даже немного обиделся, что она не дала ему такое же волшебное лекарство.

ВАЛЕРИЙ ЛАТЫНИН

Москва

Латынин Валерий Анатольевич – поэт, прозаик, публицист, переводчик, член правления Союза писателей России. Родился 19 мая 1953 года в городе Константиновске Ростовской области в учительской семье. Окончил Алма-Атинское высшее общевойсковое командное училище и Литературный институт им. А.М. Горького. Больше двадцати лет отдал военной журналистике. Полковник запаса. Автор более 30 книг, вышедших в России и за рубежом. Лауреат многих российских и международных литературных премий. Живёт в Москве.

МЕЧ ХРИСТОВ

Поэтический цикл

Меч

*...не мир пришёл Я принести, но меч
Евангелие от Матфея 10:34*

На обломках сталинской системы
Глобалисты строят свой ГУЛАГ.
И сегодня ощущаем все мы,
Как циничен и коварен враг.

Платит он бандитам и фашистам,
Чтоб вперёд на их плечах ползти.
Шар земной мечтают глобалисты
Паутиной НАТО оплести.

И уже им грезится победа,
То, что Третий Рим не устоит.
Но Господь потери все и беды
К новой славе русских обратит!

Так всегда в истории бывало.
Верьте, братья, снова будет так!
Вера нас из праха воскрешала.
Меч Христов вздымайте для атак!

Игроки

*Не будите лиха, пока тихо
Русская пословица*

Несколько магнатов и банкиров
Собрались за карточным столом.
В их руках не карты – судьбы мира,
Только мир не ведаёт о том.

Для богатых, словно тля – людишки,
За столом не слышен голос масс.
Господа разбросили картишки,
Ставки там – жизнь каждого из нас.

И пока в умах неразбериха,
Господа мир под себя кроют,
Позабыв, что "Не будите лиха..."
Русские со смыслом говорят!

Сутасшествие

Не могу отрешиться от мысли,
Что Европа лишилась ума,
И удавку, в которой повиснет,
Для фашистов готовит сама!

Неужели же там не осталось
Никого, кто осудит фашизм,
И Европа опять оказалась
Неспособной бороться за жизнь?

*Химера**

Над Украиной – свастика Бандеры.
Всё больше крови "западенцы" льют.
Нелепая майданная химера
Являет суть зловещую свою –

Искоренять дух русичей навеки
И Западу ботинки лобызать,
Чтоб стадные моральные калеки
Не вспоминали собственную мать.

Зачем хранить семейные устои,
Историей и верой дорожить?
Прошедшее ни доллара не стоит.
Забвение – накормит, может быть?

Пьянит химеру запах русской крови,
Предательство сознание мутит.
Святой Руси вставать на бой не внове –
Даст Бог, и в этой битве победит!

* Химера – чудовище с головой льва,
телом козы и хвостом дракона.

Нюрнберг ждёт

Где бы ни запрятался лукавый,
Бог его и под землёй найдёт.
Так и хунту за майдан кровавый
Трибунал нюрнбергский вскоре ждёт.

И какие б силы ни стояли
У авантюристов за спиной,
На небесной пишется скрижали
Летопись истории земной.

Будет суд! Неотвратима кара
И народа, и небесных сил
За устройство бойни и пожара
В колыбели Киевской Руси!

По праву жизни

Всего-то – выслушать людей,
А не давить военной силой,
Ума "вождям от площадей"
Для диалога не хватило!

Когда тебя пинают в зад
Советники из Вашингтона,
Ты – не политик, а снаряд,
Летающий по чужим законам.

Распахана войной земля,
В неё ложится смерти семя.
Народ – соборная семья –
На Украине предан всеми,

Стяжавшими на трупах власть
Во имя западной кормушки.
Добыть свободу иль пропасть
Советуют Донбассу пушки.

Когда заклинило вождей,
Как жить – народ без них решает
И будущность своих детей
По праву жизни выбирает!

Синдром Герострата

Кто дом свой собственный поджёг,
Останется на пепелище –
Таков безумия итог,
А Киев виноватых ищет.

В том, что дома вокруг горят,
И вся земля огнём объята,
Виновен новый Герострат!
И нечего кивать на брата.

Здесь будет мир

Здесь будет мир. Он всё равно наступит,
Хоть кукловоды рознь и бойню длят
И яд толкут в своей медийной ступе,
Но чаянья народа победят.

Народ о жизни без войны тоскует.
Земля томится без сыновних рук.
Здесь слов о мире не роняют всеу
И напоказ не выставляют мук.

Но с каждым днём и часом всё труднее
Народ Донбасса силою сломить.
Он не потерпит хомута на шее –
Под знаменем свободы будет жить!

Киевским панам

Риторикой нацистов – "Дранг нах Остен*"
Повеяло от киевских панов.
Не нужно Вангой быть иль Калиостро,
Чтоб предсказать провал затеи вновь.

У щирых** украинцев ум за разум
Перевернул предательский майдан.
Как опухоль, нацистская зараза
Разъела души и мозги славян.

Они уже не братья и не сёстры
Ни русским, ни сородичам своим.
Трубят поход... Недавние погосты
Солдат погибших – не наука им.

В огонь ведь не полезут трубадуры,
Мальчишек сельских на убой пошлют.
И, если что, начальственные шкуры
За океаном обретут приют.

А людям жить там, где их предки жили,
На той земле, где родила их мать,
Свой хлеб и уголь добывать двужильно,
Растить детей, мир божий познавать.

Причин для распрей выдуманно много,
А жизнь Творцом дарована одна.
Ох, зря, панове, вы гневите Бога –
Отмщение получите сполна!

* Drang nach Osten – Бросок на Восток (нем.).
** Истинный, настоящий (укр.).

Молитва Святому князю Владимиру

Чтоб Русь былинная срослась
Разъединёнными частями,
Пастух Христов – Владимир князь,
Явись сегодня перед нами!

В наследниках согласия нет.
Опять – удельные границы.
И твой отеческий завет
Не помнят правящие лица.

Вновь "печенег" поднялись.
А русичи – в плену мамоны.
Богатыри передрались
На службе зла и беззаконья.

В тяжёлых тучах небосвод.
Повсюду рыщут волчьи стаи.
Тобою собранный народ
Разбрёлся всюду и страдает.

Ты Киевскую Русь распас
И создал воинство Христово.
Не оставляй, заблудших, нас
И собери в державу снова!

О БРАТЕ, О ДОНБАССЕ

ИГОРЬ ЛЯПИН

(1941 – 2005)

Очарованные мои

И под Харьковом, и под Жмеринкой,
И в херсонской степи седой,
Очарованные Америкой,
Вы стоите ко мне спиной.

Вы стоите с обманом под руку,
За добро принимая зло.
Дружба – побоку, братство –
Побоку... Заколдобило. Занесло.

Всё вам видится даль просторная,
Всё мерещится, что сейчас
Та страна, за бугром которая,
В омут бросится ради вас.

Я в обиде стою и горечи:
Соблазнились... И на тебе –
Отвернулись! Уже не родичи –
Ни по крови, ни по судьбе...

Вы из этого мрака выйдете,
Будет ясным, как в Храме, свет,
И побачитэ, и увидите,
Кто наваял вам этот бред.

Но и горько ещё поплачете
Над развалом большой семьи.
Вот увидите, ось побачитэ,
Очарованные мои!

ИРИНА КОВАЛЁВА

Москва

* * *

Воюющий мир принимая в объятья,
Стирая враждой порождённую ржу,
"Работайте, братья! Работайте, братья!" –
Я всем, кто планету спасает, скажу.

Не область одну и не всю Украину,
А мир, от наживы сошедший с ума,
Игрушку легко превращающий в мину,
Из танков стреляющий в чьи-то дома.

Готова слова на весь мир проорать я,
Ведь я не из тех, чей девиз "ни гу-гу".
Работайте, братья! Работайте, братья!
И знайте, что я, чем смогу, помогу.

Какие осколки бы вас ни косили
На политых кровью развилках дорог,
Но вы победить не позволите силе,
Которая в кривде, с которой не Бог!

ИВАН БЕЛОКРЫЛОВ

Москва

* * *

Мы берём не займы, если взяли, то в долг:
В этой разнице – тонкие грани.
Долг рифмуется с долгом, и в этом весь толк –
Тот, который предсказан заранее.

Пусть у недругов сводит в бессилье живот,
Мир мы видим семьёю большою,
Если в чьей-то душе справедливость живёт,
Мы зовём её русской душою.

Что нам стаи тупых человечьих ворон
В их стремлении к вракам досужим.
Нам не важно, в какую идти из сторон,
Если ветер в лицо – передоужим.

Руки-ноги у ярких костров грей не грей –
Без движенья оттаять не просто.
Так выходит, что в помощь нам будет борей,
Баргузин и дыханье норд-оста.

Никого заявленьем нарочно не злю.
Рамки прошлого в будущем узки.
Каждый город, в котором есть место кремлю,
Будет верить и мыслить по-русски.

ВЛАДИМИР АРХИПОВ

Краснодар

Болит душа

Одна звезда упала,
А вздрогнул небосклон...
Ты, Родина, устала
От слез и похорон.

Весенний ветер, классный
Летит, снега круша.
О брате, о Донбассе
Болит моя душа.

Над степью, над излукой
Висит тупая тьма.
От ужаса, от муки
Боюсь сойти с ума.

И кровь по жилам стынет,
И не возьму я в толк:
Неужто друг отныне
Уже не друг, а волк?

Нам рано ставить точку,
Слезу в горсти нести.
Слезами в одиночку
Беду не отвести.

Мы разве оскудели
На мужество и честь?
Давайте править дело,
Пока в нас силы есть!

До смертного предела
Нам Родине служить.
Давайте править дело,
Чтоб стало легче жить!

ЛИДИЯ ВДОВЧЕНКО

Ейск

* * *

Боже правый, сними с мира шоры,
Вату вынь из ушей!
Выгрызает сердца зло-обжора
У чубатых мужей.

Губит души чума-истерия:
"Новороссов – дубась!"
Боже правый и Дева Мария,
Сохраните Донбасс!

Сын Бандеры – по генам, по крови –
Вновь рождён убивать,
Гонит баб в погреба, наготове
Полстраны погребать.

Психбольницы грядут за террором,
Тюрьмы, концлагеря,
Чтобы Юго-восток за забором
Вымирал втихаря.

Жжёным прахом чадит крематорий,
Дым. Одесса сиза;
Словно уксусом жгут слёзы горя,
Выедают глаза.

Боже правый, сними с мира шоры,
Вату вынь из ушей!
Панихиду поют ветры-хоры
Гробу в пять этажей.

ВЛАДИМИР НЕСТЕРЕНКО

Краснодарский край

Горловка вновь возродится

Проведённые в Горловке годы
Не забыл я в кубанском краю...
Узнаю: разбомбили уроды
Тихий город и юность мою.

Не осталось живого квартала –
Лишь воронки лежат на пути.
Возле нашего "Водоканала"
Мест знакомых сейчас не найти.

Как утешить друзей-журналистов
И ровесников наших детей!?!
Проклинаем деянья фашистов
И нацистов сегодняшних дней!

Слава доблестной Армии нашей –
Долгих страхов рассыпался гнёт.
Будет город любимый мой краше
И не раз он ещё расцветёт.

СЕРГЕЙ ТИМШИН

Краснодарский край

Нацки. Мариупольский котёл

Им хотелось, пополнив бандеро-рать,
Камуфляжа свои душонки,
Безответно по мирным домам стрелять,
Да армейскую жрать тушёнку?

Нет, расплате всегда наступает срок!
И не я им желаю смерти:
На земле их карает небесный Бог,
А в аду привечают черти.

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Краснодар

Молодой ополченца в Дебальцево

Постой, я только тягу заменяю,
и можно снова в бой на БТР-е.
Война у нас сейчас, браток, в меню –
война, а не террор, по крайней мере.

Мы с ВСУ воюем вот уж год:
разбито всё вокруг, куда ни глянешь.
Но нас, бедой не сломленный народ,
скакать уж хрен заставят на Майдане.

Не всех, то правда – были байбаки...
Ну, ладно б дети, старики да бабы,
а то ведь, мать их, горе-мужики –
о совести припомнили хотя бы!

Как только укры начали бомбить,
они – за скарб, и сразу прочь майнули...
А, впрочем, пусть сбегают, так и быть –
мне на таких, ей Богу, жалко пули!

Закончится когда-нибудь война,
и эти, блин, домой опять вернуться,
но примет ли предателей страна –
а вдруг опять куда переметнутся?

Плачущий диверсант

*В Донецке пойманному диверсанту ВСУ
после допроса следователя решили показать
то, ради чего он воевал – памятник убитым
детям Донбасса.
Из информационных сообщений 10.05.2018 г.*

Его по улицам вели
и там наглядно показали
то, как осколками секли
всех, кто не спрятался в подвале.

А после – женщины вокруг.
Одна сквозь плач ему твердила,
мол, это – дело ваших рук,
мол, нас не взяли на испуг...
и проводила на могилу.

Вот на коленях ты стоишь
перед надгробною плитою,
где выбит список – дети лишь...
Не каждый выдержит такое.

Сквозь чёрный мрамор – имена
и жизни срок под небесами...
Убила их твоя страна,
что сумасшествием больна –
твоими, в том числе, руками.

В гортани высохли слова,
осталось лишь зубами клацать:
в том списке старшим – восемнадцать,
а младшим – только годик-два...
.....
И горе-диверсант стоял,
у братской памятной могилы,
лишь сквозь рыдания повторял:
"Об этом нам не говорили..."

Жаль, не сойти ему с ума
в неволе среди ночных бессонниц,
где в сердце целятся дома
глазницами пустых оконниц...

ЗИНАИДА КАТУРЖЕВСКАЯ

Армавир

За други своя!

О, если бы могла я, то птицей полетела
И крыльями закрыла страдающий Донбасс,
И сберегла людей от подлого обстрела,
Чтоб светлая заря на небе занялась!

А мир Донбасс не слышит?

А, может, знать не хочет,
Что женщины в подвалах и дети, старики?
Парламентёр из НАТО

с трибуны зло хохочет...
В газетах иностранных
о зверствах – ни строки...

Своих мы не бросаем, а подставляем плечи!
И словом или делом поможем и спасём!
Молитвой у иконы ранения залечим!
Нацистов всех к ответу призовём!

ЮРИЙ ВАСИН

Краснодар

Юрий Геннадьевич Васин – поэт, автор-исполнитель, член правления КРО Союза писателей России. Родился 2 мая 1967 года в г. Горьком. С 1984 года публикуется в периодической печати. В 1994 году окончил отделение театральной режиссуры Краснодарской Государственной Академии культуры. Большое место в творчестве поэта занимает военная тема – в 2000–2003 годах он, будучи офицером ГУИН Минюста России по Краснодарскому краю, принимал участие в боевых действиях в Чеченской Республике. Награждён медалью Министерства обороны России "За укрепление боевого содружества".

Юрий Васин – активный участник бардовского движения. Лауреат Всероссийского фестиваля "Песни Боевого братства", республиканского фестиваля солдатской песни "Горячая точка" и других.

Активно работает в составе жюри на фестивалях авторской песни, проводимых на юге России. Оказывает большую практическую помощь молодым авторам в их профессиональном росте. Часто выступает с концертами, сотрудничает с радио, телевидением, театром и кино. В репертуаре Васина около 350 собственных песен.

В 2002 году Юрий Васин стал победителем Всероссийского конкурса поэтического мастерства среди сотрудников уголовно-исполнительной системы России. По итогам конкурса был рекомендован к вступлению в Союз писателей России. Большую роль в этом сыграл известный российский (советский) поэт Владимир Фирсов. С 2003 года Васин – член Союза писателей России.

В мае 2022 года Юрий Геннадьевич Васин отметил своё 55-летие. От имени коллег по перу и редакции журнала "Краснодар литературный" сердечно поздравляем с юбилеем! Желаем новых творческих свершений! Многая Благая Лета!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОДИНЕ И БОГЕ

*"Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!
С фашистской силой тёмною, с проклятою ордой!"*

С этими словами миллионы советских людей вставали на защиту своей Родины. Были среди них и два моих деда – Игнат и Павел.

Дед Игнат был призван в армию ещё в 1939 году. Прошёл Финскую. С самого первого дня он дрался с фашистами на фронте. Погиб на Украине при освобождении Харькова.

Дед Павел в 1941-м закончил военно-морское училище, став морским офицером, он принял под командование "Охотник" – малый противолодочный катер. Воевал с врагом на Чёрном море, принимал участие в обороне Малой земли, защищал Сталинград. Для него война закончилась в сентябре 1945 года на Дальнем Востоке после победы над Японией.

Когда я был мальчишкой, я, честно говоря, завидовал своим дедам, поскольку по наивности думал, что только на войне есть место подвигу. И только на войне можно проявить свои лучшие качества. Но она давно прошла, и кругом течет мирная размеренная жизнь... Как я был наивен тогда! На долю уже моего поколения выпал Афганистан.

Потом – развал Советского Союза и череда военных конфликтов по всему периметру страны: Приднестровье, Нагорный Карабах, Абхазия...

Затем Первая чеченская война, за ней Вторая... В 2014 году запылал Донбасс.

О моем поколении

А кто-то скажет – было, есть и будет.
 Кому война, кому родная мать...
 Конкретные стоят за этим люди,
 Пославшие нас славно умирать!

За чьи грехи-то было искупление!?
 Но отдавали мы долги сполна...
 За что моё, скажите, поколение
 Кровавые мололи жернова!?

Переродившись в огненной метели
 И повзрослев, увы, не по годам,
 Мы всех людей без всякой злобы делим
 На тех, кто был и тех, кто не был там...

Простые мальчишки, недавно закончившие школу. Которые совсем не были какими-то супергероями. У всех у нас были свои планы на жизнь. Мы хотели учиться, влюбляться, мы хотели просто счастливо жить в своей стране. Но многим из нас пришлось познать значение этого страшного слова: Война! И мы с честью исполняли свой мужской воинский долг.

Курим "Приму" перед боем,
 Загораем на броне.
 Сашка, мы с тобой герои,
 Отличились на войне.
 Нас представили к наградам
 За нелегкий ратный труд.
 Как же дома будут рады!
 Нас с тобою дома ждут!

Но война такое дело –
 Или пан, или пропал!
 Не уйдя из-под обстрела,
 БТР наш догорал...
 Снайпер целил тебе в спину,
 И тверда рука его.
 А меня накрыло миной,
 Не оставив ничего...

Мне сейчас совсем не страшно,
 Но беззвучно я кричу:
 Только без вести пропавшим
 Быть я, Сашка, не хочу!

Тихим облачком склонился
 Я к тебе, товарищ мой:
 Ты б сюда не торопился!
 Слышишь, Санька, ты живой!

Ты расскажешь, как всё было,
 Как в "зелёнке" нарвались!
 Как среди сплошных разрывов
 За тебя цеплялись, жизнь!
 Как героически умирали,
 Кровью харкая в пыли...
 Нас теперь вернуть едва ли,
 Ну а ты, Санёк, живи!

Сашка, мы с тобой герои,
 Отличились на войне!
 Эх бы, "Примку" перед боем
 Покурить бы на броне!

Взять бы в руки автоматы,
 Разогнать печаль свою!
 Да ругнуться смачно матом...
 Но нельзя... Ведь мы в раю...

Обыкновенные мальчишки отдавали свои жизни за Родину. А что такое Родина? У каждого человека своё представление о ней. Но прежде всего – это твои родители, твоя семья, твой дом. Твоя школа, в которой ты учился. Та, самая красивая девчонка на свете, в которую ты был влюблён и которой посвящал стихи. Твоя деревня, посёлок, город, в котором ты живёшь. Вот это всё – твоя малая Родина. Но есть ещё и та необъятная страна со своей многонациональной культурой и многовековыми традициями. И эту огромную страну объединяет, прежде всего, её общая история, уходящая своими корнями в глубокую древность. Мы – великий народ, и наши предки вручили нам эту страну, это государство под названием Россия!

А врагов и доброжелателей всех мастей у нас всегда было предостаточно. И чем сильнее становится наша страна, тем сильнее всю эту "просвещённую западную цивилизацию" коробит от этого. И минимум раз в столетие они собираются до кучи, разворачивают свои знамёна, чтоб пойти на нас войной!

Дали волю лошадям –
Понесли по полю,
Без дороги чрез бурьян
Рыскать свою долю!

Набирайте полной грудь,
Не жалея копыта,
Впрок хмельной дурман хлебнуть
Воли позабытой!

Я – трёхглавый дикий кнут,
Я лежу без дела...
Что же бить, коль так идут!?
Бить мне надоело...

Я лежу на облучке,
Безобидный с виду...
Но готов всегда, везде
Нанести обиду!

Только коням невдомёк,
Я же наготове!
Врежу вдоль да поперек,
Аж до самой крови!

И помчат во все концы
На шальном пределе!
Что, не любо, жеребцы,
А вы чего хотели!?

Эй, несите с ветерком
Без кнута по полю
Вы аллюром, а потом
Вам покажут волю!

Лишь убавите вы ход,
Вам поглажу спины!
Тройка вновь рванёт в галоп
По цветам равнины...

Но каждый раз, приходя на наши земли, они получали по морде. А если не получается победить нас нахрапом на поле боя, то надо нас задавить другими, более изощрёнными, способами. Подорвать экономику, объявив кучу всяких санкций и ограничений. Главное – завернуть это в красивую обёртку. Убедить своего обывателя, что всё это делается ради какого-то вселенского блага, ради процветания главного изобретения человечества – демократии. А что стоит их демократия, принесённая в другие страны под крыльями бомбардировщиков, мы знаем на примере Югославии, Ирака, Ливии.

Вот спрашивается: а чего людям не живётся спокойно? Живите, торгуйте, богатеите, и будет вам счастье! Но только просвещённый западный мир для того, чтобы сладко спать и вкусно есть, должен постоянно заниматься грабежом других народов. Увы, но вся история говорит об этом. Великая Римская Империя, покорившая полмира. Крестовые походы, в которых Европа, прикрываясь именем Христа, занималась всё тем же банальным грабежом. Экспансия в Южную и Северную Америки, в Африку, Индию, Азию. Везде мы видим одно и то же – грабёж, грабёж, грабёж и безжалостное истребление местного населения. Но просвещённая Европа на то и просвещённая, чтобы придумать "железобетонные" оправдания для своих преступлений. И все, кого они уничтожали, были у них дикарями, варварами, безбожниками и прочими недочеловеками. И мы отлично помним, какие задачи ставили перед собой вооружённые расовой теорией истинные арийцы по уничтожению славян во время своего последнего нашествия!

Нича-дура

А кто сказал:
Я дура, я слепа!?
Я сейчас развею заблужденье!
Вот механизм дослал
Меня в канал ствола...
До выстрела всего одно мгновенье...
И говорю я гильзе:
Отпусти!
Хоть мы – патрон, и наш союз опасен,
Но скоро вырвусь я
И на своем пути,
Как молнию,
Оставлю алый трассер!

Но что-то затянулся этот старт.
Ты что ж, стрелок, усердие оставил!?
Я знаю, что пойду не наугад,
Меня ты точно в цель свою направил...
Курок пошёл,
Боёк велит начать!
К чему теперь пустое промедленье!?
Я с радостью иду,
Устала ждать!
Я начинаю дикое вращенье!
И вырвавшись на волю из ствола,
Я смерть несу своим тупым усердьем...
Так кто сказал: Я дура!? Я слепа!?
Я не слепа, Я лишь немилосердна!

И не за грош жизнь чью-то оборву.
И, кожу разорвав, застряну в теле...
С каким же наслаждением я бью,
Особенно –
По движущимся целям!

А вот и он бежит, врагов кляня.
Ну, здравствуй, друг,
Я рада нашей встрече!
Я холодна, нет сердца у меня,
Зато внутри сидит стальной сердечник!
Сейчас тупой последует удар.
Как жаль –
У наслажденья миг короткий.
Меня стрелок отлично в цель послал –

Чуть-чуть пониже съехавшей пилотки!
Но, просвистев,
Лишь обожгла висок!
Промчалась мимо в бешеном угаре!
И на излете,
Пропахав песок,
Осталась там куском остывшей стали!
Так кто сказал:
Я дура! Я слепа!
Опасное же это заблужденье!
Ведь вслед за мной другая из ствола
Уже пошла,
Начав своё вращенье...

И сейчас всё – то же самое. И вслед за одной упоротой пулей уже пошла другая. Противостояние между западной цивилизацией англосаксов и нашей русской цивилизацией достигло предела. И методы против нас применяются те же самые. Главное – нас расчеловечить, объявить империей зла, ордой безумных орков. А для этого нужно лишить нас нашей истории, растоптать нашу культуру, уничтожить духовные скрепы нашего общества. Заставить нас самих поверить в то, что мы – люди без роду, без племени. И все наши достижения – это собирание клюквы на мокшанских болотах!

И сегодня все маски сброшены. Против нас объявлен очередной англосаксонский крестовый поход. С тем лишь отличием, что сегодня западное воинство выступает под знамёнами либеральной толерантности, полного отказа от всяческой морали, семейных ценностей. И всё это вздобрено беспрецедентной ложью. Всё извращено и перевернуто с ног на голову.

Мне бы ангелом взмыть
В небеса высоко.
Протянуть жизни нить
далеко, далеко...
В райских песнях воспеть
Все начала начал.
Научиться бы петь,
Чтобы пел – не кричал.
Научиться бы мне
Свято верно любить.
Да по ранней весне
В небо к ангелам взмыть!

Там, где ангелы щебечут,
Всё же легче.

Мне бы волком завывать
От тоски на луну.
Так нельзя дальше жить,
А вот как – не пойму.
В волчьих песнях воспеть
Дух свободы в ночи.
Научиться бы петь!
Да кричат – замолчи!

Научиться бы мне
От погонь уходить.
Да при полной луне
В небо волком завывать.

Там, где волки ждут картечи,
Всё же легче.
Мне бы ангелом взмыть...
Да смотаться б к чертям!
Протянуть жизни нить
По безбожным ночам.
В райских песнях воспеть
Дух свободы в ночи!
Научиться бы петь!
А душа всё кричит!

А душа вся в огне!
Неуютненько здесь...
Научиться бы мне
Быть лишь тем, кто я есть!

Там, где ангелы щебечут,
Там, где волки ждут картечи,
Всё же легче!

И вспоминаются слова из 12-й главы "Откровения Иоанна":

"... И произошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе.

И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаной, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним".

Но эта битва между добром и злом не закончена. Она в самом разгаре. Мы её свидетели. Мы её участники.

"...Горе живущим на земле и на море! Потому что к вам сошёл диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени".

Ты веришь золотом креста,
И Бог воздаст тебе.
Я тоже верую в Христа,
Когда прижат к стене.

Когда никто другой помочь
В миг тяжкий не спешит,
Когда кругом хмельная ночь,
Когда неведом стыд.

Когда грехи сдавили грудь,
Когда совсем один,
Когда подолгу не уснуть
Средь жутких образин.

Тогда я верую в него,
А не поможет – пусть...
Но чтобы не видал никто,
Тихонечко крещусь.

Укрыта вера в глубине
Больной души моей,
И незачем кичиться мне
Молебнами церковей.

Как странно, но пред вами чист
И, веруя в Христа,
Я говорю: Я атеист,
И не ношу креста.

У любого здравомыслящего человека всегда много вопросов, много сомнений. Кто он, зачем появился на свет? Каково его предназначение? Что он может дать миру? Именно дать миру, а не взять от него. И многие из нас в результате своих поисков приходят к Богу. К Богу в своей душе. А что такое Бог? Это значит жить по совести, по справедливости. Быть готовым пожертвовать собой ради других.

Здесь – мы, там – они,
Посредине ничья полоса.
Нет здесь войны,
Только закрою глаза...
Птицы поют –
Им чего унывать.
Ведь они не поймут,
Как не хочется мне умирать!

Здесь – мы, там – они,
В травах высоких лежим.
При рожденье зари
За тебя мы цепляемся, жизнь!
Синей дымки наряд
Лес накинул, как плед.
Я увидел закат
И мечтаю увидеть рассвет.

Здесь – мы, там – они,
Лопатами землю грызём.
Долго тянутся дни,
И как камень стал твёрд чернозём.
Ты пригнись лучше, друг,

Положись на меня,
А то ухнет, и вдруг
Пухом станет родная земля!

Здесь – мы, там – они.
И обманчива тут тишина.
Вашу трель, соловьи,
Оборвёт и заглушит война!
Простучит пулемёт
Свою злобную трель
И пехоту прижмёт
В "незначительность наших потерь"...

Здесь – мы, там – они.
А за спинами солнце встаёт.
Время есть, отдохни –
Пока не накрыл артралёт!

Тишины больше нет,
Снова пули свистят...
Я увидел рассвет
И мечтаю увидеть закат...

На фронте всё ясно и понятно. Здесь ты – там враг. И нужно просто добросовестно выполнять свою нелёгкую солдатскую работу – умело бить врага до самой Победы!

И мы, конечно, все герои. Но только своим мужским умом подчас не понимаем одну простую вещь: самое трудное в нашей жизни – это ждать! Ждать отца, мужа, сына. Ждать, пребывая в полной неизвестности. Что с ним? Живой ли? Может, ранен? Следить за скуными сводками с фронтов. И, как глотку свежего воздуха, радоваться любой маломальской весточке о своём любимом!

Эх, мужики, мужики! Нашим женщинам памятники нужно ставить! За их терпение, за силу Веры, за их молитвы! Наши женщины – наш самый крепкий и самый надёжный тыл. Враги хотят лишить нас памяти, хотят лишить нас нашей истории. Но мы отлично помним, что в годы Великой Отечественной войны на хрупкие женские плечи выпала тяжёлая ноша – ковать Победу у станка в заводском цеху, производя технику и боеприпасы для армии, и выращивать хлеб на колхозном поле. А при этом ещё и поднимать детей. Разве можно оценить этот подвиг?! Где то мерило, та линейка, которой его можно измерить!? Наши женщины заменяли ушедших на фронт мужчин, осваивая самые мужские профессии – токарь, сварщик, стропальщик, водитель или, как тогда говорили, шофёр. Очень почётная в те времена была профессия, чисто мужская.

И снова я хочу рассказать историю своей семьи. Вот мой дед Игнат и был как раз шофёром. Он работал на автобусе, созданном на базе легендарной "полуторки". А баба Соня работала воспитателем в детском саду. И в 39-м году, когда он ушёл на Финскую войну, она по комсомольской путёвке, закончив курсы ОСОАВИАХИМА, заняла его место. После начала Великой Отечественной её автобус переоборудовали в санитарную машину для перевозки тяжелораненых бойцов. Самым страшным для двадцатилетней девчонки стал первый год войны. И маршрут у автобуса был один. Железнодорожный вокзал – госпиталь. Госпиталь – кладбище. Кладбище – железнодорожный вокзал. И так изо дня в день. Подчас по 18–20 часов в сутки. Только на ж.д. сортировке удавалось выискивать какое-то время для отдыха в ожидании санитарных эшелонов.

Однажды баба Соня мне сказала: "А ведь в большинстве своём мы не были какими-то патриотами. Просто мы по-другому не умеем! Каждый честно делал своё дело, на сколько хватало сил. Вот и весь патриотизм".

Мы с вами живём в переломное время. Сегодня решаются судьбы мира. Судьба всего человечества. И от каждого из нас зависит, что нас ждёт в будущем.

А кругом разлилась тишина.
Никогда я не слышал такой.
Может, кончилась эта война.
Быстротечный закончился бой.

И не слышно охрипших команд,
И разрывы совсем не слышны...
Лишь лежит у дороги солдат,
Обалдевший от той тишины.
В подорожник уткнулся лицом.
Рядом с ним догорает броня...
Только мне этот парень знаком.
Пригляделся – а это же я!

Это я был сегодня убит
И укрыт золотым октябрём,
И душа безмятежно парит
Над колонной, накрытой огнём.
Не внесён ещё в список потерь.
Это дело каких-то минут.
И бесшумно захлопнется дверь,

Дверь туда, где давно меня ждут.

И другие, устав от побед,
Вам расскажут об этой войне...
Ну а я... А меня больше нет.
Растворился я здесь в тишине...

Бушевала кругом тишина.
Никогда я не слышал такой.
Но не кончилась эта война,
И ещё не закончился бой.

И нельзя мне сейчас уходить,
Бросив свой окровавленный взвод...
Отчего же так больно в груди!?
Обожгло нестерпимо живот!

Кто-то, сбросив с плеча автомат,
Хрипло матом орал надо мной:
– Эй, тащите его в медсанбат!
Да скорее, ведь он же живой!

Молитва матери

Держись, сынок, держись!
Шепчу свою молитву...
Ты выиграл бой за Жизнь!
За жизнь ты выиграл битву!

Кровавые бинты.
Больничная палата.
Исполнил с честью ты
Священный долг солдата!

Держись, любимый мой!
Затянется пусть рана!
Вернёшься ты домой
И скажешь: Здравствуй, мама!

А кто-то считает, что это совсем не наше дело... Какая нам разница до того, что у них там на Украине происходит? Это уже другая страна. И, оказывается, мы – другой народ, и никакие мы не братья. И нет у нас ничего-ничего общего. А у себя они что хотят, то и творят.

Но мой дед Игнат погиб в 1943 году, освобождая от фашистов Харьков. Поэтому – это моё дело! Это моё дело, когда по городам Украины оскверняют и сносят памятники воинам-освободителям, когда фашистские молодчики зигуют на факельных шествиях, а улицам и проспектам присваиваются имена фашистских пособников: Бандеры, Шухевича и прочих.

Это моё дело, когда ветеранам Великой Отечественной войны запрещают надевать их ордена и медали. Их оскорбляют, избивают, обливают зелёной за георгиевскую ленточку.

Я знаю, что мой дед и миллионы советских солдат отдали свои жизни не для того, чтобы сегодня глумились над их памятью!

Никто не забудь! Ничто не забыто! – для моего поколения это не пустые слова. В своих сердцах мы храним память о тех, кто дал нам право на жизнь, защитив мир от фашизма в 45-м. И мы сделаем всё для того, чтобы сломать хребет фашистской нечисти сегодня!

Штыковая

Нашим дедам и прадедам посвящается

На поле осыпалась рожь.
Над полем прохрипело: Танки!
И в этот миг осознаешь
Всю немощь штыковой атаки!

Горят проклятые, горят!
А помирать кому охота!?
Без них попятилась назад
Во ржи немецкая пехота!

Под каску сжался целый мир –
То, что являлось тобою...
Но отрезвляет командир –
Гранаты приготовить к бою!

Свой урожай пожнёт война,
Смерть снова будет не в накладе...
И, чертыхаясь, старшина
Штык трёхлинейке приладил.

О бруствер треснула броня
И замер танк, огнём объятый!
И закружил второй, дымя,
И третий встал, четвёртый, пятый...

– Ну что, сынки мои, пора!
Сейчас покажем супостату!
Над полем взорвалось: Ура-а!!!
В бой штыковой пошли солдаты!

Не все готовы брать на себя ответственность. Кто-то поспешил быстренько уехать за границу и оттуда вещать, посыпая голову пеплом, что им стыдно, что они русские...

Я вас успокою, господа, которым стыдно за Россию, за свою принадлежность к русской цивилизации: Вам нечего стыдиться. Вы не русские! И никогда ими не были! Вы – обычные манкурты. Люди без Родины, роду и племени. Без своих духовных исторических корней. Вы сами сделали свой выбор. И нам с вами не по пути.

Да, я Русский! Я этим горжусь!
Лишь пред Богом встаю на колени.
За мною правда и Святая Русь!
Честь, слава, опыт предыдущих поколений!

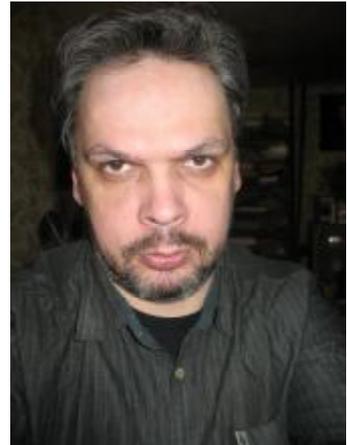
Украинец, якут, белорус,
Осетин, караим и мариец.
Адыгеец, бурят, грек, тунгус,
Ханты, манси, черкес и тувинец!

Да, я русский, татарин, калмык.
Я карел, я мордва, я аварец.
Я еврей, кабардинец, кумык.
Я чеченец, лезгин и нанаец.

Народы всей большой моей страны
Навеки стали мне по духу побратимы!
Сплочённостью, единством мы сильны!
Пока мы вместе – мы непобедимы!

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ

Санкт-Петербург

Сергей Николаевич Павлов родился в 1976 году в Ленинграде, окончил Балтийский государственный технический университет Военмех (БГТУ). Писать стихи начал в 2019 году. Соавтор десяти научно-популярных книг. Член Всероссийского общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР), общества "История воздухоплавания, авиации и космонавтики" (ИВАК). Лауреат литературных конкурсов.

И Я В ТОМ СТРОЮ...*Письмо с фронта*

Я тебе напишу небольшое письмо,
Ты прочтешь его, глядя в слепое окно.
И увидишь не буквы, а мысли-слова:
Все, что я написал, чем полна голова.

Как бросаюсь в атаку, устало хрипя,
Как в окопе сыром вспоминаю тебя.
Огонек от копилки окопной моей
Освещает мне фото, и сердцу теплей.

Ты такое же фото возьмёшь со стола...
Что ж, лихая невзгода на всех нас легла.
И письмо поцелуешь, и тихо вздохнёшь
И, наверное, ночью уже не уснёшь.

Отступленья

Нам надо идти, но земля не пускает вперёд.
Нам надо идти, но вперёд в этот час –
отступленья.
Как горек тяжёлый, без боя, прощальный уход!
Как тянутся болью прощальные эти мгнове-
нья!

Прощенья не просим. Его, как оружие в бою,
Мы вырвем и мы победим в этой битве до
смерти.
Тогда уж и песни великие пусть пропоют
О нашей войне и, конечно, о нашей Победе.

Наступленья

Проверь патроны, завтра будет бой.
Протри затвор, перебери все ленты.
Не петушинный крик, а минный вой
Нам возвестит явление рассвета.

И не сороки громко затрещат,
Пугая тишину, вещая утро,
А пулеметы враз заговорят,
Не умолкая даже на минуту.

Вот тут и мы под этот гром и вой,
Под танков рёв, где не расслышишь стона,
Пойдём вперёд на этот смертный бой
И отступить сегодня нет резона.

Шофёр

Машину разгрузили не спеша,
И руль шофёр навеки отпустил.
Земля родная, как ты хороша!
В могиле спину, ноги распрямил.

А сколько лет назад сломался лёд
На Ладогe! В машине – там, на дне
Он руль держал. И всё глядел вперёд
На мёртвом, на стальном своём коне.

И вот закончен рейс в десятки лет,
Достигнута черта, разорван круг.
Теперь, шофёр, тебе забвенья нет.
Ты отдохни, поспи спокойно, друг.

Небо зовёт

Слышишь, моторы опять запевают
Песню свою.
Видишь, опять самолёты взлетают
В ровном строю.

Помни, и я в том строю – русский воин,
Место держу.
Мне помаши на прощанье рукою,
Я крылом помашу.

Ты не грусти, не тоскуй, дорогая,
Небо – мой друг.
Ты доверяй ему, слышишь, родная.
Вышли на круг.

Вот и посадка, умолкли моторы,
Кончен полёт.
Милая, хватит пустых разговоров,
Небо зовёт!

ОЛЬГА ХУДЯКОВА

Краснодарский край

Худякова Ольга Борисовна – член Союза писателей России с 2017 года. Родилась в Ленинграде в 1967 году. Детство прошло в живописных местах Сибири, в посёлке Вершина-Тёя Красноярского края. Затем с родителями переехала в казахстанский город Хромтау. После окончания школы поступила в техникум деревообрабатывающей промышленности в Санкт-Петербурге. По окончании техникума по распределению работала в городе Пушкин. Позже переехала жить по месту работы мужа в город Ленинск Кзыл-Ординской области. В 1996 году семья, в которой росли две дочери, обосновалась на Кубани, в станице Новорождественской Тихорецкого района.

Со школьных лет Ольга Борисовна очень любила читать. Особенно нравились стихи Пушкина, Есенина, Лермонтова, Ахматовой, Блока. Сочинять стихи начала с 35 лет. Занималась в литературном объединении Севера Кубани "Родник" под руководством Генриха Ужегова, который активно способствовал становлению поэтического дара своей воспитанницы и рекомендовал её в члены Союза писателей России. В последние два года занимается в родниковском филиале – литературном объединении "Родничок", организованном при сельской библиотеке ст. Новорождественской. Подборки стихов поэтессы публиковались в районной газете "Тихорецкие вести", в коллективных сборниках, в частности, в сборнике "Родники Челбаса". Ольга Худякова – автор поэтических сборников, изданных на Кубани.

Редакция журнала "Краснодар литературный" поздравляет Ольгу Борисовну с юбилеем. Желаем новых творческих достижений и всего самого доброго!

ЧТОБЫ ДАЛЬ БЫЛА СВЕТЛА...

* * *

Плеснуло небо синевою
так, словно стало близко-близко,
с годами поседевший воин,
застыв, стоит у обелиска.

Но отчего на сердце смута?
В его глазах блестят слезинки.
Ему приснилась этим утром
сестричка медсанбата Зинка.

Она его, едва живого,
закрыла от смертельной пули.
Её глаза он вспомнил снова,
как в серой мгле они тонули.

Он вспоминает, как солдаты
шли под бомбёжками в атаки,
и как от брошенной гранаты
дымились вражеские танки.

Полощет ветер стяг Победы,
что над страной сегодня реет,
а он придёт домой к обеду
и сердце стопкою согреет.

Бойцов погибших вспомнит лица,
альбом потрёпанный достанет
и будет вновь листать страницы
пороховой военной дали.

А там – его родная рота,
а там горит передовая,
и медсестричка там, на фото,
такая юная, живая...

Рукой погладит фотоснимки,
где словно прошлое вернулось,
где он успеет крикнуть Зинке,
чтоб та от пули увернулась.

* * *

Сквозь берёзовую проседь,
сквозь берёзовую грусть,
вдаль – туда, где неба просинь,
я смотрю, не насмотрюсь.

Серебрятся, серебрятся
тонких веток кружева,
а берёзкам, может, снятся
поздней осени слова,
что она им нашептала
перед тем, как уходить.
Этот шёпот, чуть усталый,
не забыть бы, не забыть...

Может, тем берёзкам снится
ускользнувшее тепло.
Иней дрогнет на ресницах,
а вокруг белым-бело.

У зимы свои задачи,
до других ей дела нет.
Ей природой счёт оплачен
всё покрасить в белый цвет.

Дней осенних позолоту
перекрасила – не жаль,
только душу отчего-то
студит инеем печаль.

Может, мне, как тем берёзкам,
тоже хочется тепла,
чтоб зимы дремоту сбросить,
чтобы даль была светла.

Оттого ль я утром рано,
чтобы душу отогреть,
вновь иду на ту поляну,
где берёзки в серебре.

И небо слушать

С собою спорить без конца,
с чем не согласна – отрицать
зачем? Не стоит.
Былое скроет листопад,
и ты оглянешься назад,
а там – пустое.

Дождь начинается с утра,
день свяжет завтра и вчера
привычной грустью,
но боль, что раны сердца жгла,
под взмах осеннего крыла
тебя отпустит.

Зима опять возьмёт разбег,
и оберегом станет снег
промокшим душам,
чтоб вновь на белом полотне
писать признания весне
и небо слушать.

Пока кружится вальс

Ещё один зимы стремительный разбег,
снежинок пелена летит пушистой стаей,
и даже на висках твоих белеет снег –
как жаль, что он весной на солнце не растает.

Как жаль, что не сойдут морщинки возле глаз,
но знаешь, милый друг, грустить нам рановато.
Пусть вьюга за окном, а мы поставим вальс
и память пригласим, и вспомним о приятном.

И мы поймём тогда, что было всё не зря,
и тучи, что плывут, ещё не так горячи,
и рядом с нами есть надёжные друзья,
и наш финальный срок судьбою не озвучен.

Пока не всю листву на землю сбросил клён,
и лист сверкнёт звездой, на ветке догорая.
Зима, не торопись природу взять в полон,
где белым станет мир от края и до края.

Осенний листопад, как откуп для зимы,
где осень платит дань потухшею листвою,
но вдруг настигнет мысль,
ведь листья – это мы:
ещё один упал, чтоб прорасти травую...

Но пусть заглянет в дом печаль не в этот раз,
пусть музыка звучит и юность возвратится.
Пока горят глаза, пока кружится вальс,
совсем не страшен снег, что на виски ложится.

А ч разлики

Шикует осень, правит балом,
пьяна фруктовым, сладким соком.
Листва, в кострах сгорая ало,
летит над миром поволокой.

И ты решила – бал осенний
души усталой не остудит.
И будет осень – во спасенье,
людских не разрушая судеб.

Но эта осень, эта осень
под тихий шёпот увяданья
разделит жизнь на "до" и "после",
сменяя встречи расставаньем.

Затянет дали паутиной,
дождя седой засыплет крошкой,
и от разлук душа застынет
уже совсем не понарошку.

И незаметно, незаметно
там, за ближайшим перекрёстком,
твои мечты подхватит ветром
и вдаль умчит, как листьев горстку.

Пусть дождь тебе целует руки –
он не согреет их нисколько,
а у разлуки, у разлуки
глаза, что осень, с поволокой.

А в этом мире я

Деревья ветру что – они тростиночки,
он их, играя гнёт, промчавшись с грозами,
а в этом мире я – всего былиночка,
и об одном прошу: помилуй, Господи!

Дай силы выжить мне, где на изломе дней
от стаи птахой я отбилась малою.
Не покидай, молю, ведь без любви Твоей,
как без глотка воды, давно пропала б я!

Берёзка тонкая под ветром клонится,
но к солнцу ветви вновь потянет деревце,
а над землей летит, ликуя, звонница,
и вера свечкою на сердце теплится.

Шарманщик-осень

Как прожить в мире этом без фальши
и ошибок, теряя друзей?
В парке осень – усталый шарманщик
крутит ручку шарманки своей.

А над миром раскинулась просинь
неба яркого, словно платок,
и под звуков цветастую россыпь
в лёгком вальсе кружится листок.

В старом парке поднимется ветер,
отменяя привычную тишь.
Знаю, осень, ты мне не ответишь,
лишь немного слезой погрустишь.

Лист осенний все кружит и кружит
мотыльком у судьбы на краю.
Эх, шарманщик, метелью завьюжит
очень скоро шарманку твою.

И морозная зимняя свежесть
сединай тронет рыжую медь,
но так хочется с тихой надеждой
на осенние краски смотреть.

И по-прежнему верить, что снова
всё вернётся на круги своя,
потому что и резкое слово,
и ошибки прощают друзья.

Заплетает узор паутинок
уходящего времени нить,
но под музыку лёгкого сплина
ты пока не спеши уходить.

Ну, подумаешь, ветер-обманщик
тихо тронул тебя за плечо,
я прошу тебя, милый шарманщик,
покрути свою ручку ещё.

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТЕНА

Нина Хруш

Гулькевичи

Светobelиска

Давным-давно, где билась рота,
Несла потери, шла на риск,
Застыв, стоит у поворота
Высокий, тёмныйobelиск.

Земля под ним еще свинцовой.
На ней нежней из года в год,
Как сон с солдатских изголовий,
Трава зелёная растёт.

Идут дожди и ветер свищет,
Луна высокая плывёт –
Никто тех мальчиков не ищет
И у крыльца никто не ждёт.

Никто, никто... Краснеют маки,
Мелькает всполохом гроза.
Сверкнёт непрошено слеза
Над чёрным мрамором атаки...

* * *

Мы стали добрее и старше,
Но трогает душу до слёз –
Играют военные марши
Среди тополей и берёз.

Деревья, дома, полустанки
Промчат за вагонным стеклом,
И только "Прощанье славянки"
Преследует сердце тайком.

Мы послевоенные дети
И памятью сердца сильны.
Пусть марши гремят на планете,
Пусть пушки замолкнут войны.

Но снова идут новобранцы,
И медленно сердце замрёт,
Когда над перронами станций
"Прощанье славянки» плывет.

Виктор Деревянко

(1938 – 2014)

Я жду тебя, отец...

Я на всю жизнь запомнил миг,
он был, как страшный сон:
в июньском мареве затих
военный гарнизон...

Фашисты бомбами, свинцом
взорвали тишину...
Трёхлетним мальчиком с отцом
я встретил ту войну.

Отец провёз нас сквозь огни
на Витебский вокзал.
– Родная, сына сохрани, –
Он матери сказал...

Боль расставанья на лице
и мессершмитов гул –
вот это всё, что об отце
я в сердце берегу.

Огнём фашистов угощал
твой артдивизион.
А в сорок третьем постучал
нам в двери почтальон.

Без крика мама вся дрожит,
и лишь рука у рта...
А мне всю жизнь пришлось прожить
со словом "сирота".

Погибших нет – как ни зови...
А кто понять готов
лишённых детства и любви
девчат и пацанов...

Сильны мы памятью сердец,
Победою сильны!
А я всё жду тебя, отец,
всё жду тебя с войны...

Николай Ситников

(1938 – 2021)

Элеватор

Мой городок, тебе досталось:
на камне камня не осталось.
Лишь элеватор, как скелет,
как призрак тех, военных лет.

Огромный, прочно в землю врытый,
стоял, снарядами пробитый,
пугая сотней рваных ран.
Но он манил, как ветеран...

Взбирались мальчики всё выше
смотреть грачей на самой крыше.
Над ними бункер нависал,
и зайчик солнечный плясал.

Из дырки, пулею пробитой,
тянулся, дождиком умытый,
как будто в поле из межи,
зелёный колосочек ржи.

Юрий Сердериди

(1933 – 2008)

У Колдун-горы

Я видел дуб – он весь изранен –
у памятной Колдун-горы.
Стоит, как воин после брани,
в морщинах вековой коры.

Волну морскую гонят бризы,
и листья медные дрожат.
И жёлуди под ним, как гильзы,
в траве, нагретые, лежат.

Он помнит, помнит те норд-осты
над телом раненной земли,
когда в бессмертие матросы
в изодранных тельняшках шли.

Когда на огненные кручи
матросов шёл девятый вал,
а он, зелёный и могучий,
своей их грудью прикрывал.

Виталий Серков

Сочи

Сон

Мне снился сон: отец мой жив,
Но весь израненный вернулся.
Я, круг сомнений завершив,
В плечо отцовское уткнулся.

Ему я мало доверял,
При жизни часто с ним не ладил,
А он меня не укорял
И лишь затылок нежно гладил.

Я был виденьем потрясён:
Вот так в глубинах подсознанья
На миг сомкнулись явь и сон
В неисполнимые желанья.

Генрих Ужегов

Тихорецк

Дыхание вежливости

В степи широкой, в краю привольном,
за тихим Доном, как великан,
под ветром южным, под солнцем знойным
стоит высокий седой курган.

Здесь буйный ветер траву ласкает,
здесь вольный коршун всегда кружит,
и только камень надгробный знает,
кто безымянный под ним лежит.

Ирина Верина-Михалкина

Москва

Зорька

Маме

Второй шёл год священной той войны.
Зима заплакала в преддверии весны,
А по кубанским детско-старческим станицам
Тянулись немцы, отступая, вереницей.

Однажды в дом один без приглашенья
Пришли солдата два из чужеземья,
И в спешке, требуя отдать последний хлеб,
Обшарив дом, ворвались нагло в хлев.

В пристройке, женскими руками возведённой
И ветошью повсюду утеплённой,
Мычанием их встретила корова,
Разбуженная незнакомым словом.

Рука чужая грубо, неумело
На шею цепь накинула тугую.
Корова б раньше разразилась гневом,
Ну, а сейчас хранила жизнь другую...

И непривычно разъезжались ноги,
Врастая в чернозём, набухший от воды.
К телеге, вставшей посреди дороги,
Её привязывал верёвкой поводырь.

Вот тронулись... И вдруг калитка
Как будто застонала долгим скрипом,
И девочка в наброшенной накидке
Пронзила тишину молящим криком.

Руками худенькими цепь тянула,
Просила, плакала и что-то объясняла.
Но в колее размытой утонула
Её надежда вместе с жижей вялой.

"Поймите! Маленький телёнок будет!
Верните Зорьку! Будет "кляйне ку!".
Но девочка не знала, что из судеб
Разбитых детских враг слагал войну.

И на телеге только русский пленный
Дал волю накопившимся слезам,
И, не боясь расплат поры военной,
Измученную Зорьку отвязал.

Под утро, вздрогнув, девочка проснулась
От слабого мычанья во дворе.
"Скорей вставайте! Зорька к нам вернулась!".
Вернулась, чтоб припасть к своей земле.

В дыханье жарком было столько боли,
В глазах страх пережитого застыл.
А в теле, успокоенном на воле,
Спасённый матерью ещё телёнок жил.

Ночами часто я бегу за Зорькой,
Но вязнут ноги в чернозёме –
не догнать...
И с девочкой по-детски плачу горько,
К груди своей хочу её прижать.

Ольга Новожилова

Краснодар

Папа

Война позади. Коммуналка. Рассвет.
Июнь. Ленинград. Сорок пятый.
Девчушка шести с половиною лет
ждёт с фронта любимого папу.

Будильник поставлен, он знает свой час,
он верит в сплетения судеб,
и утром опять, как бывало не раз,
настойчиво девочку будит.

Она, потирая спросонья глаза,
на кухню идёт по привычке:
– Мне к поезду надо идти на вокзал,
тётъ Люд, заплетите косички.

Да только быстрее, нельзя опоздать,
стоит он всего лишь минуточку!
– Ты, Женя, с дежурства бы встретила мать,
с ней вместе б... Послушай тётъ Людочку!

Но девочки шустрой простыл уже след –
бежит в направленьи вокзала.
Другая ж соседка, готовя обед,
Людмилу опять упрекала:

– Да что вы морочите голову ей,
сказать бы давно уже надо
о том, что отец на Великой войне
под танком взорвался с гранатой.

– А ты своим детям сказала бы, Нин?
Скажи, своим детям сказала б?
В глазах заблестела отчаянья синь
у той, что семью потеряла.

– Прости меня, Ниночка, слышишь, прости,
пожалуйста. Нет в мыслях злобы...
...А Жене осталось всего полпути,
добраться до поезда чтобы.

И вот, наконец, показался вокзал –
приют и мечты, и надежды.
Встречал победителей и ликовал
любовью и счастьем безбрежным.

Там слышатся песни, играет гармонь,
кружит кто-то радостно в вальсе.
Сжимает надёжно мужская ладонь
своё долгожданное счастье.

И держат в объятьях довольных детей
отцовские крепкие руки.
Все стали серьёзнее, стали взрослей
за годы военной разлуки.

Здесь – пишут в блокноты друзей адреса,
там – пьют по сто грамм за Победу.
А Женькины ищут и ищут глаза
родного отца по приметам.

Везде разговоры, кругом суета,
домой все спешат торопливо.
И с каждой секундою тает мечта,
и ноет душа сиротливо.

И лица мелькают. Ступеньки. Перрон.
Висят транспаранты и флаги.
"Ну, где же мой папа? Куда делся он?" –
вопрос в каждом взгляде и шаге.

А поезд ушёл, он оставил вокзал,
отрезал гудком все сомненья,
как будто секрет об отце рассказал –
о танковом страшном сраженьи.

...Но, кто это там? Одиноким солдат,
ссутулясь на лавочке крайней,
сидит без движений. Потерянный взгляд.
В душе – отголоски рыданий.

– Не встретили вас? Вы один почему? –
подсела девчушка на лавку.
– Видать, предназначено быть одному:
погибла семья в прошлый август.

– Мой папа на фронте фашистом убит,
и мамочка плачет ночами,
а днём слёзы прячет, всё время молчит,
печальными смотрит глазами.

И вдруг покатались как солнечный град
слезинки, и в это мгновенье
седой настрадавшийся русский солдат,
Обняв, стал пред ней на колени...

Вокзал. Ленинград. Нерешительный дождь.
И счастье, ворвавшись без стука.
А всё потому, что и папа, и дочь
нашли в этом мире друг друга.

Ольга Хомич-Журавлёва

Анапа

Из века в век, неся любовь
К родной земле, к озёрам синим,
Хранят покой, сквозь боль и кровь –
Сыны и дочери России.

И, погибая в сотнях войн,
Вновь возрождаются из пепла.
Трагедий боль... Но испокон веков
Россия только крепла!

И шрамы прятали поля,
И в семьях воцарялась радость...
Россия, Матушка Земля –
Ты лучшее, что нам досталось!..

Марина Шенятская

Белгород

Тоскует дождь над белым майским садом,
И яблони в слезах его чисты.
Деревьям дождь – желанная отрада,
Хоть с ним теряют лепестки цветы.

Вот так и мы теряем дни и жажду
Прожить светло. Стал чужд наивный взгляд.
Но в сердце тайно верим, что однажды
Нам распахнутся двери в Райский сад.

Весенний вечер

Сирень в дожде, а в небе – словно крылья
Из облаков.
И я одна – меж небылью и былью,
Где нет оков.
Ни лишних слов, ни сожалений,
Ни прошлых лет.
Лишь утихающий весенний
Закатный свет.

Сирень

Я войду, как в чарующий сад,
В этот воздух небесно-весенний.
И уже не воротят назад
Груз и холод томящих сомнений.

И пусть мысли печалью пестрят,
Успокоится сердце в смиренье.
Утопают мой город и взгляд
В облаках пышных веток сирени.

Упоителен их аромат,

И другой выхожу я из тени.
А надежды парят и парят,
Задевая соцветья растений...

* * *

Напои мгновеньем душу:
В трелях – соловьи,
Летний день, дождём остужен,
Грезит о любви.

Капли плещутся в затоне –
Странники небес.
И зовёт в свои ладони
Нас промокший лес.

Здесь природа безмятежна.
Воздух свеж и чист.
И объаты влагой нежной –
Мы и каждый лист!

* * *

Яркое лето вплетает в траву
сочный цвет изумруда.
Запах вечерних цветов –
словно сладкий и томный дурман.
Солнце румянит простор.
Расстилая прохладу повсюду,
Знойную землю окутал
прозрачную дымкой туман...

В стылые дни я однажды
незримо вернусь в этот вечер.
Лето, манящее лето,
зачем же ты столь скоротечно?..

* * *

Надо мною плывут облака.
Их черты повторяет река.

С облаками уходят века –
В неизвестность, где синь глубока.

Свет нездешний – незримый пока.
Не спешите, мои облака!

Художнику

Григорию Новикову

И вдруг декабрь лазурным стал,
Объатым звонким криком чаек.
Мир снова счастьем заблистал,
Теплом живительным встречая.

Сугробы канули в песок,
Лучистым золотом зажжённый.
И сладок солнечный глоток,
Сквозь даль морскую отражённый.
О, как чудесен этот сон!

С небес ласкают ветра струи.
И бесконечен горизонт.
И волн прохладны поцелуи.

И у подножья крымских скал
Шум моря весел и свободен... –
Так щедро лето расплескал
Художник с солнечных полотен!

Оксана Медведева

Армавир

И даже кактус расцветёт

Есть люди яркие, что розы,
Есть люди, будто бы сирень,
С весенней нежностью мимозы,
С лечебным свойством, как женьшень.

А есть - на кактусы похожи,
непривлекательны собой,
Отпугивают всех прохожих
Своей колючею бронёй.

Но если, не жалея силы,
Найти к растению подход,
преобразится вид унылый,
И даже кактус расцветёт.

Я жить хочу

Посвящается всем не родившимся детям

Я наступила на цветок,
Он хрустнул под ногой:
"Меня создал великий Бог,
Я, как и ты, живой.

Хочу любви, хочу тепла,
Всем радость принести,
Чтоб жизнь счастливою была,
Хочу расти, цвести".

Он заглянул в мои глаза,
И капелька росы
Скатилась, будто бы слеза,
С прекрасной бирюзы.

* * *

Весна в цветочных сапогах
Растопчет шубу снеговую.
Зажжёт любовь в людских сердцах,
Надеждой души расцелует.

И снова верба расцветёт –
Воздать Спасителю хваленье.
Ждём праздник пасхи каждый год.
Он говорит о воскресеньи.

Совпала Пасха с Днём Победы

Сегодня необычный день:
Сияет солнце по-другому,
Цветёт красавица-сирень,
И людям не сидится дома.

Сюрпризом стало для меня,
Что праздник Пасхи в сорок пятом,
Значенье тайное храня,
С Победы днём совпал по датам.

Подарок важный для страны:
Свободу подарили деды.
Мы понимать одно должны:
Без Бога не было б победы!

Бесценны подвиги солдат,
Забуть их не имеем права,
В честь их салют, для них парад,
А Господу за это слава!

Виктория Курбеко

Краснодар

Птица Феникс

Ты – явление, ты – пристанище
Для души беспощадно измученной,
Мой бальзам бесконечно дурманящий,
Перезвон колокольный за тучами.

На плечо положу тебе голову,
Изнутри теплоту твою чувствуя,
И сгущается звёздное олово,
Наша ночь наполняется чувствами.

Горизонт обнажается огненный,
И замрёт естество моё женское,
Как цветок на руках твоих вздрогну я,
Словно недра взорвутся Вселенские...

Ты – явление, ты – история,
Словно истина неба всемогущая.
Над тобой пролечу, как над морем, я
Птицей Феникс с горящими крыльями.

ГЕНРИХ УЖЕГОВ

Тихорецк

ЯЗЫК ПУШКИНА И ЕГЭ

Когда-то в далёком 1945 году Аллен Даллес, директор ЦРУ и руководитель политической разведки США, опубликовал так называемую "АМЕРИКАНСКУЮ ДОКТРИНУ БОРЬБЫ ПРОТИВ СССР", в которой, в частности, говорится:

"Мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей. Человеческий мозг, сознание людей способно к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности поверить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театр, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать всех, кто станет насаждать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякую безнравственность..."

и далее:

"...Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем таким образом расшатывать поколение за поколением, мы будем братья за людей с детских и юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Вот как мы это сделаем".

И, если сейчас внимательней взглянуть на образование, которое получают наши дети, то можно сказать, что пресловутая доктрина Даллеса постепенно претворяется в жизнь. И темпы этого претворения ускоряются с каждым годом. Так, по последнему опросу Фонда Общественное Мнение, среди родителей только 15% довольны качеством российского школьного образования, 44% опрошенных считают, что среднее образование в нашей стране – именно среднее, и 28% определяют нынешнее школьное образование как плохое.

Так что же? Цель врагов России достигнута? Наши дети неучи?

Доцент факультета журналистики МГУ:

"В этом году мы набрали инопланетян" "Нез наю", "генирал" и "через-чюр" – возможно, именно такое написание слов мы увидим в газетах лет через пять, когда нынешние первокурсники факультета журналистики МГУ получат свои дипломы. Вот такие феноменальные результаты продемонстрировали набранные с помощью ЕГЭ студенты, среди которых есть даже стобалльники.

Как и ожидалось, проверочные работы новобранцев в вузах обернулись скандалом. Подробнее об этом рассказала доцент кафедры стилистики русского языка Анастасия Николаева.

– Первокурсники журфака только что написали проверочный диктант по русскому языку. Подтвердили ли они оценки, с которыми поступали?

– Установочные диктанты для выявления уровня знаний первокурсников мы пишем каждый год. Обычно с ними не справляются 3-4 человека. Но результаты этого года оказались чудовищными.

Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18%. Остальные 82%, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24-25 ошибок. Практически в каждом слове по 3-4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно.

Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение.

– То есть?

– Ну что такое, например, по-вашему, рыца? Руться. Или, скажем, поциэнт (пациент), удастса (удастся), врочи (врачи), нез наю (не знаю), генирал, черезчюр, оррестовать. Причем все это перлы студентов из сильных 101-й и 102-й групп газетного отделения. Так сказать, элита. А между тем 10% написанных ими в диктанте слов таковыми не являются. Это скорее наскальные знаки, чем письмо. Знаете, я 20 лет даю диктанты, но такого никогда не видела.

Храню все диктанты как вещдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян.

– У вас и правда был такой слабый набор?

– В том-то и дело, что формально сильный: средний балл по русскому языку – 83 балла. То есть не просто "пятерка", а "суперпятерка", поскольку отличная оценка по русскому языку в этом году начиналась с 65 баллов. И это очень скверно, поскольку, когда ребята завалят первую же сессию, нам скажут: "Вы получили "супертовар". А сейчас ребята не могут воспроизвести простеньких русских слов. Как это вам удалось сделать из суперотличников супердвоечников?!"

Кстати, в этом году благодаря ЕГЭ победители олимпиад и золотые медалисты не смогли поступить на дневное отделение: все они учатся на вечернем. Мало и москвичей. Впрочем, журфаку ещё грех жаловаться. Сколько-то самых безнадежных студентов нам удалось отсеять с помощью творческого конкурса. А вот что получил, скажем, филфак, страшно даже подумать. Это национальная катастрофа!

– В чём её причина?

– В какой-то степени в интернет-языке. Однако, главная беда – ЕГЭ.

По словам первокурсников, последние три года в школе они не читали книг и не писали диктантов с сочинениями – всё время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки. В итоге они не умеют не только писать, но и читать: просьба прочесть коротенький отрывок из книги ставит их в тупик. Плюс колоссальные лакуны в основополагающих знаниях. Например, полное отсутствие представлений об историческом процессе: говорят, что университет был основан в прошлом, XX веке, но при императрице Екатерине.

– С этим можно что-то сделать?

– По итогам диктанта прошло заседание факультетского учёного совета. Выработываем экстренные меры по ликбезу. Сделаем, конечно, что сможем, но надо понимать: компенсировать пробелы с возрастом всё труднее, и наверняка выявятся ребята необучаемые. Да и часов на эти занятия в нашем учебном плане нет. Так что, боюсь, кого-то придётся отчислить, хотя ребята не дебилы, а жертвы серьёзной педагогической запущенности.

– Многих можете потерять?

– Не исключаю, что каждого пятого первокурсника. ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой. Ведь люди, которые не могут ни писать, ни говорить, идут на все специальности: медиков, физиков-ядерщиков. И это ещё не самое страшное. Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идём к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне. Ребята, кстати, и сами понимают, что дело плохо, хотят учиться, готовы бегать по дополнительным занятиям. С некоторыми, например, мы писали диктант в виде любовной записки. Девчонки сделали по 15 ошибок и расплакались".

Да уж! Мимо этой информации нельзя пройти, оставшись равнодушным. Кем они станут, эти нынешние студенты? Как и чему они будут учить следующие поколения? Или уже не будут? Помните, какой-то дядька (Греф) говорил, что и четырёх классов вполне достаточно...

Предпосылки зрели давно, неграмотность стала привычной, и на фразы, произнесённые дикторами ЦТ, вроде "порядка пятиста человек", уже никто не обращает внимания. Это норма, увы. А ведь это было только начало всеобщей (а она уже таковой стала) неграмотности. Пушкинский русский исчез практически полностью.

"Ёшный", "ейный", "евоинный", "ихний" – прочно вошли в обиход и, даже звуча из телевизоров, уже не вызывают улыбку у подавляющего большинства прильнувших к экранам. Безграмотность стала нормой. ЕГЭ и "реформа" образования сделали своё чёрное дело. Неужели это не ясно верхам, ратующим за продолжение образовательной вакханалии? Почему нельзя отменить глупость? Не хочется думать, что это делается специально, да результаты говорят о другом. "Левые" учебники в школах, бессмысленные рабочие тетради, где только и надо, что вставить в слове нужную букву, и – Т9 в виде корректора для самых "продвинутых" учеников...

Теперь на помощь ЕГЭ пришла дистанционка. Видимо, темпы деградации не так быстры. Народ, куда катимся?! "Не" и "ни", "ча" и "ща", "тс" и "тсь" – давно уже вне всяких правил. Про "кто-то"

вообще молчу. И всё больше "умников" в комментариях к замечаниям по поводу безграмотности того или иного автора: "Ну чё вы взъелись? Ведь смысл понятен!".

Понятен. Пока.

Тут один претендент на работу в анкетной графе "Образование" написал: "Висчее. Фелфак". Мы с коллегами долго смеялись, а потом вдруг одновременно замолчали, и всем захотелось заплакать, как тем девчонкам, написавшим с 15-ю ошибками диктант в виде любовной записки.

В 2021 году прошёл так называемый Гайдаровский форум, и он был весьма показателен в плане выступлений разного рода экспертов от российской политики и экономики. И особенно резонансным оказалось выступление главы "Сбербанка" Германа Грефа, который предлагал свой план на площадке "Будущее образование в России". Кстати, несколько фактов о Грефе, которые не всем известны: Греф, разумеется, совершенно случайно совмещает свою работу в "Сбербанке" с работой в американском банке J.P. Morgan Chase. Также глава Сбербанка избран в состав международного совета финансовой корпорации, где сменил гендиректора "Роснано" Анатолия Чубайса".

О высказываниях Германа Грефа, что он думает о российском народе: "...как только все люди поймут основу своего "Я", самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело". Не правда ли, как здесь всё чётко и цинично прописано.

В своём чудаковатом восприятии мира Греф уже настолько далеко зашёл, что предложил полностью ликвидировать все физико-математические школы. Он считает спецшколы анахронизмом, а знания, полученные школьниками, мусором и бараклом.

Не так давно на одном из наших телеканалов тема образования обсуждалась с простым учителем математики и физики из обычной подмосковной школы, который несколько лет назад победил в конкурсе "Учитель года". Так вот, этот человек удивлён, почему главе Сбербанка до сих пор никто не дал затрещину, и посоветовал банкиру "не лезть в ту область, где его вообще не должно быть". *"Господин Греф потерял берега и перешёл в зону, где его быть не должно. И понятно – почему. Там большие деньги, он понял, что можно заработать. А власть ему почему-то это позволяет, не дали ему вовремя затрещину. Занимаешься банковским делом? Занимайся. Но не лезь в ту область, где ты вообще не должен быть. В области образования должны быть профессионалы. Должны быть люди, глубоко живущие в этом образовании. Те, которые работали в школе или вузе не менее 15 лет. Тогда можно ждать что-то адекватное"*, – заявил Вадим Муранов.

Привожу цитату советского педагога-математика, члена-корреспондента АПН РСФСР, доктора педагогических наук, профессора Игоря Владимировича Арнольда:

"Американские коллеги объяснили мне, что "низкий уровень общей культуры и школьного образования в их стране – сознательное достижение ради экономических целей. Дело в том, что, начитавшись книг, образованный человек становится худшим покупателем: он меньше покупает и стиральных машин, и автомобилей, начинает предпочитать им Моцарта или Ван Гога, Шекспира или теоремы. От этого страдает экономика общества потребления и, прежде всего, доходы хозяев жизни – вот они и стремятся не допустить культурности и образованности (которые, вдобавок, мешают им манипулировать населением, как лишённым интеллекта стадом)".

Это только кажется, что научные достижения Запада связаны исключительно с тем, что там прогрессивные школы. Для себя они растят удобный "демократический" планктон, а настоящие мозги закупают в других странах – в Азии, в России в том числе.

А в целом "цифровое обучение" во всей этой истории с Грефом на Гайдаровском форуме – это только удобное средство для ускорения процессов слома самой сути российской образовательной системы. Её и так ломают – или, по их словам, реформируют – уже много лет. Но система была заложена крепко, что называется, на века, а потому крайне неохотно поддаётся слома даже спустя много лет реформ. Однако сейчас цифровые технологии могут стать не средством для удобства в образовательных процессах, а тем рычагом, который окончательно перевернёт и школьную, и вузовскую системы в самой своей сути. И от этого, право слово, очень и очень тревожно...

СВЕТЛАНА МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

Краснодар

ПРО СПОРТИВНЫЕ ПОБЕДЫ И НЕ ТОЛЬКО...

Взяться за написание этой статьи меня подвигли размышления в том числе и о весеннем празднике – Международном женском дне 8 марта. "Культурный уровень общества определяется отношением к женщине" – фраза эта широко известна и, по-моему, верна. Со школьной парты, даже с детского сада, для старших поколений в нашей стране "Женский День" – утвердившийся атрибут начала весны, пробуждения жизни после зимнего онемения. Но теперь изменилась начинка праздника. Нет, мужским он не стал, но незаметно ушло, почти исчезло воспевание женщины-матери, акцент сместился на даму, вернее даже – на девушку-прельстительницу. А ведь долгие годы на моей памяти гимны пелись именно мамам и бабушкам за их жертвенную любовь к чадам, за их подвиг терпения, всепрощения и сердечного бескорыстия, за нескончаемые труды и заботы, отданные сыновьям и дочерям, внукам и внучкам. И сколько в этот день говорилось о достижениях женщин в науке, искусстве, производстве.

*Целую, низко голову склоня,
Я миллионы женских рук любимых.
Их десять добрых пальцев для меня,
Как десять перьев крыльев лебединых.*

Без этих строк Расула Гамзатова, которые "впитывались", с волнением входили в душу и сердце каждого – без высокой поэзии, вдохновлённой истинно женской красотой и целомудрием, не обошлось ни один праздник.

Новые времена, новые нравы. В недалеком прошлом, помнится, в канун 8 марта Первый канал ТВ сделал анонс сериала "Мурка". В торжественном концерте на всю необъятную Россию бодро горланили босяцкую песню Гарик Сукачёв и Любовь Успенская, утверждая, что "воровка никогда не станет прачкой, а вор не станет спину гнуть". Конечно, подобная "веселуха" подаётся как "либеральные свободы". Но вот что удивительно – как давно в этой благостной упаковке "свобод" мы уже совершенно без возмущения и сопротивления получаем только убогое раскрепощение инстинктов.

При нашем внутреннем согласии, невозмущении, идёт активный процесс расчеловечивания. Один из самых ярких показателей: общество перестало читать художественную литературу. Какие-то книги из ещё советского прошлого и медиа-имена бульварных авторов, конечно, молодым поколениям известны. Но современные писатели, продолжающие традиции русской классической литературы, основанной на христианской этике, на народности, на любви к русскому слову, не знакомы даже библиотекарям, даже преподавателям литературы в школах и университетах.

Одна из причин – книги издаются ныне тиражами, как правило, в 200-500 экземпляров. Нынче, при введённых санкциях в голос говорят об исчезновении бумажной книги из обихода. И как тут не вспомнить, что в 1958 году только Краснодарское краевое издательство "Советская Кубань" выпустило около двух миллионов экземпляров книг, при этом местные авторы составляли 90 процентов! Цифра для сего дня просто фантастическая. Но, порой, не в количестве дело. Прежде всего, потрясающим являлось содержание книг, в большей части написанных фронтовиками. Как удалось прошедшим грязь, смерть, предательство, голод и отчаянье, остаться великими гуманистами? Сохранить светлое романтическое отношение к женщине.

Люди, испытавшие, с честью перенёсшие вселенские страдания, не смаковали "клубничку" и не припудривали блёстками внутреннюю пустоту – они являлись защитниками и созидателями. Не успев зачехлить пушечные жерла, уже включались в восстановление народного хозяйства. Налаживали жизнь. И огромную роль играли их книги! Страна читала фронтовиков, внимала и строила.

"Налаживание жизни" декларируется и в современной России... Но разве можно созидать с "Муркой"? Какое общество мы создаём, смиряясь и соглашаясь с расчеловечиванием? А вокруг, рядом, с нами грозный исторический переклик – война у границ, озарявшая нас пожарами Донбасса, взрывавшая пассажирские самолёты. И чтобы закончить восьмилетнюю войну – спецоперация, начавшаяся 24 февраля 2022 года. Каждый день сообщения о смерти детей, стариков, женщин, о преступлениях неонацистов, сообщения об экономических санкциях – реалии наших дней. И, конечно, информационная война.

В сороковых-роковых прошлого века Россия выстояла. В немалой степени и потому, что ещё в декабре 1935 года правительство создало Всесоюзный Пушкинский комитет во главе с Максимом Горьким для подготовки к юбилейным торжествам. И комитет поработал на славу. Были изданы сотни исследований, посвящённых Пушкину. Только в 1936 году вышло почти 13 миллионов экземпляров пушкинских сочинений! "Пушкинизация" страны шла невиданными темпами. Советский Союз судорожно выпускал танки, самолеты и – учил Пушкина! В преддверии мировой битвы страна возвращалась к исконным ценностям русского народа, к высокой речи сынов Отчизны. Накануне июня сорок первого каждый школьник знал:

*Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамён...*

*...Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Ещё напор – и враг бежит.*

В безлитературный, лишённый поэтического слова XXI век происходят серьёзные изменения в системе образования. Здесь уже впору говорить об использовании новых методов ведения "негорячей" войны – поведенческих противоборствах разных поколений. Такая межпоколенческая поведенческая война означает изменение или разрушением системы базовых ценностей, стереотипов поведения, норм жизни. Кем-то безликим и безымянным выделены громадные деньги, чтобы заменить учебники по истории, наплотив их великое множество с иными акцентами оценок исторических событий. Не только сокращены уроки русского языка, но изменён список литературных произведений, обязательных к изучению. Наконец, разрушено само единое образовательное пространство, многие предметы, развивающие личность, упразднены или стали факультативными.

В федеральных общеобразовательных стандартах *дошкольного* образования появилось положение, в котором говорится, что ребёнок может самостоятельно определять содержание своего образования. А ведь дошкольным образованием охвачены дети до 7 лет. Так что же "самостоятельно" может выбрать малыш? Детские сады переходят на новую методику обучения, исключая традиционные для России мораль и нравственность. Незаметно за три-четыре года пребывания в детском саду ребёнок получает совершенно чуждый родителям набор ценностей.

Неужели в XXI веке нам суждено не только убедиться в правоте древнейшего утверждения: "Хочешь победить врага – воспитай его детей", но и быть свидетелями и жертвами неотвратимых последствий такой победы?..

Судя по новостным информационным приоритетам, налаживание жизни в нашей стране должно было произойти благодаря спортивным достижениям? Конечно, спорт – дело полезное. Но не может не вызывать тревогу тот факт, что в изданиях типа "Достояние Кубани" или "Лучшие люди города N" на молодёжных страницах сплошь одни спортсмены. Вам не кажется, что это унижает подрастающее поколение? Неужели успешность и счастье сегодня достигаются только мышцами? Мозги будущей России не нужны? Где её новые учёные, инженеры, строители, хлеборобы, лётчики, музыканты, художники, писатели? Не могу не заметить, что именно спортсмены приучили нас к публичному уни-

жению страны, когда в течение ряда лет нет российской атрибутики, не звучит наш гимн, не поднимается флаг. Мы привыкли к этому! Мы привыкли, что нас стирают, урезают, подчищают.

Как руководитель краевой писательской организации, могу засвидетельствовать: в последние годы кубанских писателей даже на торжественные мероприятия, встречи и собрания забывают пригласить. В огромном зале краевой филармонии или музыкального театра как-то не находится кресла для поэта или прозаика. Уверена, что многие чиновники и не подозревают, что у нас есть литературные авторитеты всероссийского уровня и среди ветеранов, и среди молодого поколения. Культур-менеджеры со свежими дипломами не знают, что есть журнал "Краснодар литературный", как не знали они о газете "Кубанский писатель", учреждённой краевым отделением Союза писателей России, которая в течение четырнадцати лет отражала и фиксировала для истории литературный процесс юга России. Как и то, что более десяти лет писательский Союз балансирует на грани закрытия из-за всё усыхающего финансирования. На фоне новых спорткомплексов, футбольных полей и бассейнов.

Кто против спорта? Но флаг и гимн России – никогда не должны быть попораны, а наше будущее не должно быть ориентировано лишь на футбольных кумиров, при полном забвении космонавтов и писателей, иначе – это не наше будущее. Пушкинизация страны не видно даже на дальнем горизонте. По российским просторам гордо и уверенно шагает "Мурка". Если мы хотим успешно завершить спецоперацию по спасению Донбасса и денацификации Украины, а самое главное — наладить жизнь в России, на мой взгляд, должна в корне измениться культурная политика. Вместо гламура и "женского мяса" в День 8 марта и не только пусть звучат голоса матерей, верных подруг и жён, тружениц, создающих настоящее и будущее.

...Надежда у всех нас есть. Потому что и сегодня рождается бесценное слово русского поэта:

*Бывает весенней порою:
Как ангел сна
Внезапно перед тобою
Пройдёт Она!
.....
Всего лишь одно мгновенье,
Прошла – и нет!
Как ангел, как привиденье,
Как сон,
Как бред...*

*Но долго тебя тревожит,
Как Неба весть,
И шепчешь: "Спасибо, Боже,
Что это есть..."*
(Вячеслав Динека. "Бывает...")

НИКОЛАЙ ИВЕНШЕВ

Краснодарский край

ВИЗАНТИЙСКИЙ ШИПОВНИК

В дождливый, затянутый тучами, прошитый дождями осенний день почему-то подумал о писателе Викторе Лихоносове. Наверное, потому что проза его элегична, подёрнута осенней хмарью и озарена короткими солнечными всплесками.

Вспомнил поезд. Меня волновали тогда поезда. И там впервые я читал Виктора Лихоносова юным, влюблённым во всё: в почти голые осенние кусты, в девушку напротив – чистое лицо, круглые, детские ещё коленки. Вагон вздрагивающий, ободранный и всё же – уютный. Может, из-за коленок, а, может, из-за мужиков – шумных, как в моём родном селе. Вздрогнув с шипением, вагон встал. С перрона залиристо зазывали на вяленую рыбу, на пиво-раки. И так вдохновенно, будто в Петров Вале живут поэты. Ленивые, сонные пассажиры тянули с вагонного трапа бумажки и мелочь. Я тоже было поднялся, отложил книгу Лихоносова "Люблю тебя светло"... Пряно пахло рыбой. Пошёл было к вагонному выходу. Но что-то туда меня не пускало. Книга. Я продолжил чтение. И уже ничего вокруг не замечал. Вот и всё. Это была первая встреча.

А ехал я в Краснодар. По юношеской глупости. Наверное, начитался Паустовского, бредил вагонным движением. Шумом и гудками поездов, крепким запахом креозота от шпал. И, неловко сказать, ходил на Волгоградский вокзал глядеть на пассажиров. Просто глядеть, завидуя. У них была нескудная жизнь. Усидевшись на фанерной жёлтой скамейке, я задремал. А очнулся от какой-то чудной речи. Она была русской, но странной, с чудными грубыми словами, "чудеса в решете" – в них таилась нежность. Разговаривали – балакали – кубанцы. И я уже на вокзале моментально как-то решил. Вот где надо жить! И кое-как, поспешно собрав чемодан, рванул туда, очумев от одинокого дагестанского учительства и постылого пустынного пейзажа солдатской службы на ракетном космодроме Капустин Яр.

На Кубани я сразу сделал два открытия, равных открытию Америки или изобретению велосипеда. Оказывается, здесь находится та самая Тамань, которую заклеил Михаил Лермонтов словосочетанием "скверный городишко". Она, эта Тамань, существует и в самом деле. Только была уже станица, а не город.

Второе открытие: здесь, в южном городе Краснодаре, обитает певец российских приволий Виктор Лихоносов. Жив-здоров. И книги пишет. Тогда не говорили "тексты". Книги.

Вскоре мне пришлось убедиться и в первом, и во втором.

Станица Тамань пахла сожжённой ботвой и давленной виноградной ягодой. Да, здесь судьба проносила поручика Лермонтова в крепость Фанагорию. "Лермонтовские дни на Тамани". Так назывался праздник в начале октября. Я на него попал. Видел кованный сундук в хате Царицыхи. Его подробно осматривали охмелевшие от морского и винного воздуха писатель Андрей Битов и актриса, вдова классика литературы. Они попеременно цокали. У колодца рядом с хаткой Битов сказал, что Лермонтов пророк и провидец. И пропел вполне сносно "Спит земля в сиянье голубом". Да, Тамань существовала. А вот контрабандистов, ундину и слепого Янко встретить не привелось.

Убедиться в существовании Виктора Лихоносова мне помог поэт Михаил Ткаченко.

– Едем в Пересыпь, к Лихоносову! – обрадовался кудрявый, цыганисто-красивый Будулай (так поэта именовали за глаза).

– Нас не звали! – возразил я.

– Мы закуски с собой привезём, в мешках! – Михаил нашёл оправдание нашему непрошеному визиту.

К нам прицепилась ещё пара поэтов из Краснодара.

В широком дворе летней резиденции Лихоносова на широкий стол мы вывалили мешки: свои крендели и своих копчёных куриц. Лихоносов не смутился. Хотя, конечно, не ждал.

Лихоносов – так себе мужичок, в клетчатой рубашке, седая кудель волос – стал говорить о близких вулканах. И что-то зелёное в глазах нет-нет да и плескалось. Не писатель – сантехник.

– Вулканы тут. Работают. Вот вулкан Блювако, – Лихоносов взмахнул клетчатым рукавом. – Пыхтит.

Он отвёл глаза, задумался. И крякнул неуверенно:

– И мне работать надо, и вам!

– Блювако! – удивился Ткаченко. – А я думал – Плевако, в честь известного юриста.

Той же ладонью Лихоносов запротестовал:

– Блю-ва-ко! – он взглянул на брата Михаила Ткаченко, Петра. – А ты на Гришку Мелехова похож.

Тут известный писатель вынес из хаты несколько пластмассовых разноцветных вёдер. Мне досталось синее.

– Пока суть-дело, айдате на сбор полезных сердцу ягод! Шиповника, боярышника. Шиповник расслабляет нервы, а боярышник даёт ритм.

И все потопали в сторону вулканических шишек.

– Не активные! – успокоил писатель.

Мне досталось собирать колючий шиповник. Он собирался плохо, потому что я во все уши слушал Виктора Лихоносова, рассказывающего о поездке в Иерусалим. О том, как "уже покойный Володька Солоухин припал к Гробу Господнему". Шиповник расслаблял всё. Я вспомнил, что где-то читал, как к Шолохову ездил молодой писатель Серяков. Михаил Александрович заставил его три дня полоть картофельные грядки в огороде. И жуков давить. Наверное, у маститых прозаиков манера такая. Вначале – материя, потом – дух. Хорошо хоть, Лихоносов рангом ниже. Жуков не будет.

В своё синее ведро я накидал-таки алых ягод. Одну треть ёмкости. Оглянувшись на писателя, у которого из ведра не слышалось ягодного проклёвывания, я увидел невероятное: Лихоносов упал на колени, а потом лёг на бок и ухом прижался к серой седой земле. Но ведь не Гроб Господень рядом. Степь с напёрстками вулканов.

– Тише! Тишиш!

Писатель услышал далёкий гул от копыт византийской конницы.

– Здесь стоял дворец с колоннами. Звуки-то остаются. На века, – сокровенно пояснил Виктор Иванович.

Все сделали строгие лица. И согласились. Почти согласились, потупились.

Мягко и смутно улыбнулся Лихоносов, думая о чём-то своём. Он уже не был похож на сантехника. С сощуренными белёсыми ресницами он был похож на любимого в детстве пирата.

– Да, да, Византия. А точнее – византийская провинция.

А потом мы пили сухое красное вино в широком дворе Лихоносова. Отщипывали мясо от кур. Я взглядывал на кустистые брови писателя, на резко очерченные скулы, на свитер в затяжках – и хотел это запомнить. Как же можно – такой простой, обыкновенный. И пишет так, что сердце щемит...

Лихоносов говорил о свободе литературы. Мол, теперь-то, избавившись от коммунистических оков, словесность заживёт. Ещё он сказывал, помнится, о писателе зарубежья Борисе Зайцеве. Имел переписку с ним. Так и сказал: "Имел". О забытом романисте Эртеле. И немного совсем – о своём будущем романе. О казачестве, об атамане Ящике, охраннике царя Николая.

А вино разбирало. Или сбор шиповника действовал. Брат Михаила Ткаченко, Пётр, с лицом, похожим на шолоховского Григория Мелехова, вдруг сказал:

– Да. Точно! Я тоже Византию слышал – там, у ягоды. Топот копыт. Яркий, яростный.

Петро смуглой ладонью вытер пот со лба.

– Чёткий топот! – поправил Петра Лихоносов. В нём преобладал пират. Не сантехник.

Виктор Иванович Лихоносов спустя время сочинил роман о казачестве, назвал его "Наш маленький Париж". В романе многие увидели прошлый Краснодар. То бишь, Екатеринодар. Фамилии в романе казахи: Толстопят, Костогрыз. Для чужого уха – потешные. Но це – грубая музыка украинской мовы.

Роман стали хвалить. Издавать в серебре, золоте, слюде. Сравнивали с "Тихим Доном". Это, мол, кубанский "Тихий Дон". Когда это слышал Виктор Лихоносов, то соглашался: "Да-а-а". Однако, это его "да" было похоже на "нет". И хвалители, читатели, властная челядь так и не поняли главного. Роман – иной. Лучше – хуже "Тихого Дона"... Кто судить-то может? Сюжеты, стиль. "Наш Маленький Париж" – иное чтение.

Что ж, прижмусь ухом к земле и выскажусь:

– Это магическая проза! И если уж сравнивать, то со "Ста днями одиночества" Габриэля Гарсия Маркеса. Фантазия, посеребрённая, как ивы над прудом, вольная сказка. Он ведь там был, мёд и пиво пил...

Скептики, записные ловцы литературных блох укоризненно указательный палец тянут:

– Ошибался Лихоносов! Исторически не выверено! То не так, там не этак. И язык... оставляет желать... Чалдон он, сибиряк.

А вот и нет. И не тупите взоры, не опускайте глаза. Где-то Лихоносов всё это слышал. И Костогрыза, и Толстопятя. Клянусь! Там, у карликовых вулканов, Лихоносов слышал доисторическую конницу! Он слышал не только топот копыт, но и звон сбруи, и шелест шёлка писаных красавиц.

И я слышал!

Шиповника набрал с полведра всего.

– Чересчур много, – похвалил меня Лихоносов, плеснув то ли зеленью, то ли синью глаз. – Вот Достоевский мечтал, чтобы Византия наша была. А она и была нашей! Всегда! И шиповник, и боярышник оттуда проросли. Византийские.

КРИВЫЕ УГЛЫ

В новом, холодном, как люминесцентный свет, мире, ещё существует слабое мерцание двух пальцев, сцепившихся друг с другом. Ещё заметно, как они бредут весенним пробуждающимся лугом. И длинный и неуверенный палец, на минуту отрываясь от короткого, показывает на небо, на сполоснутые дождём, вылинявшие звёзды и на остатки людских строений с плетнями и заборами.

– Здесь жили люди? – спрашивает владелец малого пальца.

– Жили люди, – эхом повторяет бархатный отеческий баритон.

И пальцы идут дальше. Мимо заруды, мимо высыхающего ручейка, старой липы, всё ещё пахнувшей мёдом.

Отец вспоминает, с каким упоением читал он о мальчике Никите, детство которого проходило в этих местах. Владелец большого пальца говорит, что написал это тот же человек, что и сочинивший приключения ожившего деревянного мальчика Буратино.

Но про Буратино сын не знал ничего. Ничегошеньки.

Кажется, что дети перестали читать. Им вдруг показалось, что на стеклянном, оледеневшем стекле компьютера или ледышке телефона мир ярче и значительнее. А пёстрый мир букв – это баловство взрослых, их прихоть. Скука смертная.

Глядя на детей, и взрослые перестали это делать. Они распростились со штабелями книг, окружавших их с детства. Они постепенно забыли и мир "Алых парусов", и подводный мир "Человека-амфибии". Хотя в их душах ещё тлеет удаляющая песенка: "Лучше лежать на дне, в синей прохладной мгле, чем мучиться на суровой, жестокой, проклятой земле".

Увы! Новый мир наполнен писклявыми голосами каких-то изуродованных свиней, у которых розовые пятаки сползли на уши. В неокрепшие умы и души детей сползают из этих заиндевевших стёкол монстры – толстые и худые, с ядовитыми языками то ли японских драконов, то ли русских Змей Горынычей.

– Полюби зло! – орут эти компрачкосы.

И магазины игрушек завалены монстрами, которых насильно полюбили мальчики и девочки. Зло привлекательно своей яркой уродливостью. Впрочем, и взрослым стали внушать мысль, что теплоходы плавают вниз палубой, а все куриные яйца квадратны.

– А для чего это? – кто-то всё же задумается и спросит. – Для чего?

– А для того, что в новом мире свирепствует Мальчиш-Плохиш. Ради денег он заменил ледянки, на которых хорошо кататься со снежных гор, звучащими барабанами с выползающими монстрами. Эй, ей-ей! Плывете, пароходы – привет Плохишу. Эй, ей-ей! Ползёте, паровозы – привет Плохишу.

В этом мёртвом мире плывут и катятся мамы с яркими, напомаженными губами и крепко крашеными бровями. Они автоматически лезут в сумочки, достают зеркальце и смотрят: не появились ли на их лицах соринки. Рядом вроде бы – сыны и дочки, боязливо сжимающие смартфоны с монстрами – Свинками Пеппами и обаятельными ведьмочками. И проносятся мимо купола церковей, настроенных теми же плохишами для отвода глаз. Настроенных зря.

Но зря не бывает. Кто-то покосится на золотой купол и тихо спросит:

– А что это?

Пластмассовая мама потрёт переносицу и вспомнит:

– Ццц...церкви, кажется.

И кто-нибудь из детей зайдёт под купол и увидит лицо страдальца.

– А что такое – страдалец?

– Ах, и это мы не знаем. Дак во всех книгах про это написано! Страдальцы-книги, страдалец Христос.

– Дак мы букв не знаем. Зачем они? Можно смайлики друг другу слать.

– А как насчёт того, чтобы во двор выйти да в футбол поиграть?

– Скучно. И можно ногу поцарапать. А ну как заражение пойдёт?!

И все сидят, как деревянные буратины, и тычут пальцами: "Ах ты, мерзкое стекло. Или врешь ты мне назло?".

Врёт! С три короба врёт!

И всё же, как главный подвиг нашего времени, надо совершить это – надо книгу открыть. И вместе с детьми прочитать.

Всей семьёй прочитать про Незнайку и Знайку, про Торопыжку, проглотившего "утюг холодный", про мальчика Никиту, про Багрова-внука, про "Двух капитанов" и "Трёх мушкетёров", про страдания князя Андрея, про странствия Григория Мелехова.

Всё же... Помните? Вечером мать брала ладошку и выпевала, дуя на пальчики: "Этот мал, крупу не драг, он по лесу не ходил... Ему каши не дадим, этому – кашки, а этому – бражки"...

Уверен, мир, в котором дети и взрослые стоят или сидят в разных кривых углах, всё же исчезнет. Как же это сладко – читать книгу! Можно и не про Торопыжку, и не про Витю Малеева "в школе и дома". Возьмите в руки книжку немецкой писательницы Ирмгард Койн "Девочка, с которой детям не разрешали водиться", и вы да... В Рай попадёте. Один мудрый писатель проронил как-то: "Библиотека – это Рай".

И взрослые, и дети тогда крепче держат пальцы друг друга. Ласковая ладошка мамы, твёрдая, мускулистая ладонь отца.

Бегом из царства тьмы! Во всю прыть!

ЛЮДМИЛА БИРЮК

Краснодар

КИНО – ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

Есть на свете одно чудо-чудное, диво-дивное, которое берёт в плен каждого, кто увидит его хотя бы раз. Оно заставляет нас смеяться, бояться, волноваться, сочувствовать, проживать не одну, а десятки жизней. Это чудо называется Кино, а его плен – самый сладкий в мире! Кто в него попадёт – уже никогда не избавится, да и не захочет.

Так случилось однажды с пятилетнем Петей Ивановым, который впервые пришёл с папой в кинотеатр и посмотрел первый в своей жизни фильм на большом экране.

Новая повесть известного кубанского писателя Сергея Александровича Лёвина "Петькино кино" – настоящая детская киноэнциклопедия. Да и взрослым тоже будет интересно и полезно узнать, кто тушит в зале свет, почему холодно в киноаппаратной, что такое жёсткие диски с фильмами, пришедшие на смену катушкам с плёнкой, и какой нелёгкий, невидимый зрителями труд многих людей скрывается по ту сторону экрана.

Ещё не прочитав ни слова, а только бросив взгляд на обложку и полистав страницы, мы получаем заряд бодрости и хорошего настроения. Яркие и красочные иллюстрации Елены Кураш, художницы из Тюмени, сами по себе, словно кадры весёлого детского фильма. Взглянув на них, уже невозможно представить себе героев по-другому. Картинки – важнейшая часть детской книжки, и хочется от души поздравить Елену Кураш: её по праву можно назвать соавтором писателя.

Любовь к кино мы обретаем в раннем детстве и проносим через всю жизнь. Однако главным делом жизни оно становится далеко не для всех. Большинство из нас так и остаются зрителями – благодарными или придирчивыми, увлечёнными или скучающими. И лишь самые одержимые выбирают кино своей профессией. Читатели, безусловно, верят, что таким профессионалом в области кино непременно станет маленький герой Сергея Лёвина – Петька Иванов.

С того мгновения, когда папа Саша торжественно объявляет сыну, что в день рождения поведёт его в кинотеатр, действие повести неуловимо напрягается, передавая читателю неизъяснимое беспокойство. Вместе с Петей мы волнуемся перед неизведанным. Куда его ведут? "Вдруг придёшь в этот самый кинотеатр, а там врач сидит! В белом халате!". Но нет... Ничего страшного, кинотеатр находится в торговом центре. Мы ускоряем шаг, хотя времени ещё в запасе, и вдруг неожиданное препятствие: папа Саша останавливается и лихорадочно роется в карманах...

"– Мы что-то забыли? – Петька специально сказал "мы", чтобы папа не расстраивался. Мальчик знал, что сам-то он точно ничего не забыл. А вот папа мог...".

Слава богу, билеты нашлись, но поволновались мы за героев изрядно... Все эти переживания и приключения – поиск билетов, разговор с "красивой, немного похожей на маму" девушкой-билетёршей, вход в таинственный полутёмный зал, погружение в мягкие бархатные кресла, стремительно промелькнувшие рекламные трейлеры подготавливают нас к главному событию – встрече Пети с киносказкой, которую он впервые посмотрит на большом, словно иллюминатор космического корабля, экране.

"Петька в один миг безо всякого волшебства перенёсся в незнакомый и удивительный мир. Папа, кинотеатр, день рождения ненадолго отошли на задний план, ведь здесь и сейчас, прямо перед мальчиком, отважные герои сражались с опасными и сильными злодеями, а дружба и взаимовыручка помогли храбрецам преодолеть самые суровые испытания".

Уже после просмотра фильма, очутившись на улице, когда отец с сыном "вновь очутились в объятиях солнечного летнего дня", Петька просит папу ещё раз повести его в кино.

Любознательный Петя Иванов чем-то напоминает Алёшу Почемучку из любимой книги ребятшек первой половины 20-го века – повести Бориса Житкова "Что я видел". Но Петя живёт совсем в другом времени, поэтому и вопросы задаёт такие, которые и в голову бы не пришли герою Житкова. Когда добрый и скромный демонстратор фильмов Семён Иванович объясняет мальчику премудрости своей работы, "Петька хоть и не всё из причудливой речи киномеханика понял, но по смыслу догадался почти обо всём, что объяснял Семён. Не зря папа дружил с компьютером и рассказывал сыну о современных цифровых технологиях".

Знакомя нас с устройством киноаппаратной, с кинопроектором и дисками, писатель попутно несколькими штрихами рисует портреты и характеры своих героев.

Тележурналист Александр Иванов по роду работы "мог договориться с кем угодно и о чём угодно", в том числе, войти туда, куда "посторонним вход воспрещён". В небольшом приморском городе у него множество друзей и знакомых. Как многие творческие люди, немного рассеян, дружелюбен, безумно любит музыку и кино, но больше всего – своего сына Петю.

Строгий киноинженер Сергей Николаевич – "высокий лысый мужчина с аккуратной бородкой, в чёрных брюках и белой рубашке с галстуком в красно-синюю полоску". Словом, выглядит, как положено начальству, да и по натуре – сущий начальник:

"– Время! Семён, ты следишь за часами? – прервал беседу Сергей Николаевич. Наверное, захотел напомнить, что киноинженер главнее киномеханика.

– Шеф, не переживайте! У меня всё под контролем, – бодро отозвался Семён Иванович".

Безобидный и покладистый пожилой киномеханик, кутающийся в старомодный свитер с оленями, мастерски владеет своим делом и любит его самозабвенно. Недаром он всю жизнь показывает людям кино и застал ещё бобины с плёнками, когда их надо было вовремя успевать менять, чтобы не прервать демонстрацию фильма.

"А сейчас таймер на компьютере поставил и сиди отдыхай, жди себе спокойно, когда в соседнем зале сеанс начнётся, чтобы свет там вовремя потушить. Вроде и легче, но я по тому плёночному времени скучаю, – вздохнул Семён.

Видимо, вспомнил, как нескучно было переключать катушки с плёнкой...".

Быть может, в жизни Пети кино так и осталось бы лишь мимолётным увлечением, но однажды ему невероятно повезло. В ласковый курортный городок на берегу Чёрного моря, где Петька мирно жил с папой и мамой, бабушкой и дедушкой, словно цунами, врывается шумная, беспокойная и энергичная команда киношников.

"Представляете, к нам съёмочная группа приехала – новый фильм снимать!" – взволнованно сообщает папа Саша. Конечно, родители приводят сынишку "на кастинг" (о, это заветное, волнуемое воображение слово!) и после придирчивого отбора, а потом долгого томительного ожидания юного героя приглашают на съёмки в массовке! Конечно, мы верили в Петьку и знали, что его возьмут – проникательные читатели всегда всё знают. Но ведь Петька-то не знал и ужасно мучился. Ему даже сон приснился, как на некоем тропическом острове на него напали огромные страшные пальмы с кинокамерами...

Внезапный переход юного героя от тревожной неопределённости к состоянию полного восторга изображён писателем так ярко, словно он сам его пережил:

"У мальчишки от счастья перехватило дыхание, и он не смог даже завопить "Ура!", хотя очень хотел.

Тогда Петька подпрыгнул до потолка (так ему показалось), протанцевал из одного угла комнаты в другой, попытался сделать стойку на голове, и у него даже почти получилось!

– Ну ты даёшь! Настоящий акробат! – восхитилась мама".

Мы тоже радуемся и понимаем: иначе и быть не могло! И не только потому, что Петька – "красавец", как назвала его Светлана Михайловна, говорливая "тётяшка в голубой бейсболке, зелёных шортах и майке и с серебристым ноутбуком", а потому, что за минувший год он много трудился, готовился к школе, "стал намного увереннее читать, учился складывать и вычитать цифры, а ещё заучивал наизусть стихи. Это помогало тренировать память.

И, конечно, любовь мальчика к кино никуда не пропала. Только усилилась!"

Названия фильма, где предстояло сниматься Пете, мы не знаем. Но догадываемся. Среди произведений Сергея Лёвина есть замечательная повесть-сказка "Истории о черноморском дельфинёнке". И когда папа Саша сообщает, что в фильме, который будут снимать в их городе, рассказывается "про дельфинёнка и его друга-мальчика", многочисленные читатели Лёвина сразу поймут, по какой книжке написан сценарий. И ещё непременно заметят, что любопытный, весёлый и наивный дельфинёнок Антоха по характеру чем-то сродни Петьке.

Сценка, которую должны разыграть маленькие артисты, небольшая, но, по выражению режиссёра, "ключевая". Вот снимается первый дубль, затем второй, третий... восьмой... Напряжение нарастает, читатели переживают: получится или нет?

"После десятого дубля режиссёр снял капитанскую кепку, вытер ей пот со лба, облегчённо выдохнул и объявил:

– А вот теперь, кажется, всё получилось так, как надо!"

Вместе с режиссёром мы тоже переводим дыхание. Теперь можно отдохнуть, расслабиться, поесть вкусные пирожки... Но интрига есть интрига! Оказывается, что у оператора "заключила" камера, и вся работа была проделана зря...

Это важный эпизод в повести. Как отнесутся дети к тому, что их коллективный труд, вдохновение, энтузиазм – всё пропало даром? Честно говоря, мне казалось, что они ужасно обидятся и в знак протеста покинут съёмочную площадку. Во всяком случае, так поступили бы многие взрослые. Но дети оказались великодушнее и крепче духом. К тому же, "очень уж им понравилась и съёмочная группа, и сам кинопроцесс, и, конечно, пирожки"... На следующий день все, как один, явились на съёмку, и ключевая сцена фильма была снята с первого дубля. Ничего удивительного – столько вчера репетировали!

Каждый сюжетный поворот у Сергея Лёвина логически и психологически обоснован. Каждый эпизод подготавливает читателя к следующему, постепенно, шаг за шагом... Вот очарованный кино Петя пытается снять собственный фильм "Дворовые приключения", в котором он не только режиссёр, но и актёр, и даже сценарист. Друг Сережка с работой сценариста не справляется, и "пришлось Петьке всё делать за него и самому придумывать, что будет происходить на съёмочной площадке и когда". Как часто, восхищаясь знаменитыми актёрами из любимых фильмов, мы забываем о режиссёрах, не говоря уже о сценаристах. А между тем стоит призадуматься над словами незабвенного Альфреда Хичкока: "Чтобы сделать великий фильм, необходимы три вещи: сценарий, сценарий и ещё раз сценарий".

Взявшись за увлекательную и, казалось бы, уже знакомую работу, Петька даже не подозревал, насколько она трудна, и как много таится в ней подводных камней. Но курьёзные неудачи не обескураживают юного режиссёра, а лишь добавляют азарта. И вот уже не только мальчишки, но и солидные взрослые, и даже пёс Абрикос вовлечены в съёмочный процесс, который заканчивается для автора заслуженной славой. Не беда, что премию "Оскар" Петька получает лишь во сне, зато в своём дворе он становится знаменитым. И не только во дворе: его фильм можно рассылать по ватсапу другим мессенджерам.

Нигде в повести Петя не говорит напрямую: "Хочу быть режиссёром, хочу быть сценаристом...". Но читатели понимают, что после посещения с папой кинотеатра, бесед с киноинженером и киномехаником, после участия в настоящей киносъёмке и после создания самодельного, но вдохновенно снятого фильма в жизни героя появилась цель, которую он обязательно достигнет.

Читая прозу Сергея Лёвина, всегда получаешь удовольствие от его литературного языка, без лишних украшений и, по выражению писателя Николая Ивеншева, "без модных нью-вывертов", которыми некоторые современные авторы пытаются скрыть свою литературную несостоятельность. Вот и новая повесть "Петькино кино" написана без раздражающих "приправ", чистым русским языком, понятным и детям, и взрослым. Но писать понятно не значит – безлико. У Лёвина свой собственный писательский почерк, лаконичный, но эмоциональный. "...Август уже съёживался, облетал с деревьев первыми жёлтыми, высушенными палящим солнцем листьями, таял в начинающем мало-помалу остывать море".

Мы прощаемся с Петей, когда он, уже став первоклассником, смотрит с родителями и друзьями кино про веселого и обаятельного дельфинёнка. То самое, в котором ему досталась маленькая, но очень важная роль.

"Камера приблизилась к ним, показала лица крупным планом. И к Петьке моментально обернулась вся его родня, все друзья – весь пятый ряд!

– Петька, это ж ты!

– Здорово!

– Прикинь, тебя в кино показали!

– Ничего себе: в фильм попал!"

Вот так незаметно повесть Сергея Лёвина вышла за рамки "познавательного произведения" о том, как устроено кино. Конечно, объяснить ребятам, что такое "спойлер", "саундтрек", "локации" – очень важно и нужно. Но писатель знает, что ещё важнее показать юному читателю, как нужно стремиться к своей мечте, идти ей навстречу, не останавливаясь перед трудностями. А успех обязательно придёт, как справедливая награда.

СЕРГЕЙ БОНДАРЮК

Анапа

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ

*Если бы существование поэзии не было бесспорно
установленным фактом, можно было бы с достаточной
степенью убедительности показать, что её не может быть.
(Ю. Лотман)*

Такая парадоксальная штука – стихи! По всем научным выкладкам, информативность поэтического текста должна быть очень низка, так как находится в обратной зависимости от большого количества накладываемых на него ограничений, как-то: разные системы стихосложения, схемы рифмовки, стихотворный размер, разные виды рифм, фонетические законы и т.д. и т.п. в дополнение к общим правилам русского языка. Избыточность поэтических текстов, напротив, должна расти в геометрической прогрессии! Но на деле всё происходит с точностью до наоборот! При уменьшающейся относительно обыденной речи избыточности, в геометрической прогрессии растёт информативность! Неужели магия?

А с другой стороны, если задуматься, зачем нам вообще эта субъективнейшая и жутко неконкретная информация из стихотворного текста? Зачем отдельные одержимые личности дни и ночи напролёт засовывают эту информацию в странные словесные конструкции?

Что такое искусство вообще, и каким образом искусство (в целом) и стихосложение (в частности) могут пригодиться человеческому обществу? Для понимания сути процессов, происходящих в этом секторе бытия, наверное, будет уместно коснуться, в том числе, и механизма теоретической систематизации знаний о действительности – науки. Сравнение одного с другим в какой-то мере отвечает на поставленные выше вопросы и очерчивает границы приложения сил творческого человека.

Язык науки – язык абстрактных понятий и формул. Язык искусства метафоричен. Искусство говорит на языке художественного образа, который представляет собой нечто целостное, чувственное, данное в ощущениях. Таким образом, учёный объясняет мир, а художник заставляет его пережить, почувствовать. Это две стороны одного и того же увлекательнейшего и нескончаемого процесса познания человеком окружающей действительности. Именно жажда познания движет странными одержимыми личностями как в науке, так и в искусстве! А в метафоричности находится причина зашкаливающей информативности стихотворного текста, да и любого другого произведения искусства! Метафорические и ассоциативные смыслы можно множить до бесконечности.

Но на этом различия художника и ученого ещё не заканчиваются. Закон сохранения энергии, если бы не Роберт Майер, открыл бы кто-нибудь другой, так как сама логика развития науки вела к этому. А если бы не появился Леонардо да Винчи, то "Моны Лизы" никогда бы не было. Искусство без конкретной личности автора и обстоятельств, воссозданных в произведении, немислимо, потому что важные истины искусство раскрывает через единичное, частное и субъективное, а наука оперирует многократно подтверждёнными фактами, общими рассуждениями и объективными закономерностями.

Цель науки (помимо исследовательской) – преобразование и польза, обустройство материального мира. Цель искусства (опять-таки, помимо исследовательской) – совершенствование человека, его духовной сущности.

Через фундаментальную науку и высокое искусство человечество исследует неизведанное. И здесь иногда художественный образ в поэзии рождается не благодаря, а как бы даже вопреки законам и правилам русского языка, вопреки привычным литературным принципам и постулатам из учебника стихотворца, иногда даже вопреки здравому смыслу.

Что это? Опять магия? Можно назвать и так! Но я всегда считал, что магии в стихотворчестве способствует и предшествует сложнейшая работа ума творца, выстраивающего непривычные гармонии на грани дозволенного, выискивающего неведомые проявления сакрального в кажущемся знакомым нам секторе бытия, охотящегося за неявными проявлениями божественного духа на границе сознательного и бессознательного!

Однако, обязательно – "выстраивающего", и обязательно – "гармонии", т.е. управляемые упорядоченные логические конструкции (образные, ритмические, грамматические, фонетические и пр.), несущие в себе продуманную автором смысловую нагрузку, а в совокупности, будучи соединёнными в художественный образ, являющиеся его личным чувственным исследованием определённого явления действительности! Попытка выдать красиво зарифмованный или спонтанно проявившийся в под-

сознании поток ничего не значащих слов за поэтический эксперимент всегда будет терпеть фиаско! А потому что в принципе (согласно своему определению), искусство остаётся работой художника со смыслами! Разными материалами, при помощи разных созидательных логик, разных изобразительных средств, присущих разным видам искусства, но всегда – работой со смыслами! Причём, со смыслами в квадрате! Со смыслами, проявляющимися в образных конструкциях и складывающимися в суть авторского исследования (высказывания), а также со смыслом существования самих образных конструкций и ролью их в продвижении авторского исследования (высказывания).

Общая теория связывает воедино все виды искусства. В подходах к творчеству поэта, художника, композитора, режиссёра и т.д. и т.п. не просто много общего. Там всё общее! Различия касаются только изобразительных (выразительных) средств и, соответственно, связанных с разными изобразительными (выразительными) средствами технических способов работы с ними. Этот факт позволяет выработать общие критерии по отношению к любому произведению искусства в любом из видов искусства, а также общие законы, без соблюдения которых продукт творчества обесмысливается и обесценивается в принципе. То есть не всё, нарисованное на холсте, написанное в рифму, станцованное или сыгранное на фортепиано, является произведением и просто предметом искусства.

Я – тот слегка сумасшедший художник, которому интересно во всём этом разбираться. Это моё давнее увлечение. Может быть, и вам будут интересны некоторые аспекты моего личного осмысления процесса творчества.

Кто-то не примет "зауми", кому-то пригодится в работе. Философия творчества – штука полезная. Она координирует и направляет усилия творца в нужную сторону, а ради этого поговорить и даже поспорить не грех!

* * *

Начнём с понимания того, что же это такое и для чего выстраиваем мы при помощи слов на своих страничках, носим на конкурсы, читаем коллегам, лелеем долгими вечерами, защищаем от критиков и умиляемся, если это наше "что-то" понравилось хоть кому-нибудь ещё, кроме нас.

"Понятия большинства людей о поэзии так туманны, что туманность служит им определением поэзии" – схохмил когда-то Поль Валери.

Воистину, так оно и есть. Каких только определений "поэтического" не наслушался я от современных теоретиков искусства. Начиная с технического – "способ организации речи; привнесение в речь дополнительной меры, не определенной потребностями обыденного языка" и заканчивая совершеннейшей идеалистической ахинеей, типа "поэзия – язык души".

Во-первых, мне кажется искусственным и надуманным вообще разговор о поэзии, как о каком-то обособленно существующем явлении в нашей жизни, а попытки охарактеризовать его литераторами изнутри, исключительно в привязке к языку, как к одному из способов его (языка) существования – узкими и ущербными в принципе. Зачем чего-то выдумывать? Коль скоро это один из видов искусства, то и подходить к поэзии стоит соответственно, применяя уже известные "взрослые" творческие категории, разработанные человечеством за тысячелетия своего существования.

"Искусство есть осмысление мира через художественный образ".

Это определение замечательно характеризует в том числе и суть поэтического, относится к термину "высокое (чистое) искусство", роднит искусство с науками, отводя искусству роль инструмента познания, философского эстетического рычага, при помощи которого художник может, поворачивая действительность в совершенно невообразимые ракурсы, осмыслить мир и себя в нём совершенно так же, как и в науке, опираясь на собственный эмпирический опыт.

Второе значение термина "искусство" происходит от слова "искусный" и включает в себя многочисленные прикладные, эстетически облагораживающие мир, сферы приложения творческих сил человека. Причём (важное понимание), одна и та же область творческой деятельности человека может принадлежать как "высокому", так и "прикладному" искусству, в зависимости от целей, которые ставит перед собой художник в каждом конкретном произведении.

В первом случае основополагающее значение имеет некий важный для художника обретенный смысл, некое точно подмеченное в жизни и осмысленное наблюдение, втиснутое автором при помощи различных изобразительных средств и материалов в эстетически значимую форму.

Во втором случае форма подчиняется узко и конкретно поставленным социальным задачам и несёт в себе украшательские, утилитарные, развлекательные, иногда политические, или любые иные прикладные функции.

Тут стоит повториться: искусством является и то, и это (разделение весьма условно). Чёткой границы между "чистым" и "прикладным" искусством нет. Но глобальный раздел прослеживается в истории искусств и он очень важен для правильного выбора художником вектора приложения собственных сил.

Появилась, правда, ещё одна разновидность творческой человеческой деятельности – массовая непрофессиональная, которая не имеет под собой никакой теоретической платформы, не преследует вообще никаких целей и не ставит перед собой никаких иных задач, кроме бесконечного самокопания и пестования собственных околохудожественных амбиций. К сожалению, в последнее время – в век интернета и других информационных и коммуникационных технологий, во всех сферах творческой деятельности (в нашей стране, да и не только) наблюдается тенденция к сползанию на этот последний, весьма скользкий путь. Не знаю, как в других областях искусства, но в моём изобразительном секторе всё выглядит прямо-таки катастрофически – сплошное не подкреплённое знанием и умением, доходящее до медицинского, самовыражение.

Как мы уже выяснили, искусство разговаривает с нами на метафорическом языке художественного образа, который представляет собой нечто целостное, чувственное, данное в ощущениях.

Это "нечто" – целостное, чувственное, данное в ощущениях, называемое художественным образом, является *"всеобщей категорией художественного творчества, формой истолкования и освоения мира с позиции определённого эстетического идеала путём создания эстетически воздействующих объектов"*.

Что нам дают приведённые выше общее определения искусства и определение художественного образа в искусстве?

Первое, они дают нам понимание того факта, что без художественного образа произведение искусства существовать попросту не может! Однозначно и категорично!

Второе осмысление касается того, что художественный образ – это форма (некая конструкция)! Конструкция сложная, многоплановая, многофункциональная, в случае нашем, стихотворческом, соединяющая в себе всё, от способа мышления автора, от общего меседжа стихотворения до смысла каждого отдельного слова, от архитектоники художественного образа, от большой метафоры до отдельных подобразов, эту метафору продвигающих, от прямых смыслов, заложенных в образные конструкции, до междустрочных (аллюзивных и ассоциативных), от собственной созидательной логики творца до эстетической значимости собранной им конструкции для других.

Становится очевидной важная мысль. Если конструкция неправильно собрана и в целом не работает, то красота и функциональное изящество отдельного винтика или болтика общего положения дел не спасут. КПД – 0%. Правка отдельных мест в стихотворном тексте не даст ровным счётом ничего, если не соблюдены общие законы творчества, не соблюдена иерархия приёмов и подходов к работе над любым произведением искусства.

"Художественный образ диалектичен: он объединяет живое созерцание, его субъективную интерпретацию автором, а также восприятие его читателем (зрителем)".

Следующее важное понимание касается того факта, что восприятие художественного образа читателем есть ответственность создателя! Ну, может не на все сто процентов (читатели бывают разные), но в подавляющей степени – точно! И это понимание настраивает нас на определённую работу. Но на какую?

У творцов, ставящих во главу угла версификационные подходы в стихосложении, всё просто. "Надо грамотно писать" – говорят они. Русский язык изучайте, а заодно проштудируйте учебник стихосложения – и будет вам счастье!

Эх, если бы всё было так просто, то у нас в стране бесчисленное количество прекрасных поэтов проживало бы. С дипломом-то филфака! Может быть, что-то не так с нашими филфаками? Или всё же с подходами?

Любой творческий процесс со своей иерархией выразительных приёмов и выразительных средств сложнее и вариативнее пресловутой академической учебной правильности, многослойнее и тоньше версификационных прикладных подходов, сложнее и мудрёнее привычной обывательской рефлексии и обывательской же логики. Так что есть главное в произведении искусства? Над чем художнику нужно работать в первую очередь, что можно оставить на потом, а чем вообще можно пренебречь?

Попробуем разобраться с творческой кухней. Если говорить о степени важности для создания продукта искусства различных художественных средств, инструментов, технических приёмов, то, вспомнив главную функцию искусства, становится понятным, что же надо ставить нам во главу угла.

Умение автора разглядеть в нашей жизни нечто важное, характерное, втянуть читателя (зрителя, слушателя) в разговор, формируя направленное к нему послание, – есть главное средство коммуни-

кации художника с миром в любом из видов искусства! Именно это умение следует считать первичным и самым главным по отношению ко всем прочим! И тут имеет значение внутренний мир автора, его интеллектуальный багаж, этические принципы, жизненный опыт, так же как и принципиальная способность его к образному и метафорическому мышлению.

"Что сказать хотел?" – главный вопрос к любому художнику в любом из видов искусства, и это вопрос мироощущенческий и субъективный!

Если меседж не считывается совсем, если нет ясности для чего создано, если это разговор о себе любимом на своей волне, то подобный текст уже выпадает из профессионального литературного поля! Если авторское высказывание банально или откровенно вторично, то это скучно, а значит тоже плохо и мало профессионально!

Рифмованные строки "ни о чём" здесь вообще не обсуждаются. Это поле деятельности разного рода графоманов.

Если меседж уже сформирован, разговор задуман, то возникает вопрос следующий: "Как ты это собираешься говорить в изобразительном материале?"

И это есть сложнейший интеллектуальный, технический, технологический процесс продвижения собственного осмысления мира, заключающийся в построении некой знаковой конструкции и обусловленный знанием и умением автора работать присущими данному виду искусства инструментами и материалами. Тут миллион нюансов. Именно в этот момент, когда дело доходит до работы с формой, становится важным разговор о вещах, делающих произведение искусства (в нашем случае, стихотворный текст) выразительным и эстетически значимым для других.

Здесь самое время вытащить на свет божий одну очень важную творческую дисциплину, которую редко вспоминают в литинститутах в силу специфической направленности литературного образования. Эта дисциплина называется композиция.

Композиция (от лат. *compositio* – сочинение, составление) – построение художественного произведения, обусловленное его содержанием, характером, назначением и во многом определяющее его восприятие. Композиция есть важнейший организующий компонент художественного произведения, придающий ему целостность, соподчиняющий его элементы друг другу и целому. Это то, первое и главное, без чего невозможно создать произведение искусства! Композиция отвечает за построение художественного образа, а без художественного образа – обязательного элемента искусства, стихотворчество моментально превращается в странные глуповатые (иногда высокопарные) монологи придурковатых неопитов тайного общества словоблудливых рифмоплётов.

Идём дальше! История искусств показывает нам, что лучшие произведения создаются их творцами частенько на грани дозволенного, на грани допустимого в работе с большой эстетически значимой образной конструкцией. Это касается как формы, так и содержания. Какую бы мысль, какое бы чувственное своё осмысление ни вкладывал художник в произведение, первым и главным фактором восприятия этого произведения зрителем (читателем) всегда остаётся общая выразительная острота сказанного, способность произведения пробиться за рамки привычного, обыденного, а также способность его прирасти к нашему мироощущению новыми, доселе нами не исследованными мировоззренческими смыслами, или очаровать необычными метафорическими ракурсами!

Именно поэтому на третье место в иерархии изобразительных и выразительных средств надо ставить ещё одну важную дисциплину, опирающуюся на профессиональные знания и профессиональные умения творца, а именно, – технологию работы с материалом (как бы прозаически это не звучало)! В нашем случае это умение художника работать со словом, умение выстраивать большие и маленькие метафоры, оперировать образными конструкциями, углубляя и усложняя их смысловое, а так же чувственное наполнение при помощи аллюзивных и ассоциативных смыслов, стилизаций и разного рода созидательных логик. Именно на этом уровне становится важным знание правил русского языка, основ стихосложения, и мелочи обретают вес. Именно они (мелочи) способны вложить в форму нюансы смысла, придать произведению неповторимый колорит и расставить чувственные акценты в нужном художнику месте! На этом уровне "винтики и болтики" обретают важное конструктивное значение!

Если вспомнить, что работа художника в любом из видов искусства есть работа со смыслами, закладываемыми им в каждый поворот формы, в каждую мельчайшую деталь художественного образа, будь то живописное полотно, музыкальное произведение или стихотворный текст; если это осознавать и сопоставить с выстроенной нами иерархией изобразительных средств, то в осмыслении творческого процесса всё становится на свои места, и это осмысление обретает теоретическую законченность, цельность и объективность!

* * *

Есть направления в искусстве, связанные между собой символистической логикой. Эта созидательная логика предполагает и не существует без стилизаций (упрощение, обобщение формы). Стилизации (в стихосложении) могут ломать привычные грамматические формы или исказить эти формы до неузнаваемости. Но даже в этих направлениях (символисты, абсурдисты, обэриуты и пр.) новые смыслы всегда вырастают на пересечении устоявшихся, лежащих в основе русского языка!

В стихосложении семантика русского языка играет роль базисной смысловой платформы, на которой строятся любые эксперименты с формой. Абсолютно невозможно "выйти из леса комом", "моросить пальцами", быть "пьяным водкой", "стреножить сову" и пр. Если огульно изменять устоявшиеся семантические значения слов, то мы рискуем моментально скатиться в графоманию! Если всё может означать что угодно, мы рискуем потерять коммуникационные ориентиры (и не только в творчестве).

Интересно задуманный, но искажающий глубинные значения слов образ можно и нужно развернуть под другим углом, перефразировать. Так, образ "моросящих по клавишам пальцев" можно развернуть и подать читателю таким образом, что читатель сам проведёт аналогию музыкальных движений с моросящим дождём. И это будет подход умный и профессиональный!

Скажем, работа грамотного художника в ИЗО заключается не в том, чтобы оправдать особым значением и особой субъективной выразительностью отсутствие базовых академических знаний и гармоний в произведении (хотя такие попытки в истории искусств были), а в том, чтобы сохраняющее коммуникативный язык базовых гармоний произведение выражало не меньше! Иначе и до "ручки, ножки, огуречик" недалеко! С базисными смыслами можно играть, можно на их пересечении создавать новые, но нельзя разрушать и подменять. Думаю, это должно быть "табу" в литературном творчестве!

Разные способы работы со смыслами – это то, что (в том числе) отличает творческие направления одно от другого. Интернет пестрит многословными определениями, как правило, не отражающими всей сущности этих творческих ответвлений на древе искусства, которые становятся понятными и полезными нам (пробующим созидать) только осмысленные на уровне работы автора с художественным образом.

На первый взгляд кажется, что способов и логик манипуляции образами и смыслами должно быть много (по числу направлений в искусстве). Это действительно так! Есть разные задачи в постижении (исследовании) разных секторов окружающей действительности, ставящиеся поборниками того или иного направления искусства во главу угла. Есть логические пути выполнения поставленных задач, проложенные идейными вдохновителями разных способов постижения действительности. Однако все эти многочисленные способы и логики можно систематизировать и условно разделить на два глобальных взаимоисключающих творческих подхода – условно называемый реалистическим, и символистический!

Если с реалистическим подходом и соответствующей ему созидательной логикой более-менее всё понятно, то символистическая логика в искусстве вызывает множество непониманий и споров. Что это такое? Как с этим работать? Как вооруженный подобной созидательной логикой автор оперирует образными конструкциями в художественном произведении? Как в стихосложении подобная созидательная логика соотносится с семантикой русского языка? Думаю, стоит поговорить об этом отдельно!

Достаточно долгое время я пытался понять, что такое символизм в искусстве. Даже не так. Что такое – я понимал на подсознательном уровне. Легко отличал символизм от остальных направлений в любом из видов искусства. Но как только пытался объяснить это явление с позиции логики работы художника над произведением, как-то охарактеризовать эту логику ясным и понятным для других образом, так тут же терпел неудачу... А потому что искусствоведы всё запутали до невозможности! Вот вроде всё верно сказано умными людьми про символизм, но суть работы художника с художественным образом всё равно ускользает. Даже впервые употребивший в одноимённом манифесте "Le Symbolisme" этот термин французский поэт Жан Мореас, и тот умудрился напустить туману: *"Все феномены нашей жизни значимы для искусства символов не сами по себе, а лишь как неосознанные отражения первоидей, указующие на своё тайное родство с ними"*. В нашей стране – Хлебников, позже – Кедров со своей метаметафорой ещё больше эту таинственность символизма усугубили.

Лишь некоторое время спустя, благодаря энтузиазму особо продвинутых искусствоведов и туманным подсказкам мастеров, я смог получить для себя разумное объяснение созидательной логики символизма, нашедшее потом подтверждение в старых, если не сказать древних (бумажных), энциклопедиях искусства. Куда всё выветрилось из электронных версий, одному Биллу Гейтсу известно!

Так вот, символизм, это не только и не столько направление искусства, использующее символы в создании художественного образа, это направление искусства, создающее художественные образы – символы! Символы явлений и проявлений окружающей нас действительности!

Символ – универсальная категория в искусстве, рождающаяся через соединение предметного образа и глубинного смысла, в него закладываемого. Символ в искусстве есть некий знак (знаком может быть и художественный образ в целом), логически замкнутый в себе и служащий условным обозначением какого-либо понятия, идеи, явления окружающего мира.

В отличие от аллегии, смысл символа неотделим от его образной структуры и отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания.

Это понимание очень важное, краеугольное, всё расставляющее на свои места! Становится понятным, каким образом работает мозг художника и строится художественный образ в символистическом произведении (создаём знак – некую абстрагированную вещь в себе)! Инструментом для работы чаще всего здесь выступает метафора в квадрате, умножающая смыслы при общем упрощении (обобщении) формы, или конструирование новых синтетических смыслов на пересечении прямых, привычных, опять-таки на фоне неизбежной стилизации (упрощения, обобщения) этой самой формы.

Но, заметьте, обоснованность каждого отдельного винтика конструкции, так же как и общий смысл конструкции в целом, никуда не исчезает! То есть, в своей работе художник должен понимать, знак (символ) чего он создает, какого явления действительности? Это – раз! И, соответственно, каким образом он это собирается делать.

* * *

Как ни странно, но семантика русского языка в стихосложении, оказывается, важнее грамматики (грамматику игнорировать можно, семантику – нельзя). Синтаксис становится важным в тексте, только если влияет на закладываемые в грамматические конструкции смыслы. Вообще, правила русского языка и правила из учебника стихосложения (ритмика, метрика, фонетика) превращаются всего лишь в инструменты, при помощи которых грамотный художник создает свой маленький, но спаянный внутренней логикой мирок, некую субъективную модель (реконструкцию) исследуемого им явления действительности! Значимое и важное перемещается из узких языковедческих коридоров в просторные, исследующие жизнь, лаборатории духа человеческого.

"Ну, что я говорил! И чего это ко мне редакторы с какими-то узкоспециальными мелочами пристают! Пишу практически гениально! Всё игнорирую!" – возопит среднестатистический современный сетевой "пиит". Тут же хочу остудить горячие головы. Для того, чтобы какие-то правила нарушать и балансировать на грани дозволенного, надо, как минимум, знать эти правила и местонахождение границы дозволенного. Скажем, стилизация – штука умная, но опасная. Неверный шаг, и – ваша мудрая мысль превращается в ходульную глупость, а ваше "прекрасное" вдруг видится читателю откровенно безобразным!

Невыразительная композиция, семантический ляп, прокол в созидательной логике, мешающие друг другу метафоры – это уже приговор стихотворению в целом. Можно говорить о каких-то удачных строках, но подобные тексты моментально переключиваются из категории искусства в категорию художественной самодеятельности. И тут дело не в моей вредной и злой натуре, пытающейся обидеть подобными рассуждениями прекраснотворцев. Вы же не купите табуретку с ножками разной длины, да ещё и с очень красивыми гвоздиками, вбитыми зачем-то в центр сиденья?

Я лично считаю профессионалами людей, точно понимающих, что, каким образом и для чего они делают в выбранной для себя сфере приложения творческих сил. Осмысление мира начинается с осмысления самого себя, а так же с осмысления исторических задач и методов затеваемой собственной исследовательской миссии. Законы, правила, историю явления для этого знать необходимо! Однако знание законов и правил несколько не ограничивает художника в свободе поиска. Вечно бродить исторически проторёнными дорожками скучно. Думаю, что правильный художник в любом из видов искусства (в стихосложении в том числе), это всегда вечный ученик и одновременно бесстрашный экспериментатор!

В заключение хочу сказать, что, будучи увлечённым человеком, очень уважаю это качество в других. Тот факт, что в наш безумный и дьявольски прагматичный век кто-то исследует мир, размышляет о жизни, пишет картины, музыку или стихи, вселяет в моё сердце надежду на завтрашний день! Хочу пожелать всем братьям-художникам удачи на этом пути, профессионализма и обязательного драйва в их творческой деятельности, поскольку именно эти качества делают жизнь человека искусства по-настоящему интересной, осмысленной и значимой!

ЛЮБОВЬ ДЕТКОВА

Краснодарский край

Любовь Деткова родилась на Урале в городе Карабаше Челябинской области. Детство и юность прошли в посёлке Новоуткинске в Свердловской области. Окончила школьное отделение Педагогического училища им. А.М. Горького, затем факультет психологии Столичного гуманитарного института (г. Москва). С 2014 года член краевого литературного объединения "Верность" при Краснодарском отделении Союза писателей России, которым руководил Вячеслав Динека, где серьёзно начала работать над своими стихами. В 2017 – 2020 гг. член редакционного совета поэтического альбома "Верность" и краевого литературного альманаха "Верность". В 2020 году – редактор-составитель Новомихайловского художественно-поэтического сборника "Ника". С 2018 года – член Международного Союза писателей и мастеров искусств (МСПМ). С 2020 года член Союза писателей России. Автор книг для детей разного возраста: "О чём щебечут птицы", "Под парусами белыми", "Возле ёлки новогодней".

РИСУЕТ СОЛНЦЕ СКАЗКУ

* * *

Рисует солнце сказку
Оранжевою краской,
Оранжевые горы,
Кораблики на море.

Раскрасило Танюшку,
На дереве пичужку,
Мальчишек двух чумазых,
Котят голубоглазых.

А кот дремал ленивый
В тени плакучей ивы,
Ему и не хватило
Оранжевого дива.

Когда бы не проспал он –
Оранжевым бы стал он.
Теперь он чёрный очень –
Чернее тёмной ночи!

Весна

Весна, растопив белоснежную стужу,
Весенним теплом обогрела поля.
Дождём озорным пробежалась по лужам,
Подснежником первым в лесу расцвела.

Наполнила ласковым солнцем мимозу
Под крик возвратившихся к нам журавлей.
Метнулась в черёмуху, в алую розу
И прыгнула в лето сверкающих дней.

Наша Земля

Лесная полянка встречает рассвет,
Окрасила платье в сиреневый цвет.
Пока соловьиные трели в лесу
На травах ещё не застыли в росу

Из гнёздышка солнце вспорхнуло, как дрозд,
Присело на веточки белых берёз.
И вот уже тонкой тесёмкой ручей
Играет, волнуется в блеске лучей.

Проснулась синичка, щебечет: "Чив-я",
Какая красивая наша Земля!

Ручей

Среди цветущих берегов
Ручей на камушках играет.
Как озорник, то прыгнет в ров,
То заскользит, то засверкает.

Над ним то бабочки кружат,
Накинув белые платочки,
То пчёлы быстро прожужжат,
Скрываясь в мареве цветочном.

Ручей проведать каждый день
Приходит серенький зайчонок,
А с ним и мишка, и олень,
И даже маленький мышонок!

До грозы

До грозы жучок лесной
Улетел к себе домой.
В одуванчик-шарик
Спрятался комарик.

И сложили бабочки
Юбочки и шапочки
И укрылись в травах,
В рощах и дубравах.

А семейство муравья
Быстро спряталось у пня
Под сосною длинной
В домик муравьиный.

Только смелый червячок,
Червячок-дождевичок,
На краю тропиночки
Лёг и ждёт дождиночки.

Март

Март, как котик озорной,
Размурлыкался весной.
В дверь за мною проскользнул,
Щёчку нежно мне лизнул.

Лучик в зеркале поймал,
На полу с ним поиграл.
А потом "мур-мур" запел –
Тут апрель и подоспел.

Март и выпрыгнул в окно,
Словно был котом давно.

Веселая тучка

На небе весёлая тучка
Держала две лейки за ручки,
Под радугой ярко сияла
И дождиком всех поливала.

А дождик большие сапожки,
Примерив на тонкие ножки,
По лужам сверкающим шлёпал
И звонко пузырики хлопал.

Под парусами белыми

Под парусами белыми
На брёвнышке плывут
По речке чайки смелые
И песенки поют.

На верхней мачте-веточке
Есть место воробью.
Он радостно чирикает
Им песенку свою.

Они командой дружною
Вдоль берега плывут,
А впереди их шумные
Морские волны ждут.

Я хочу служить на море

"Я хочу служить на море", –
Говорит малыш Григорий
И показывает маме,
Как умеет плавать в ванне.

То дельфином проплывёт,
То "солдатином" нырнёт.
То у дна, как барабулька,
Проскользнёт – вода не булькнет.

"По морям и океанам
Я, как папа, плавать стану,
А пока в домашней ванне
Я – как рыбка в океане!".

Почему?

Почему мне утром солнце
Посылает луч в оконце?
Кто травую, словно пледом,
Укрывает землю летом?

Отчего на небе тучи
Стали выше горной кручи?
И о чём щебечут птицы:
Воробьи, чижи, синицы?

Почему журчит ручей,
Голосочек слышен чей?
Почему грибы в рубашках –
На полянке и в овражках?

И какой волшебной кистью
Красит в парке осень листья?
В школу скоро я пойду
И ответы там найду!

Все могу

Всё могу: свистеть, кричать,
Лишь бы только не молчать.
Поросёночком захрюкать,
По-кошачьи замыкать.

Замычать "му-му" бычком,
Кукарекать петушком,
Пробежаться, улюлюкнуть
И, как филин, громко ухнуть...

Улыбнулась баба Валя
И мне ласково сказала:
"Ты, Андрюша, не шуми,
Лучше книжечку возьми".

Стал букварик я листать,
Буквы в нём запоминать.
Много букв узнал и слов,
Рек, озёр и городов.

Прочитал я в букваре –
Рыба язь живёт в реке.
И ещё узнал, друзья,
Среди букв там есть и "Я"!

Рыбаки

Встали тихо на рассвете,
Наша Мурка тут как тут.
Промурлыкала: "Приветик!"
И за нами тут же в путь.

По натопанной тропинке
Не спеша идём к реке.
На плече у деда спиннинг
И приманка в рюкзаке.

Где впадает речка в море,
Сядем прямо на траву,
Будем с дедушкой вскорее
На червя ловить плотву.

В банке плещется рыбёшка.
Хоть улов и небольшой,
Я и дед, и Мурка-кошка
Возвращаемся домой.

Котик

Спинку выгнул рыжий котик
И поймать решил свой хвостик.
Думал глупый шалунишка,
Что за ним крадётся мышка.

Стал за хвостиком гоняться,
На диване кувыряться.
Изловчился тут плутишка
И когтями цапнул "мышку".

Замяукал – больно стало,
Спрыгнул на пол с одеяла.
Осознал игривый котик,
Что ловил себя за хвостик.

Мишина

Возле дома, на крыльечке,
Появился Добрый вечер.
А потом и Тишина
Затаилась у окна.

Где она, никто не знает,
Даже Шарик наш не лает.
Очень хочется успеть
На неё мне посмотреть.

Я в кровати жду, зеваю,
Потихоньку засыпаю.
И под бабушкины сказки
У меня уснули глазки.

Расхрабрился Барсик кот

Расхрабрился Барсик кот:
"Стал я тигром сильным – вот!
До мышей мне дела нет,

Не на них сошёлся свет".
Мыши стали бегать смело,
Дразнят "тигра" то и дело.
Тихий шорох – он ни с места –
"Много будет серым чести!"

Ни за что тигрову участь
Не сменяю на мяучасть".
И как тигр под кустом
Стал накручивать хвостом.

Дичь настигнуть в два прыжка
Был готов исподтишка.
Тут вдруг дедушка Илья:
"Кис-кис-кис", – позвал, любя.

Положил сметанки в блюдце.
Не успел кот облизнуться,
Пыл плутишки и пропал.
Кот быть тигром перестал.

Пузырик

Жил маленький Пузырик
На земляничном мыле.
Он мыл лицо и руки
Всем детям ранним утром.

Однажды сам умылся
И вмиг преобразился.
Большим стал, лучезарным,
Весёлым и отважным.

И тут же по секрету
Его спросила Света:
"А можно на ладошке
Тебя хотя б немножко
Поближе подержать".

Пузырик улыбнулся,
Подпрыгнул, потянулся,
Как котик спинку выгнул
И на ладошку прыгнул.

Тут взрослые и дети,
Забыв про всё на свете,
К Светлане подбежали
И пальчиком старались
Его потрогать бок.

"Но я боюсь щекотки", –
Сказал Пузырик вёрткий.
С ладошки вдруг сорвался
И в небе оказался.

Как космонавт в скафандре,
Над летнею верандой,
Над нашими домами
Он стал летать кругами.

А мы ему махали
И радостно кричали:
"Скорее возвращайся,
Нам скучно без тебя!".

Внимание! Краснодарское региональное отделение Союза писателей России при поддержке Министерства культуры Краснодарского края проводит Открытый литературный фестиваль-конкурс "Кубань литературная", посвящённый 75-летию Краснодарской краевой писательской организации

К рассмотрению принимаются литературные произведения, отвечающие следующим номинациям:

- "Большая проза" (романы, повести, сборники рассказов);
- "Малая проза" (очерки, рассказы, новеллы);
- "Большая поэзия" (поэмы, сборники стихов);
- "Малая поэзия" (подборка стихотворений);
- "Публицистика";
- "Литература для детей и юношества" (романы, повести, сборники рассказов и стихов, отдельные подборки стихов и рассказы, ориентированные на юного читателя);
- "Дебют" (произведения авторов, возраст которых не превышает 18 лет);

Возрастного ценза для участников фестиваля нет. Подборки стихов, представленных для конкурсного отбора, не должны превышать 300 строк. Рассказ, новелла, статья – не более 20 000 знаков с пробелами. Работы принимаются в электронном виде в формате документа Word, шрифт Time New Roman, размер шрифта 12. К работе прилагается заявка, где указывается:

- имя автора (псевдоним);
- название произведения и жанр;
- возраст и место проживания автора, электронный адрес,
- контактный телефон.

Соискатель гарантирует, что является автором произведения.

Заявки принимаются в электронном виде до 1 октября 2022 г. на адрес: snmakarova@mail.ru.

Проьба вписывать заявку в файл вместе с текстами, а не отдельным документом.

Победители будут награждены дипломами и подарочными изданиями, лучшие произведения будут опубликованы в журнале "Краснодар литературный".

Краснодарское региональное отделение "Союз писателей Кубани" Общероссийской общественной организации "Союз писателей России" при поддержке Министерства культуры Краснодарского края в ноябре 2022 года проводит в Краснодаре Краевой семинар начинающих литераторов

Приглашаем принять участие в семинаре молодых и начинающих литераторов, членов литературных объединений, поэтов, прозаиков, детских писателей Краснодарского края.

1. Порядок подачи работ:

а) заявки на участие и творческие работы подаются в одном файле и принимаются по 31 октября 2022 года в электронном виде по адресу: snmakarova@mail.ru в формате doc., с пометкой "На Семинар 2022";

б) заявка участника должна включать: ФИО; псевдоним (если есть); год рождения; название творческого объединения или союза (если есть); творческую биографию с указанием образования, перечнем публикаций, если есть; место работы (учёбы); координаты участника (электронный адрес, место проживания, телефоны).

2. Требования к текстам:

а) принимаются ранее не опубликованные тексты;

б) тексты предоставляются в формате doc. при размере кегля 12, шрифт Times New Roman с интервалом 1,5 (для секции "Поэзия" объём не должен превышать 10 страниц формата А4; "Малая проза" – до 20 000 знаков с пробелами);

г) текст должен быть на русском языке, отредактирован и откорректирован; обценная лексика, призывы к насилию, расовой и национальной дискриминации в произведениях не допускается;

д) к рассмотрению не принимаются черновики и рукописные тексты, а также тексты, содержащие большое количество грамматических ошибок.

3. Руководители Семинара

Для качественной оценки и разбора литературных произведений приглашаются видные специалисты, поэты, прозаики, критики, обладающие заслуженными званиями, высокой квалификацией, компетентностью и профессионализмом, участвовавшие ранее в качестве руководителей всероссийских и краевых семинаров, членов жюри, почётных участников и гостей в различных фестивалях и конкурсах всероссийского и международного уровней.

По итогам семинара участники получают сертификаты, лучшие произведения будут изданы в сборнике поэзии и прозы молодых и начинающих литераторов Кубани, авторы, заслужившие одобрительные оценки мастеров, будут рекомендованы в Союз писателей России.

Краснодар литературный

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

№ 2(8), июнь 2022 г.

Корректор Лидия Железовская

Подписано в печать.....07.06.2022.

Дата выпуска10.06.2022.

Формат А4 Бумага офсетная

Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная

Тираж 500 экз.

* * *

Отпечатано: в ВД – У "Бумеранг"

Адрес типографии: г. Краснодар,

ул. Рождественская Набережная, 3

Мне, солнысу светлое, горю!
Как эта лантана блещет
перед ясным восходом зари,
так лодка как мудрость мерцает и тлещет
перед солнысем бессмертвем зема.
Да здравствует солнысу,
да срастется твоя!
(А.С. Пушкин)

Литературно-художественный и общественно-публицистический журнал

